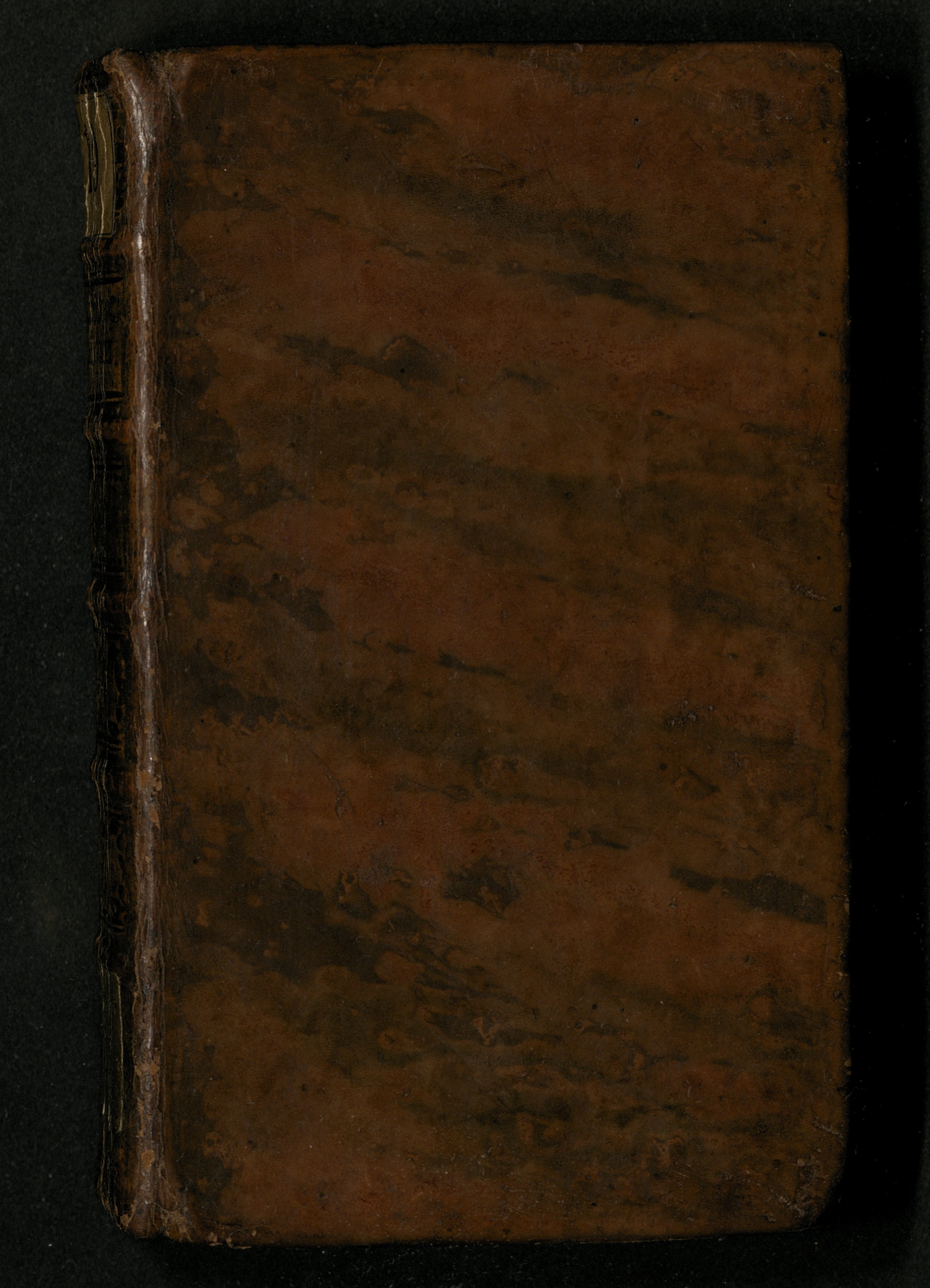
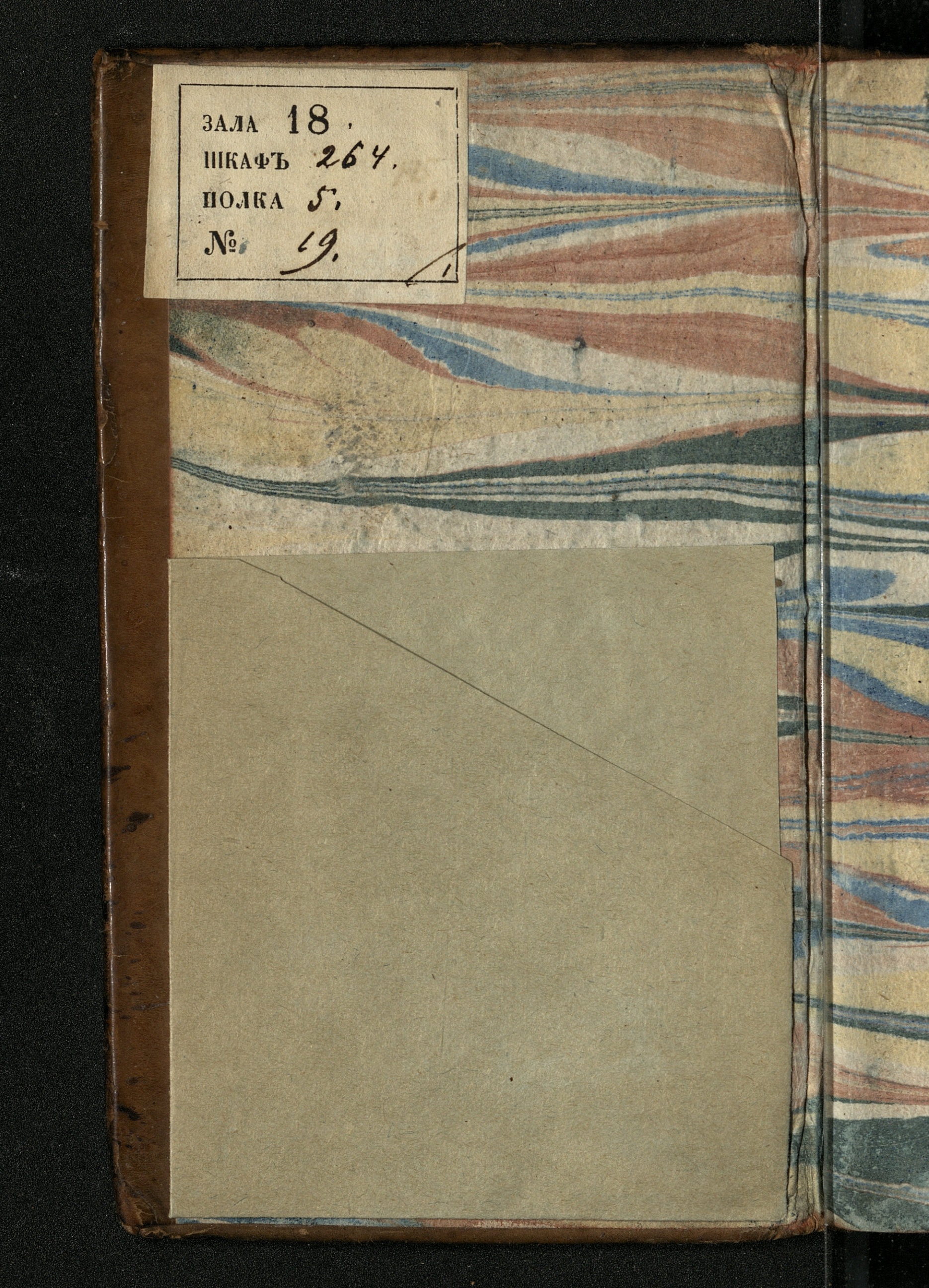
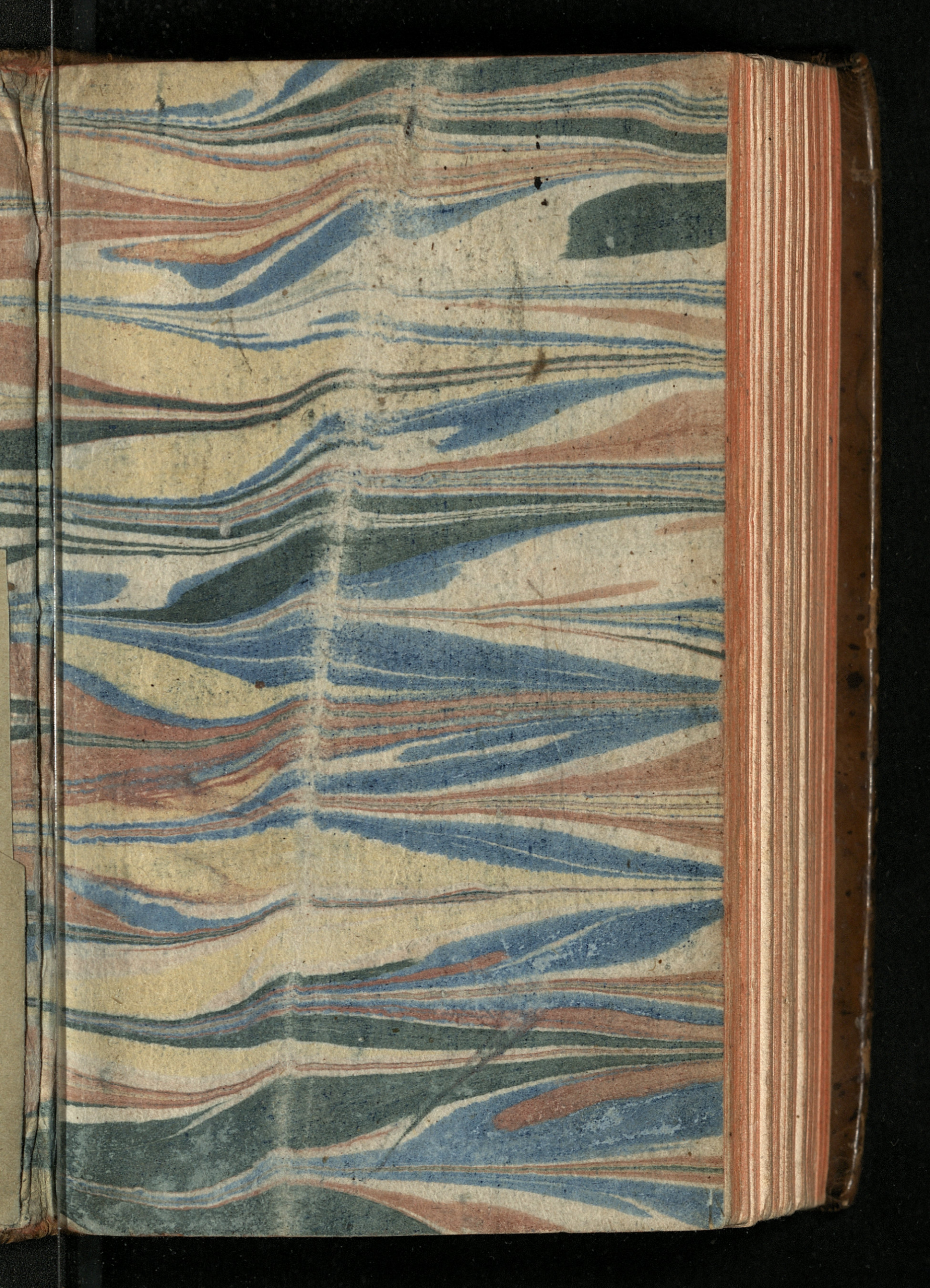

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 264.
ПОЛКА 5.
№ 19.

ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ
или
СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ
МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ

Сочиненія Г. Гіольетта

переведены
съ Французскаго языка.

ТОМЪ I.

вторымъ тисненіемъ

ВЪ Санктпетербургѣ
1774 года.

* *

*

Огуцъ, Султанъ Гузаратский (а), установя въ областяхъ своихъ законъ великаго пророка Магомета, и разруша капищи истукановъ, которымъ прежде сего подданные его поклонялись, вознамѣрился утвердить непоколѣбимый миръ съ сосѣдями своими. А какъ они примѣромъ, храбростїю и человѣколюбїемъ его убѣждены были, признать единаго бога, а Магомета его посланникомъ; то не

А много

(а) Гузаратское Государство принадлежитъ нынѣ къ землямъ великаго Могола; столичный онаго городъ есть Камбай.

много ему труда стоило, приобрѣсть ихъ дружество: и четверо изъ сосѣдственныхъ владѣльцовъ желая показать ему оное въ самомъ дѣлѣ, отправили къ нему, для заключенія союза, пословъ, которые нечаянным случаемъ всѣ въ одинъ день въ Камбай прибыли. Хотя Огуцъ, которому еще не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ было, великое отвращеніе чувствовалъ къ женидьбѣ; однако для избѣжанія подозрѣній, будто онъ другими Султанами презираетъ, велѣлъ посламъ ихъ объявить, что онъ съ великою охотою приемлетъ ту честь; которую ему Государи ихъ дѣлаютъ; но что не будучи въ состояніи избрать себѣ супругу, не оскорбя тѣхъ Принцессъ, съ коими сочетаться не похочетъ, проситъ онъ ихъ, что бы они сыскали средства къ сему избранію, которое не мало его безпокоитъ

Послы

Послы разсуждая вмѣстѣ о толь важномъ дѣлѣ, выдумали напослѣдокъ способъ, состоящей въ томъ, что бы всѣ Принцессы приѣхали въ назначенный день въ (а) Амадабатъ, гдѣ находился бы такъ же и Огуцъ; что бы тамъ собрались всѣ Принцессы въ отведенную для нихъ царскую залу, притомъ были бы такою покрыты фатою, сквозь которую не можно бы было и стану ихъ видѣть; и что бъ та Принцесса, кою Султанъ изберетъ, не видавъ ее прежде, почиталась законною его супругою. Сколь ни страненъ былъ сей вымыселъ, однако Огуцъ и всѣ Государи ищущіе его союза, приняли оный съ охотою, и Принцессы, изъ которыхъ старшей неболѣе осмнадцати лѣтъ было,

(а) Городъ Амадабатъ находится въ осмнадцати миляхъ отъ Камбая, не подалеку отъ рѣки Инда.

пріѣхали въ Амадабатъ въ назначенный день. Огуцъ ходя нѣсколько времяни по залу, въ коемъ онѣ находились, подалъ нечаянно руку одной изъ нихъ, и Имамъ, какъ то уже прежде согласенось было, началъ отправлять обыкновенныя въ таковыхъ случаяхъ обряды. Султанъ сочетаясь такимъ образомъ съ сею Принцессою бракомъ, говорилъ ей: Государыня моя! сердце мое не имѣло еще участія въ семъ нечаянномъ моемъ *избраніи*; однако то, какимъ образомъ принимала ты отъ меня клятву, заставляетъ думать, что я тебѣ непротивенъ; не отлагай же, Государыня, показать мнѣ супругу, которую получилъ судьбою: Небо да утвердитъ навсегда союзъ сей, и что бы не могли имѣть мы ни единаго случая, притти когда о томъ въ раскаяніе!

Какъ въ залѣ были только невольницы и черные евнухи пришедшіе съ Принцессами и съ Султаномъ; то моладая Огуцова супруга почла за должность, повиноваться первымъ его желаніямъ; сброся съ поспѣшностію съ себя покрывало, показала толико величества, столь совершенную красу, толь великія прелести, и очи наполненные толикою живостію, что Государь сей пришелъ вдругъ во изумленіе, въ которомъ не малое время пребылъ. Великій Пророкъ, вскричалъ онъ по томъ, смертную ли я предъ собою вижу? или въ супруги низпослалъ ты ко мнѣ оную изъ дѣвъ твоего рая? Никакъ, всемилостивѣйшій Государь, сказала на то новая Султанша; ты зришъ предъ собой Принцессу красы весьма посредственной; я

дщерь Царя (a) Езельмерскаго, имя мое (b) Гегернаца; и я начинаю на себя досадавать, что судьба опредѣлила тебѣ въ супругу ту, которая изо всѣхъ предстоящихъ здѣсь Принцессъ красотою уступаетъ. Ахъ! Государыня, вскричалъ Султанъ Гузаратскій, сїе никакъ не можетъ статься: сколь выборомъ моимъ я доволенъ! любовь, которая до сихъ поръ была мнѣ еще безъизвѣстна, овладѣла теперь всѣми моими чувствами толь сильно, что нахожусь внѣ себя; но не могу быть совершенно благополученъ, есьли такого же дѣйствїя не произвелъ я въ твоемъ сердцѣ.

Чуть только Султанъ окончалъ рѣчь, толь для Гегернацы лѣ-

(a) Езельмерское Государство принадлежитъ нынѣ такъ же къ землямъ великаго Могола.

(b) Гегернаца значитъ приданое изъ красоты состоящее.

лѣстную, какъ проччія Принцессы, сраженныя красотою Огуцовою, не могли отъ слезъ удержаться; и печаль одной изъ нихъ была столь чрезмѣрна, что не могла стоять, но пала къ невольницамъ своимъ въ руки: въ семъ состояніи спало съ нее покрывало, и другія двѣ Принцессы хотя подать ей скорое вспомоществованіе, открыли такъ же нечаянно свои лица. Сколь ни возпаленъ былъ Огуцъ къ Гегернацѣ, однако увидя толико красотъ, которыя почти подобныхъ себѣ на свѣтѣ не имѣли, сталъ вдругъ непоколѣбимъ. Супруга его примѣтя, оное сказала: признайся, всемилостивѣйшій Государь, что сіи Принцессы несравненными достоинствами обладаютъ, и что рука твоя обманула тебя во избраніи меня твоею супругою.

Я могу признаться, любезная Султанша, отвѣтствовалъ на то Огуцъ, что сіи Принцессы совершенною одарены красотою: но сколь бы ни великими прелѣстями онѣ обладали, однако никогда не предпочту ихъ любезной Гегернацѣ. Ахъ! милостивѣйшій Государь, сказала Султанша, сколь много прискорбія причиняетъ сія о мнѣ мысль твоя, и сколь намѣренія мои тщетны. Какія намѣренія, вскричалъ смущенный Султанъ? Дозволь мнѣ, Государь, продолжала Султанша, открыть тебѣ оныя; но что я говорю? хотя и желала бы умолчать объ оныхъ; однако данныя ужасныя мной клятвы, понуждаютъ меня отъ тебя ни въ чемъ не таиться. Сіи три Принцессы и я прибыли сюда третьяго дня довольно поздо. Хотя между такими особами, которыя красотою своею весь-

ма много славились, и толь достойнымъ человѣкомъ, какъ ты великїй Султанъ, обладать искали; и надлежало бъ не малому быть недружеству; однако мы съ перьваго нашего свиданїя поступили другъ съ другомъ съ великою учтивостїю и ласкою, и какъ скинули съ себя свои покрывала, то долгое время пребывая во изумленїи, смотря одна на другую, и по томъ не нашедъ въ себѣ недостатковъ, пришли мы такъ же во удивленїе, видя что у всѣхъ насъ глаза наполнены были слезами. Причину того могли познать мы скоро; и я прервавъ молчанїе прежде всѣхъ моихъ подружекъ, говорила имъ такъ: любезныя Принцессы! великїя и славныя дѣла Гузаратскаго Султана, и описанїе красоты его, заставляютъ каждую изъ насъ опасаться, что счастїе не сдѣлаетъ ее его супругою. Я

думаю, что великій нашъ Пророкъ внушаетъ мнѣ средство ко прекращенію нашего страха; но прежде нежели оное вамъ открою, когда только познала причину вашего плача, и есьли вы въ мнѣніи своемъ со мною согласны, дадимте теперь другъ другу клятвы, что не токмо ничто не можетъ прекратить дружества и любви, которыя насъ должны соединять на вѣки; но еще, что бы та, которая счастіемъ опредѣлится въ супруги Султану, не наслаждалась одна сею честію, не принудя его обѣщать на священной книгѣ, яко основаніи нашего закона, что онъ исполнитъ то, чего она отъ него потребуетъ.

Принцессы, мысли коихъ я толико проникла, любопытствуя чрезмѣрно, знать мое намѣреніе; дали мнѣ объявленную клятву, которую онѣ и отъ меня

ня получили; послѣ чего продолжала я рѣчь мою такъ: Султанъ избравъ себѣ одну изъ насъ въ супруги, приведетъ конечно всѣхъ другихъ въ отчаяніе. Сколь ни много нечувствительности оказывалъ сей Государь до сихъ поръ къ любовной страсти, которое произходитъ конечно отъ того, что не пришелъ еще часъ къ его возпламененію; однако я точно увѣрена, что чуть только изберетъ онъ себѣ судьбою супругу, то она, подобно блестящему и сіяющему солнцу, разсыплетъ взорами своими холодность, которою его сердце окруженно; но чѣмъ болѣе будетъ онъ ощущать къ ней любви, тѣмъ болѣе должно ей употреблять силу своихъ прелѣстей ко удовольствованію трехъ другихъ своихъ подружекъ. И такъ любезныя Принцессы, сего то я отъ васъ требую, чему и себя

саму безпрекословно подвергаю. Та, которая опредѣлена будетъ Султана учинить счастливымъ, не должна совершить обязательствѣ законныя супруги, не принудя его прежде клясться надъ Алькораномъ, что сердце свое раздѣлитъ онъ и съ другими Принцессами. Пророкъ нашъ позволяетъ по закону намъ данному, имѣть четырехъ законныхъ женъ; мы число сїе не превосходимъ; для чего же Гузаратскій Султанъ, будучи въ состоянїи сдѣлать всѣхъ насъ счастливыми, не похочетъ исполнить всѣхъ насъ совершенною радостїю и истиннымъ благополучїемъ? Сопряжемтеся, дражайшїя Принцессы, искреннимъ и чистымъ дружествомъ, и презря зависть и ревнивость, которыя обыкновенно соперницами обладаютъ, потщимтесь поспѣшествовать благополучїю Султана,

и

и собственному нашему счастїю.

Сїе предложенїе было съ великою похвалою принято; мы всѣ обѣщались другъ ко другу сохранить на всегда истинное и ненарушимое дружество, и намѣренїе мое положили исполнить со всякою точностїю, въ подтвержденїе чего дали взаимныя сильнѣйшїя клятвы; и ихъ не можемъ мы нарушить, не подвергнувъ себя гнѣву великаго нашего Пророка. Теперь, всѣмилостивѣйшїй Государь, остается только тебѣ одному, разсмотрѣть себя, столь ли много меня любишъ, что предложенїе сїе съ точностїю исполнить въ состоянїи? иначе же не взирая на обязательства мною тебѣ данныя, обьявляю, что никогда не можешъ поступить со мною по тѣмъ правамъ, которыя толь

священный союзъ даетъ тебѣ надъ мною.

Гузаратскій Султанъ былъ представленіемъ симъ толь смущенъ, что долгое время не могъ на то ничего отвѣтствовать; находясь въ крайнемъ изумленіи и безпокойствѣ не зналъ, какія предприять мѣры, и взглянувъ нечаянно на трехъ Принцессъ, увидѣлъ прекрасные ихъ очи въ слезахъ погруженны. Принудь себя, великій Государь, сказала ему тогда Гегернацъ, поцѣловавъ у него съ горячностію руку. Молчаніе твое вонзаетъ кинжалъ во грудь сихъ дѣвъ прекрасныхъ; смягчись моею и ихъ скорбію; прекрати сомнѣніе, что я толь мало надъ сердцемъ твоимъ имѣю власти, что не могу получить первой милости, которой отъ тебя требую? Оная въ разсужденіи тебя, отвѣт-

ствовалъ на то Огуцъ, толь странною для меня кажется, что конечно оскорблю прекрасную Гегернацу, когда съ толикою скоростїю исполню все требуемое: однако чувствую, что не могу ни въ чемъ тебѣ отказать болѣе. Но дозволь, исполнить сїе съ тѣмъ договоромъ, что бы и Султаны, которыми сїи Принцессы на свѣтъ произведенны, на то безпрекословно согласились; потому что всякой изъ нихъ, ревнуя о своихъ правахъ, можетъ тѣмъ быть озлобленъ, что не одна дщерь его останется Гузаратскою Султаншею; еслиже узнавъ о семъ странномъ произшествїи, согласятся оні на сїе предложенїе, то я сею священною клянусь книгою, что съ сими Принцессами сочетаюсь. Опасаюсь же я при семъ только того,

что бы (а) Асмугъ не вкрался когда между вами, и не нарушилъ спокойствіе и тишину, которыми вы со мною наслаждаться льститесь. Нѣтъ, милостивѣйшій Государь, сказала Гегернацъ; діаволъ сей не можетъ никогда въ сердца наши всѣлиться: (b) Исфендьяръ потщится его отъ насъ изгоняти; и я за всѣхъ сихъ Принцессъ ручаюсь, что союзъ ихъ съ тобою не нарушитъ нимало твоего спокойствія. Милостивѣйшій Государь, сказали тогда три Принцессы, обнявъ Султаншу; поступокъ Гегернацы толь великодушенъ, что никогда не можетъ изтребить изъ памя-

(а) Асмугъ по объявленію Зороастра есть начальникъ всякаго зла, а особливо несогласія и вражды.

(b) Исфендьяръ, по мнѣнію восточныхъ жителей, есть Ангелъ хранитель чистоты женъ, и который въ сераляхъ миръ и согласіе сохраняетъ.

памяти, что ей должны всемъ своимъ счастїемъ; мы точно увѣрены, что государи, отъ которыхъ зависимъ, не будутъ въ требованїяхъ нашихъ нимало прекословить, ибо отказъ ихъ можетъ быть плачевенъ; мы всѣ вознамѣрились скончать лучше жизнь, нежели отречись отъ того благополучїя, которое отъ великодушїя твоего и Гегернацы теперь получаемъ.

Гузаратскїй Султанъ приведенъ будучи въ крайнее удивленїе таковымъ трехъ Принцессъ намѣренїемъ, отвѣтствовалъ имъ со всевозможною вѣжливостїю и ласкою; и видя, что ни одна изъ нихъ не уступаетъ въ красотѣ Езельмерской Принцессѣ, не могъ не возчувствовать въ сердцѣ своемъ, что онъ счастливѣйшїй изо всѣхъ Индостанскихъ государей. Принцессы, присовокупилъ

онъ

онъ къ тому, съ удовольствїемъ приемлю я жертву сердецъ вашихъ. Сколь много приноситъ мнѣ сїе славы и чести, о томъ не могу довольно оказать всевозможной моей благодарности: я отпишу къ Султанамъ, вашимъ родителямъ, посовѣтовавъ сперьва съ ихъ послами; и если вы извѣстите ихъ о томъ мнѣнїи, въ которомъ въ разсужденїи меня находитесь, то не сомнѣваюсь, что бы вы не получили того, чего сердца ваши съ толикою ревностїю желаютъ. Мы льстимся, милостивый Государь, сказала на то одна изъ Принцессъ, что Султаны не столь мало насъ любятъ, что бы не могли отставить какой пщетной чести, которая бы нашему сопротивлялась желанїю.

Огуцъ и Принцессы написали къ Султанамъ; письма ихъ вручены были посламъ; и сей государь

дарѣ повелѣвѣ поступать сѣ Принцессами и со всею ихѣ свитою такѣ, какѣ состоянїе ихѣ требовало, пошелѣ сѣ Султаншею, своею супругою, вѣ потаенные чертоги, гдѣ приуготовленѣ имѣ былѣ великолѣпный столѣ, послѣ котораго спустя нѣсколько часовѣ пошли они вѣ баню, а по томѣ вѣ спальню.

Никогда Гузаратскїй Султанѣ не вкушалѣ толь сладкихѣ и совершенныхѣ утѣхѣ и удовольствїй. Сраженѣ будучи прелѣстьми и красотою Гегернацы, говорилѣ ей вѣ великомѣ возторгѣ: любезнѣйшая Султанша, свѣтѣ моея жизни, можешь ли то подумать, что бы я когда раздѣлилѣ сердце мое сѣ тобою и сѣ тѣми красавицами, сѣ которыми ты меня сопрягаешѣ? нѣтѣ, нѣтѣ, то не вѣ моей состоитѣ власти; для того не надлежало бы мнѣ никогда знать ни сѣ чемѣ несравнен-

венную Езельмерскую Принцессу. Ахъ! милостивый государь! сказала на то Гегернаца, представь себѣ, что бы подъ покрывалами могъ ты избрать вмѣсто меня другую супругу, и что бы я съ печали лишилась жизни, есьли бы сія Принцесса не получила отъ тебя того, что обѣщала мнѣ столь торжественно: правда сердце мое будетъ тайно стѣнати, видя союзъ твой съ другими Султаншами; но на то будетъ оно взирать безъ произношенія малѣйшихъ жалобъ; я точно увѣрена, что онѣ всѣ однѣхъ со мною мыслей: люби ихъ, Государь, онѣ тебя обожаютъ, и равнодушіемъ, котораго снести не могутъ, и которое бы погубило и меня, ежели бы на ихъ была мѣстѣ, не лишай жизни то, чего нѣтъ во всемъ естествѣ любезнѣе и краше. И въ самомъ дѣлѣ, что можно найти совершеннѣе

Хитор-

Хиторской Принцессы? не по справедливости ли заслуживает она имя * Геганзуцы, которое дано ей по причинѣ прелѣстей и красоты ея, кои въ состояніи возпалить всякаго человѣка. Невбагара ** букарская Султанша не достойна ли даннаго ей имяни? самою блестящею и веселѣйшею младостію не представляетъ ли она приятностей весны? а божественная *** Шебгарака, дщерь Царя Азмерскаго, не въ самомъ ли дѣлѣ полная Луна, въ разсужденіи великой лѣпоты, которою она украшена? Правда, дражайшая Султанша, что всѣ сіи Принцессы совершенны, сказалъ тогда Султанъ; но можетъ ли достоинство ихъ сравниться съ достоинствами неоцѣненныя Гегернацы? *Конечно, Государь,* примолвила Султанша, въ сихъ прекрасныхъ особахъ найдешъ болѣе приятностей и прелѣстей, нежели

* Возжигатель[ница] вс[его] свѣта.

** Но[вая] Весна.

*** Ноч[ное] свѣтил[о]

ли во мнѣ; и дай боже, что бы онѣ не изтребили изъ мыслей твоихъ такую супругу, которую и малѣйшее равнодушіе во гробъ вогнать можетъ. Ахъ! прекрасная Султанша! сказалъ Огуцъ, не страшись никогда таковой судьбины; изображеніе красы твоей начертанно на сердцѣ моемъ перомъ небесныхъ Павлиновъ * такими буквами, которыхъ вывести изъ онаго никакъ невозможно. Милостивый Государь, сказала тогда Султанша, не отвѣтствуй ни за что; когда всемогущее Небо пустило стрѣлу своего опредѣленія, то противу оныя нѣтъ инаго щита, какъ только повиновеніе должное его воли: и такъ повергаюсь ему во всемъ что со мной ни опредѣлитъ, и требовать буду только того, что бы въ семъ случаѣ послало ко мнѣ смерть, или наградило меня такою силою, дабы

* Ангелы.

бы лишенїе твоего сердца могла я снести безъ роптанїя, и не стараясь нарушить твоего благополучїя.

Толь нѣжныя и повиновенїе являющїя мысли, не могли отъ слезъ удержать Султана, что Гегернацу тронуло чрезмѣрно; она облобызая супруга своего съ величайшею горячностїю, сказала: государь! истребимъ толь плачевныя мысли, нарушающїя спокойствїе сердецъ нашихъ; но насладимся паче радостїю, сопряженною съ непорочностїю и никакою скорбїю непрерываемою: я же ни о чемъ болѣе помышлять не буду, какъ только о томъ, что бы дражайшимъ Султаномъ обладать непрестанно. На конецъ по таковыхъ многократъ повторяемыхъ разговорахъ, сїи счастливые супруги предались въ объятїя спокойнаго сна, отъ котораго уже гораздо поздо по

возхожденіи солнца пробудились.

Три Принцессы, которыя на благополучіе Гегернацы не безъ зависти взирали, ожидали съ нетерпѣливостію возвращенія гонцовъ, кои къ родителямъ ихъ посланы были: на конецъ они прибыли съ объявленіемъ согласія своихъ Государей: и Огуцъ сочетавшись съ сими Принцессами, чувствовалъ отъ обладанія ими толь великое удовольствіе, что онаго никакъ описать не возможно. болѣе же всего причиняло ему утѣхи то, что всѣ Султанши по возвращеніи своемъ въ Камбай, родили въ одинъ день, и почти въ одинъ часъ толь прекрасныхъ сыновей, что съ ними ничто на свѣтѣ не могло сравняться.

Есьли сіе толь чрезвычайное приключеніе наполнило сердца сихъ Принцессъ несказанною радостію,

достїю, то Султану подало поводъ къ страннымъ размышленiямъ. Жены мои, сказалъ онъ одному престарелому Евнуху, который воспитывалъ его въ самомъ младенчествѣ; не имѣли еще до сихъ поръ нималѣйшїя между собою распри: горячность мою раздѣлялъ я между ими толь равно, что ни одна изъ нихъ не можетъ подумать, что бъ я которую любилъ другихъ больше. Я трепѣталъ, дабы рожденїе дѣтей ихъ не нарушило согласїя, которое въ Сералѣ моемъ царствуетъ между матерями, и что бы равенство являемыя мной къ нимъ горячности не прекратилось: но любезный Облалла * [такъ Евнухъ сей назывался,] къ разрушенїю сихъ страховъ выдумалъ я теперь средство. Мнѣ хочется, что бъ Султанши не знали своихъ дѣтей, и что бъ то

* Слуга Божїй.

сдѣлано было такимъ образомъ, будто бы я въ томъ нималаго не имѣлъ участія: для сего намѣренъ я нынѣшней же вечеръ призвать кормилицъ въ мой покой, и когда дамъ тебѣ повелѣнія, то исполни ихъ немедлѣнно: проччее же попеченіе на себя принимаю.

Султанъ въ разсужденіи своего разположенія велѣлъ младенцевъ принести къ себѣ въ покой, приказалъ ихъ раздѣть, и далъ въ сіе время Об аллѣ знакъ, какой между ими положенъ былъ. Евнухъ находящейся въ ближайшей комнатѣ зажегъ нѣкоторой порошокъ, данной ему Огуцомъ, отъ чего весь покой казался въ пламѣ, такъ что бы и всякой, не только женьщины, пришелъ въ ужасъ: и какъ пламя дошло до двѣрей, то Обдалла выскочивъ въ оныя съ великою робостію, требовалъ помощи; бѣдныхъ

ныхъ же кормилицъ привело сiе въ такой страхъ, что онѣ забывъ младенцевъ, спасались бѣгствомъ съ великимъ поспѣшенiемъ, и весь дворецъ крикомъ своимъ наполняли. Султанъ могъ все сiе легко предвидѣть. Пользуясь симъ безпорядкомъ и помощiю одного только Обдаллы, отнесъ младенцевъ въ другую комнату, и положа ихъ въ такомъ же порядкѣ какъ они лежали, для лучшаго разпознанiя, обернулъ ихъ въ пеленки, принесенныя Обдалломъ, и на которыя тайныя положилъ мѣтки, по коимъ бы ихъ разпознать было можно. Султанъ повелѣвъ погасить огонь, который причинилъ болѣе страха, нежели безпорядка, приказалъ привесть кормилицъ, кои ужѐ пришли въ память. Но какъ онѣ питомцовъ своихъ имѣли у себя на рукахъ не болѣе двухъ часовъ, то ни

одна не могла узнать порученнаго ей на кормленіе, что привело ихъ въ великую робость, и онѣ павъ предъ ногами сего Государя, требовали отпущенія вины своей.

Султанъ радуясь чрезмѣрно, видя, что все по желанію его исполнилось, притворился, будто тѣмъ приведенъ онъ въ непреодолимый гнѣвъ и сердце: несчастныя! сказалъ онъ имъ съ такою яростію, которую онѣ почли за истинную; что сдѣлается съ Султаншами, когда онѣ увѣдаютъ, что по нераченію вашему не могутъ разпознать дѣтей своихъ? Какъ могли вы осмѣлиться, оставить порученные вамъ залоги, хотя на одно мгновеніе ока? Не достойны ли вы смерти за то, что порученныхъ вамъ Принцовъ толь подлымъ образомъ оставили?

Кормилицы лежа у ногъ Огуцовыхъ, несмѣли на него взглянуть; гнѣвъ же его казалось ни чемъ не могъ смягчиться; и ужѣ съ сердечнымъ трепѣтомъ и отчаянїемъ ожидали онѣ повелѣнїя его къ ихъ казни, какъ Обдалла представляющїй роль свой толь же хорошо, какъ и самъ Султанъ, бросился къ ногамъ его: Милостивый Государь! сказалъ онъ ему, обрати весь гнѣвъ твой на своего невольника, ибо я былъ причиною, что сїи бѣдныя женщины устрашась моего крика, безъ памяти въ бѣгъ обратились; преступленїе сїе простительно робости ихъ пола: огонь показался мнѣ гораздо сильнѣе, нежели какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ; моимъ неразумїемъ и тщетнымъ страхомъ приведенъ ты, Государь, въ заблужденїе о сихъ дражайшихъ Принцахъ; меня одного за то наказать должно,

 жно,

жно, а не сихъ бѣдныхъ женьщинъ, которыхъ сохраненія жизни дерзаю отъ тебя требовать. Встань, Обдалла, сказалъ Султанъ; я прощаю тебѣ твой проступокъ, въ которомъ ты виновенъ единственно отъ чрезмѣрнаго твоего ко мнѣ усердія; ты боялся, что бы мы отъ пожара не погибли: но женьщины сіи ни какъ не могутъ оправдаться. Однако для тебя не хочу я наказать ихъ такъ, какъ онѣ того стоятъ: вели изгнать ихъ изъ сераля, и что бы въ оной никогда не входили; а между тѣмъ тебѣ самому поручаю попеченіе сыскать другихъ кормилицъ, которыя къ должности своей были бы ихъ рачительнѣе.

Обдалла исполнилъ немедлѣнно повелѣнія Султановы, и сослалъ кормилицъ, давъ каждой изъ нихъ, будто отъ себя, по

триста

триста золотыхъ, дабы тѣмъ утѣшить ихъ въ томъ, что приключилось съ ними его проступкомъ; на ихъ же мѣсто сыскалъ четырехъ другихъ женьщинъ, которымъ младыхъ Принцовъ и отдалъ на руки.

Сіе приключеніе старались всячески таить отъ Султаншъ; и не прежде имъ о томъ объявили, какъ уже никакой болѣе не было опасности, что бы извѣстіе сіе могло произвесть въ нихъ такую перемѣну, которая бы вредна была для ихъ жизни или здоровья. Онѣ услыша о толь странномъ произшествіи, тронуты были чрезвычайно; каждая находилась въ отчаяніи, видя себя въ несостояніи узнать своего сына; и хотя Султанъ ласками своими старался ихъ утѣшить, однако же весьма трудно имъ было, сокрыть отъ него сердечныя свои

чувствія. Въ одинъ день, какъ сей Государь находился съ ними и съ младыми Принцами, посмотрите, сказалъ онъ имъ, не можетъ ли природа открыть вамъ того, чего съ толикою нетерпѣливостію знать желаете? Онѣ разсматривали сихъ младенцовъ съ великимъ вниманіемъ, и неизвѣстность въ которой онѣ объ нихъ находились, побуждала ихъ къ оказанію прекраснымъ Принцамъ неизчислимаго множества ласканій. Но сія природа, которую онѣ тщетно на помощь призывали, не внушала въ нихъ болѣе склонности къ одному, нежели къ другому, такъ что онѣ напослѣдокъ отъ слезъ не могли воздержаться; и Султанъ видя съ удовольствіемъ, что обманъ его толь хорошіе имѣлъ успѣхи, притворялся такъ же, что въ печали ихъ не

не малое участіе принимаетъ; какъ Гегернаца тронутая мнимою скорбію отца, обратила вдругъ всѣ свои старанія ко утѣшенію его таковою рѣчью: дражайшій Султанъ, сказала она ему, между твоимъ и нашимъ состояніемъ чрезвычайная находится разность; сихъ Принцовъ можешъ ты почитать и любить равнымъ образомъ, потому что всѣ они тебѣ своею должны жизнію: мы же со всѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ; и я могу признаться, что есьли бы не столь горячо любила я трехъ Султаншъ, твоихъ супругъ, то бы конечно не нашла себѣ утѣшенія, видя себя не въ состояніи, познать между сими младенцами моего сына; но какъ согласіе наше было всегда совершенное, то я представляю себя матерію всѣхъ сихъ четырехъ Принцовъ, и точно

увѣрена, что безъизвѣстность наша о ихъ судбинѣ, есть опредѣленiемъ неба, которое отъ насъ требуетъ, что бы мы любили всѣхъ ихъ съ равною горячностiю. И такъ намъ только сiе средство и остается, потому что Султанши и я неможемъ имѣть ни къ одному отвращенiя, опасаясь, что можетъ быть возненавидимъ плодъ собственной своей утробы; почему не только не должно намъ роптать на Небо, но паче за то благодарить предвѣчному провиденiю, которое конечно сiе допустило для того, да бы насъ соединить еще болѣе такимъ дружествомъ, кое прекратилось бы единою смертiю.

Три Султанши почли Гегернацыно разсужденiе столь разумнымъ, что обнимали ее съ превеликою нѣжностiю: вѣчно должны мы тебѣ будемъ спокойствiемъ

вїемъ нашимъ, сказали онѣ ей, и ты столь изобильна въ средствахъ, и предложенія твои толь разумны, что мы вознамѣрились, слѣдовать твоимъ совѣтамъ со всякою точностію: и такъ станемъ стараться вмѣстѣ о нашемъ общемъ благополучіи, будемъ воспитывать дѣтей нашихъ въ страхѣ божіемъ и его Пророка, станемъ любить ихъ съ совершеннымъ равенствомъ, а Султана, нашего Государя, несравненно болѣе прежняго.

Такая рѣчь долженствовала быть Огуцу весьма приятна; и онъ не умедлилъ показать Султаншамъ, сколь благодаренъ онъ имъ за предприятое ихъ намѣреніе, и съ какимъ неизреченнымъ удовольствіемъ взираетъ онъ на исполненіе онаго.

Когда Принцы до тѣхъ лѣтъ достигли, въ кои открывается разумъ, то Султанъ упражня-

вшейся единственно въ ихъ воспитанiи, приставилъ къ нимъ славныхъ учителей для тѣлесныхъ упражненiй, и не упускалъ ничего къ направленiю сердецъ ихъ къ добродѣтели; напротивъ чего и онъ съ непостижимою примѣчалъ радостiю, что они желанiямъ его во всемъ соотвѣтствовали. Но тѣмъ еще любезнѣе сдѣлались они Султану, что отъ супругъ своихъ чрезъ цѣлые пятнадцать лѣтъ имѣлъ онъ только дочерей, которыя всѣ въ разные лѣта скончались; въ живыхъ же осталась только одна Принцесса называемая Аксу *, которая была совершенной красоты, и родилась отъ Гегернацы.

* Чистая вода.

Хотя сiи четыре Принца имѣли однихъ учителей, однако же во упражненiяхъ своихъ оказывали весьма не равные успѣхи. Ассадъ-Алладъ * родившейся отъ Езельмерской Султанщи превозхо-

* Божiй левъ.

дилъ достоинствами своими всѣхъ своихъ братьевъ; (а) Гумайунъ сынъ Гегaнзуцы, Нериманъ (b) сынъ Невбагары, и Ширинъ (с) родившейся отъ Шебъ-Гераки, не могли съ нимъ ни въ чемъ сравняться; со всѣмъ тѣмъ опасаясь, что бы братьевъ своихъ не возбудить противъ себя къ зависти, преимущество сіе скрывалъ съ такимъ искусствомъ, что Султанъ видя его добросердечіе любилъ его всѣхъ болѣе, какъ для сей причины, такъ и для того, что онъ рожденъ былъ Гегернацою, которой онъ въ сердцѣ своемъ давалъ всегда преимущество предъ другими Султаншами, хотя того наружно и не показывалъ.

Уже болѣе двадцати лѣтъ наслаждалось Гузаратское царство

(а) Благородный (b) Храбрый.
(с) Пріятный тихій.

во ненарушимымъ спокойствїемъ и тишиною, и юные Принцы окончавъ свои обыкновенныя упражненїя, ѣздили только на охоту такъ, что напослѣдокъ праздною сею жизнїю наскучили, и пришедъ въ одинъ день всѣ къ Султану, Ассадъ-Алладъ началъ говорить за себя и за братьевъ такъ: Милостивый государь! отъ толь разслабевающей насъ праздности находимся мы всегда въ томности; сосѣди же и союзники наши ведутъ между собой войны:

Все погубающїй мечь.

Самсамъ * Султанъ Татаиской поступаетъ на земли Нагмедина Царя Сорetскаго; ты знаешъ, что государь сей дядя Султанши Гегернацы, и что онъ навлекъ на себя ненависть сего несправедливаго государя только за то, что не хотѣлъ дочери своей отдать ему въ супругу. Онъ почиталъ за должность, не жертвовать ею такому человѣку, которой

которой въ бѣшенствѣ и въ пьянствѣ своемъ закололъ ужѣ трехъ злосчастныхъ Принцесъ, данныхъ ему политикою въ супруги. Дозволь же намъ государь итти Нагмедину на помощъ; дозволь, что бы при толь славномъ случаѣ научились мы тому, что подобнымъ намъ Принцамъ необходимо знать должно.

Сколь ни тягостную скорбь почувствовалъ Огуцъ отъ толь неожидаемаго требованія, а особливо предвидя, что сіе причинитъ Султаншамъ необходимо чрезмѣрную печаль; однако прозьбу сію почелъ весьма справедливою; въ разсужденіи чего не медлѣнно повелѣлъ приуготовлять все для нихъ нужное, и спустя по томъ неболѣе двухъ недѣль, давъ имъ въ предводительство сорокъ тысячь человѣкъ съ отборными начальника-

ми

ми своихъ войскъ, отпустилъ ихъ въ Янагару.

Хотя разлука сія причиняла Султаншамъ немало слезъ, и скорбь ихъ казалась быть непрекратимою; однакожъ онѣ будучи разсудительны не могли въ томъ не признаться, что дѣти ихъ не найдутъ лучшаго случая ко приобрѣтенію себѣ славы. И такъ сіи любезные Принцы отправились въ путь, въ которомъ препроводя двѣ недѣли, прибыли въ Янагару, гдѣ застали и Нагмедина, которой отъ врага своего Татаискаго Султана получилъ въ то время самое ругательнѣйшее письмо, что его въ неописанное приводило сердце. Неприятель его гордясь нѣкоторыми выигранными надъ нимъ малыми побѣдами, требовалъ отъ него дочери его уже не въ супруги; но повелѣвалъ ему прислать ее къ себѣ такъ какъ невольницу, и

угрожалЪ предать все вЪ его земляхЪ огню и мечу, есьли повелѣній его немедлѣнно не исполнитЪ. Легко можно разсудить, что Принцы прибывЪ на помощЪ Соретскому Султану, вЪ толь несносныхЪ для него обстоятельствахЪ, приняты имЪ были со всевозможною ласкою и радостію: онЪ любилЪ Нуду [такЪ дочь его называлась] весьма горячо: боялся онЪ и Самсама, которой былЪ еще вЪ цвѣтущихЪ лѣтахЪ, весьма горячаго сложенія, и при томЪ повелѣвалЪ самЪ вЪ войнѣ искусными войсками; а НагмединЪ, выключая припадковЪ глубокой старости, былЪ весьма слабаго сложенія, которое не позволяло ему предводительствовать своею арміею. ПоказалЪ онЪ письмо Султана Татаискаго ПринцамЪ Гузаратскимъ, которые онымЪ столь раздражились, что всѣ дали

ли клятву или лишить его жизни, или сами погибнуть. Нагмединъ обрадованный вспомоществованїемъ сихъ Принцовъ, и гнѣвомъ, которымъ они противъ Самсама пылали; въ знакъ своея къ нимъ дружбы и благодарности, хотѣлъ преступить земли своей обычай, и приказалъ привесть къ себѣ Принцессу, дочь свою. Нуда узнавъ намѣренїя своего родителя, не упустила ничего, чемъ бы великой своей красотѣ придать еще болѣе блеска и прелестей; притомъ смертельное чувствуя отвращенїе къ Татаискому Султану, чаяла не найти надежнѣйшаго защищенїя противъ его насильствїй, какъ приведенїемъ себѣ въ любовь котораго нибудь изъ Гузаратскихъ Принцовъ, кои за исполненныхъ достоинствами людей почитались. И такъ предстала она предъ нихъ съ такимъ блескомъ, кото-

рый

рый во сто кратъ превозходилъ полное луны сіяніе. Принцы приведены были красою ея въ такое удивленіе, что стали вдругъ непоколебимы; но Ассадъ-Алладъ пришедъ прежде всѣхъ въ себя, и прервавъ молчаніе: прекрасная Принцесса, сказалъ ей, есьли бы Самсамъ былъ не такой Государь, который только неслыханною своею жестокостію прославился, то никто не могъ бы его за то осудить, что онъ къ полученію тебя предпринимаетъ; однако варварство и жестокосердіе его дѣлаютъ его недостойнымъ не только такой особы, о которой бы и великій нашъ Пророкъ воздыхать не устыдился, есьли бы жилъ теперь на свѣтѣ; но недостоинъ онъ и самой послѣдней ея невольницы. Что касается до меня, милостивая Государыня, то я не думаю, что бы простой смертной могъ когда стре-

стремиться къ достиженію такого благополучія, которое ничемъ изобразить не возможно; и я не могу имѣть толико самолюбія и тщеславія, что бы предложить тебѣ такое сердце, кое тебя ни мало не стоитъ; но только смѣю увѣрить, что хочу лучше лишиться жизни, нежели зрѣть тебя жертвою такаго чудовища, какъ жестокой Самсамъ. Прекрасная Султанша, вскричали другіе три Принца, Ассадъ-Алладъ имѣетъ предъ нами только то преимущество, что прежде всѣхъ предложилъ тебѣ свои услуги; мы всѣ единыхъ съ нимъ мыслей; мы клянемся священнымъ Мекскимъ храмомъ, которой всѣми истинными правовѣрными толико почитается, что за тебя отмстимъ наглость Татаискаго Султана, и лишимъ его жизни; безчеловѣчныя и жестокосердыя его поступки

ступки привели его во всемъ Индостанѣ въ омерзенiе и непреоборимую ненависть.

Есьли Нагмединъ былъ клятвами Принцовъ тронутъ, то Нуда отъ радости пришла въ восхищенiе. Между тѣмъ подали великолѣпный столъ, наполненной великимъ множествомъ самыхъ вкуснѣйшихъ ѣствъ. Двадцать четыре невольника принесли оные на золотыхъ и изъ самаго чистаго фарфора блюдахъ: на одномъ былъ окрашенной агнецъ, на другомъ рябчики, перепелки, фазаны; на иныхъ катышки изъ битаго мяса обернутые въ свѣжiе листья; пилавъ, пироги, мороженое, салады, горшешное; сырые плоды, конфекты и тому подобное были поданы на превеликихъ серебряныхъ доскахъ, на которыхъ все оное дѣлано и печено было; по семъ подавали лучшаго шарбета, а при окон-

чанiи

чанїи стола поднесенъ Гузаратскимъ Принцамъ кофе невольниками на колѣняхъ. Ассадъ-Алладъ тронутый толь чрезмѣрною честїю, оказываемою имъ симъ государемъ, проговорилъ съ нѣкоторымъ возторгомъ сїи слова: *Да пребудетъ Султанъ въ счастїи и благополучїи, и да подастъ ему Всевышнїй долголѣтную жизнь и счастливые дни на вѣки.* Придворныеже Нагмединовы примолвили къ тому съ великимъ усердїемъ, *да будетъ такъ.* По томъ призвали прыгуновъ, которые своими плясками и смѣшными позитурами причиняли всей той бѣседѣ не малое удовольствїе, и празднество окончали. Какъ Принцовы войски стояли ужѐ двои сутки въ окрестностяхъ Янагарскихъ, то предводители ихъ, которымъ Султанъ всякїе потребные посылалъ припасы и прохлажденїя,

нія, объявили Принцамъ своимъ, съ сколь великою нетерпѣливостію воины ихъ желаютъ итти противъ непріятеля; почему Принцы не разсудили за благо, медлить долѣе, и отправившись въ путь, по пятидневномъ походѣ пришли къ одному не большому городу Соретскаго Султана, и разбили тамъ свои шатры.

Самсамъ стоя въ близълежащей долинѣ, старался многими сшибками выманить изъ укрѣпленій Нагмединову Армію; однако Визирь, командовавшій тогда оною, былъ человѣкъ весьма разумный, и по тому не могъ отважиться дать баталію, которой надлежало рѣшить судьбину царства его Государя; но находясь возлѣ одного узкаго прохода, армія его состоящая изъ сорока тысячь человѣкъ, въ состояніи была удерживать Сул-

танову армію, состоящую болѣе нежели изоста тысячь человѣкъ; вспомоществованіе же полученное имъ прибытіемъ арміи Принцовъ и войскъ присоединенныхъ къ оной Нагмединомъ, и снабденныхъ самыми храбрѣйшими придворными вельможами, здѣлало силы ихъ почти равными; почему Принцы думали, что постыдно имъ будетъ, отлагать далѣе нападеніе на неприятеля, котораго разрушить они клялися, и котораго несправедливость навлекла конечно на него гнѣвъ великаго пророка. Въ разсужденіи сего пользуясь ночною темнотою, вышли они изъ сего узкаго прохода, и поставя армію свою въ порядокъ баталіи, на самомъ разсвѣтѣ напали на неприятеля, который смѣлости таковой нимало не чаялъ. Нападеніе сіе учинено было съ такою жестокостію и не-

неустрашимостію, что храбрости и мужеству ихъ ничто не могло сопротивляться. Татаискій Султанъ не могъ выйти изъ удивленія, въ которое привело его нечаянное сіе нападеніе, по тому что разумъ не былъ главнымъ его дарованіемъ: будучи, такъ сказать, усыпленъ спокойствіемъ Визиря Нагмединова, который старался только о защищеніи себя, не почиталъ онъ его довольно смѣлымъ къ нападенію на него: однако увѣдая, что конечно пришло къ нему вспомогательное войско, побуждалъ солдатъ своихъ къ неустрашимому сраженію, предшествуя имъ самъ примѣромъ. Но Гузаратскіе Принцы воспаленные данною ими клятвою побѣдить или умереть, производили часа четыре толь сверхъестественныя дѣла, что Самсамовы солдаты не могли силѣ

ихъ

ихъ противиться. Сей жестокосердый государь находя всюду Ассадъ-Аллада, предъ которымъ вездѣ предшествовала побѣда, почелъ, что низложа сего героя, нетрудно ему будетъ побѣдить непріятельскія войски; въ разсужденіи чего съ величайшею яростію поскакалъ на сего Принца. Ктобъ ты таковъ ни былъ, кричалъ онъ ему, однако знай, что тебя за главнѣйшаго моего врага почитаю, и только твоею смертію могу отмстить пролитую тобой кровь моихъ воиновъ: тогда ударивъ сего Принца саблею по головѣ, конечно бы разсѣкъ его на двое до самаго сѣдла, есьли бы Ассадъ-Алладъ, который въ сраженіи со всевозможнымъ поступалъ равнодушіемъ, не уклонился отъ сего удара, чемъ и спасъ жизнь свою. Тогда напалъ онъ на Султана, и сіи два Принца равно

бодрые и мужественные побуждаемы будучи желанїемъ побѣды, вступили въ жесточайшей бой; другъ другу даютъ саблями своими несчетное множество ударовъ, и уклоняются отъ оныхъ съ чрезмѣрнымъ проворствомъ и искуствомъ, а между тѣмъ солдаты съ обѣихъ сторонъ прекращаютъ на нѣсколько времяни свою вражду, и взираютъ со удивленїемъ на мужество своихъ предводителей, изъ которыхъ уже кровь начинала литься потоками: на конецъ Ассадъ-Алладъ прекратилъ бой сей, давъ Самсаму саблею такой ударъ, коимъ срубилъ съ него голову.

Какъ скоро войски сего Султана увидѣли государя своего мертва, тотъ часъ положили оружїе, и требовали пощады; Принцъ далъ имъ оную, и начальники войскъ Самсамовыхъ

падъ предъ ногами Ассадъ-Аллада, про котораго они узнали, что онъ былъ Принцъ Гузаратскій: милостивый государь, говорили они ему , сей государь , которому повиновались мы съ великою досадою , не оставилъ по себѣ наслѣдника ; злосердіе побудило его изстребить всю свою фамилію; дозволь же, что бы на престолъ Татаиской возвели мы того героя, который въ очахъ нашихъ производилъ толь великія дѣла, и который свободилъ насъ отъ мучителя, коего иго становилось намъ уже несноснымъ: будь Султанъ нашъ, и насладись , государь , плодами побѣды, которую мужество твое явило. Ассадъ-Алладъ приведенъ будучи предложеніемъ симъ въ замѣшательство , не могъ нѣсколько времени имъ на то отвѣтствовать; но по томъ по долгомъ размышленіи говорилъ

рилъ имъ такъ: друзья мои! мы сражаемся за Нагмедина, и такъ судьбину вашу долженъ рѣшить онъ, а не я: я учинилъ бы величайшую несправедливость, есьли бы принялъ корону, которая ему по всѣмъ принадлежитъ правамъ. Отказъ сего Принца, что на престолъ вступить не хочетъ, умножилъ еще болѣе удивленіе начальниковъ Самсамова войска. Милостивый государь! сказалъ ему одинъ изъ знатнѣйшихъ изъ нихъ, мы инаго кромѣ тебя признать своимъ государемъ не хотимъ; ты только одинъ достоинъ повелѣвать нами; прими наше предложеніе, или дозволь, что бы вольность нашу до послѣдняго издыханія защищали. Тогда приявъ паки свои оружія: возми ихъ, продолжалъ онъ, ты зришъ предъ ногами твоими вѣрныхъ и послушныхъ рабовъ, или жестокихъ и отча-

янныхъ неприятелей. Есьли Ассадъ-Алладъ приведенъ былъ во удивленiе перьвымъ требованiемъ начальниковъ Самсамовой армiи, то оное еще болѣе умножилось симъ послѣднимъ ихъ намѣренiемъ : однако не хотя того , что бы могли его укорять, что принялъ предлагаемую ему корону , въ предосужденiе правъ побѣды , которыя имѣлъ Нагмединъ, велѣлъ собрать воинскiй совѣтъ , и Визири армiи сего Султана были всѣ того мнѣнiя , что бы въ таковыхъ обстоятельствахъ Гузаратскiй Принцъ не отрицался принять Татаискую корону. Какъ скоро намѣренiе сiе извѣстно стало , то всюды слышны были радостные клики: имя Султана Ассадъ-Аллада летало по всѣмъ мѣстамъ, а начальники и воины обоихъ армiй обьявили тотъчасъ

младаго

младаго сего Принца Ташаискимъ государемъ.

Хотя новый Султанъ сей старался наблюдать всевозможную скромность; однако возведенїе его на престолъ причиняло ему чрезвычайную радость. Какъ онъ къ Сорetской Принцессѣ сильнѣйшую страсть чувствовалъ; то не сомнѣвался ужѐ, что бы корона не прекратила всѣ тѣ препятствїя, которыя бы могли повстрѣчаться ему къ полученїю сердца прекрасныя Нуды.

Принявъ присягу отъ новыхъ своихъ подданныхъ, и избравъ двухъ почтенныхъ мужей, одного изъ начальниковъ ихъ армїи, а другаго изъ Нагмединовыхъ Визирей, повелѣлъ ихъ отвести въ свою столицу, куда обѣщался быть какъ возможно скорѣе. Самъ же поѣхалъ въ Соретъ въ томъ намѣренїи, что бы корону

свою положить предъ ногами Принцессы.

Извѣстїе о побѣдѣ и о смерти Самсама, такъ же и о насильномъ Ассадъ-Аллада возведенїи на Татаискїй престолъ, пришло ко двору Нагмедина прежде, нежели еще новый Султанъ туда прибылъ; и Сорегскїй Государь не только не завидовалъ счастїю сего Принца; но еще не описанную чувствовалъ отъ того радость. Удовольствїе его сдѣлалось еще болѣе, какъ Ассадъ-Алладъ поцѣловавъ у него руку, говорилъ ему слѣдующую рѣчь: милостивый Государь! я никогда не былъ намѣренъ, лишить тебя власти надъ подданными Султана, который недавно прекратилъ поносную жизнь свою; я не могъ предприятїю ихъ сопротивляться, не приведя войски наши въ такую опасность, отъ которой свободиться можетъ

статься было бы невозможно; но со всѣмъ тѣмъ обьявляю тебѣ, что короны сей не приемлю, есьли не могу надѣяться, оставить ее по себѣ твоему потомству, раздѣля ее съ Принцессою твоею дщерію: я ее обожаю, Государь, и возведеніе мое на толь высокій степень достоинствъ можетъ быть только тогда для меня чувствительно, когда подашъ мнѣ средствы, зрѣть то, что бы на Татаискомъ престолѣ по смерти моей царствовали твои внучаты.

Какъ Нагмединъ не могъ для дочери своей желать болѣе счастія, то безъ всякаго замѣшательства согласился отдать ее новому Султану; въ разсужденіи чего обнявъ его увѣрялъ, что ничто не въ состояніи причинить ему столько удовольствія и чести, какъ сей союзъ. Хотя Ассадъ-Алладъ новымъ

своимъ достоинствомъ ни отъ кого и не зависилъ, однако не хотѣлъ упустить того что бы на бракъ сей не просить соизволенія у своего родителя; для сего послалъ къ нему одного изъ первоначальныхъ своихъ вельможъ. Легко себѣ представить можно, въ какомъ состояніи находился Султанъ Гузаратскій при толь приятныхъ для него извѣстіяхъ: слава, которую всѣ Принцы его дѣти получили, наполняла душу его самою чистѣйшею радостію; и усмотря въ письмѣ Ассадъ-Аллада, сколь много выхваляетъ онъ ему совершенствы Соретской Принцессы, легко могъ заключить о его нетерпѣливости; въ разсужденіи чего немедлѣнно отпустилъ присланнаго къ нему съ тѣмъ, что онъ на требованіе новаго Султана съ радостію соглашается.

Какъ скоро посланникъ сей въ Янагару прибылъ, то Ассадъ-Алладъ не мѣшкая болѣе, сочетался съ Принцессою. бракъ ихъ торжествованъ былъ со всевозможною пышностїю и великолѣпїемъ; и есьли что могло нарушить нѣкоторымъ образомъ радость, младыми супругами чувствуемую, видя совершенїе своего благополучїя, то сїе было извѣстїе о поспѣшномъ отбытїи трехъ Гузаратскихъ Принцовъ. Ассадъ-Алладъ давно уже примѣчалъ, что они прекрасною Нудою столь же сильно воспалены были; но онъ думалъ, что корона, которую на него мужество его возложило, побудитъ ихъ почитать любовь его, и что соизволенїе Нагмединово на его бракъ, погаситъ въ сердцахъ ихъ чувствуемую ими къ сей Принцессѣ страсть: однако онъ въ томъ обманулся; каждый

изъ сихъ Принцовъ не отдавая себѣ должной справедливости, чаялъ получить предъ Ассадъ-Алладомъ преимущество; и потому на счастіе его не могли они взирать безъ зависти. Видя же, что имъ ничего болѣе ожидать не остается, удалились отъ двора Соретскаго съ поспѣшностію, и возвратились въ Камбай весьма недовольными, хотя походомъ своимъ и великую приобрѣли себѣ славу.

Огуцъ приведенъ будучи въ удивленіе толь поспѣшнымъ ихъ возвращеніемъ, не могъ понять того причины: но спустя нѣсколько по томъ времяни, получилъ онъ отъ новаго Татаискаго Султана письмо, въ которомъ онъ съ великимъ прискорбіемъ и соболѣзнованіемъ жаловался на своихъ братьевъ, и просилъ своего родителя, что бы онъ возвратилъ ему прежнее ихъ

дружество, котораго онъ конечно не самъ собою лишился. Толь чрезвычайный поступокъ былъ нѣжному сему родителю весьма чувствителенъ: онъ велѣлъ призвать къ себѣ трехъ Принцовъ, и прочтя имъ письмо Ассадъ-Аллада укорялъ ихъ, сколь мало почитаютъ они такого брата, который достоинъ всей ихъ любови: я вижу, сказалъ онъ имъ, что Принцесса Нуда умѣла васъ тронуть; но какъ она не могла быть супругою, какъ только одного кого нибудь изъ васъ, то не надлежало ли вамъ считать, что она сочетаясь съ Ассадъ-Алладомъ, здѣлалась священнымъ предмѣтомъ для васъ, такъ какъ его братьевъ; соберите свой разумъ, любезные дѣти; оставте завидовать счастїю Ассадъ-Аллада, но паче благодарите великаго Пророка за его возвышенїе; потщитесь не-

нелицемѣрными поступками своими, быть достойными его любови; требуйте отъ него, что бы онъ сыскалъ вамъ когда случай къ такому же преимуществу, и устыдитесь, что такія возъимѣли мысли, кои отъ самой природы отстоятъ толь далеко, понеже онѣ побудили васъ ненавидѣть такого брата, который всей вашей горячности достоинъ.

Принцы смущенные симъ выговоромъ, котораго они нимало не ожидали, не могли не признаться, что поступокъ ихъ весьма не осторожен; въ разсужденіи чего просили Султана о прощеніи, и у Ассадъ-Аллада требовали такъ же чрезъ письмо извиненія въ учиненной ими противъ него несправедливости.

Между тѣмъ Огуцъ видя, что три Принца находились безпрестанно въ задумчивости и скукѣ,

скукѣ, былъ тѣмъ чрезвычайно тронутъ. Изыскивая нѣсколько времени средствы ко излѣченїю ихъ отъ такого рода болѣзни, велѣлъ самымъ славнымъ Камбайскимъ торговщикамъ невольницами, привести къ нему на смотръ всѣхъ лучшихъ дѣвъ, какїя у нихъ были.

Повелѣнїе сїе было на другой же день исполнено; торговщики представили предъ Султана всѣхъ тѣхъ невольницъ, каковыхъ у нихъ не было краше, и сей государь показавъ тремъ Принцамъ двѣнадцать самыхъ лучшихъ дѣвъ, которыя красотою своею кажется все на свѣтѣ превозходили, говорилъ имъ такъ: любезные дѣти! избирайте изъ сихъ прекрасныхъ дѣвъ тѣхъ, которыя вамъ милѣе прочихъ покажутся; я вамъ ихъ дарую; удовольствїе сїе не возпрещаетъ вамъ и пророкъ нашъ; я же

точно

точно увѣренъ, что вы бесѣдою ихъ можете разгнать ту печаль и скуку, которыя во всѣхъ дѣлахъ вашихъ безпрестанно видны.

Принцы удивились немало сему предложенію Султана, и смущеніе ихъ было толь приятно, что они не могли никакъ скрыть онаго. Ни одной изъ сихъ невольницъ не было такой, которая бы не могла съ Нудою въ красотѣ спорить, и каждый изъ нихъ избравъ себѣ подругу, были всѣ тѣмъ такъ довольны, что вскоре позабыли со всѣмъ причину ненависти своей къ Ассадъ-Алладу.

Что касается до Гузаратскаго Султана, то онъ хотя и чрезвычайно радовался, что возстановилъ миръ и согласіе между сыновьями своими; однако въ сердцѣ своемъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе и безпокойствіе, коихъ побѣдить былъ не

въ состоянiи, и которые произвело въ немъ зренiе сихъ прекрасныхъ невольницъ. Обладая толь долгое время четырьмя своими законными супругами, не помышлялъ онъ ни о комъ болѣе, и почиталъ себя благополучнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ: но съ сей зловредной минуты чуствовалъ, будто нѣчто не достаетъ ему къ его благополучiю; многократно трепѣталъ, чтобы сыновья его изъ представленыхъ предъ нихъ дщерей, не избрали одну младую черкашенку, которая не болѣе шестнадцати или семнадцати лѣтъ казалась; въ нѣкоторыя же притомъ минуты желалъ, что бы кто нибудь изъ Принцовъ обратилъ на нее очи, дабы избранiемъ симъ не позволено ему болѣе было, почитать ее такою особою, которая бы могла удовлетворить его желанiя; но ни одинъ

изъ нихъ не удостоилъ ее внятнымъ взоромъ. Что же касается до Огуца, то онъ хотя и весьма стыдился видя себя такимъ образомъ поиманна; однако никакъ не могъ новой страсти своей сопротивляться, и спустя по томъ нѣсколько часовъ открылъ ее великому своему Визирю. Горремдинъ, сказалъ онъ ему, сколь многимъ слабостямъ человѣкъ подверженъ! уже болѣе двадцати лѣтъ наслаждался я въ Суралѣ моемъ самыми чистѣйшими утѣхами; удовольствіе мое составляли только четыре самыя прекраснѣйшія особы въ свѣтѣ; я самъ не желалъ имѣть болѣе никакой красавицы; но теперь вижу, что всѣ намѣренія мои уничтожаются. Гуль-Саба *, сія младая Черкашенка пронзила сердце мое самыми язвительными стрѣлами. Сколь то для меня постыдно! я хочу сдѣлаться невольни-

* Утренній цвѣтокъ.

невольникомъ моей невольницы! нѣтъ, Визирь, нѣтъ! Толь поносную страсть преодолѣть потщуся; она можетъ лишить супругъ моихъ жизни: сколь безразсудно, что имѣя отъ роду почти пятьдесятъ лѣтъ, хочу вдаться во всѣ дурачествы такой страсти, которой не разсудительная юность подвергается? сверхъ того какъ могу тѣмъ льститься, что бы сїя прекрасная дѣвица меня истинно полюбила? ахъ! она сдѣлала бы для меня конечно въ разсужденїи моего чина то, чего бы желалъ получить отъ нее единственно въ разсужденїи меня самаго. Изрядно, Визирь; чтобъ тебѣ показать, что хочу надъ собою одержать совершенную побѣду, дарую тебѣ Гуль-Сабу; я не хочу ее болѣе видѣть; запрещаю и тебѣ мнѣ о ней говорить, или при мнѣ упоминать о ея имени;

теперь

теперь все окончено, я возвращаюсь къ моимъ Султаншамъ, и пришлю къ тебѣ немедлѣнно сію невольницу со всѣми тѣми, которыхъ я купилъ, опасаясь, что бы отлича ее отъ подружекъ, не подать поводу къ подозрѣнію о моей къ ней слабости. Султанъ Гузаратскій казалось твердо вознамѣрился то исполнить; но взявъ Горремдина за руку, сказалъ ему: ты теперь властитель сей прекрасной невольницы; что намѣренъ ты, любезный Визирь, съ нею сдѣлать? ахъ! ты ее увидя конечно почувствуешъ къ ней любовь! природа не произвела еще ничего ее прекраснѣе: и дѣти мои конечно слѣпы были, что предпочли ей другихъ невольницъ. Представь себѣ Визирь, что въ Гуль-Сабѣ находишъ Гурію, белизна которой не уступаетъ самому чистому снѣгу; веселые

и сїяющїе ея очи проницая до сердца, прелщаютъ конечно и самыхъ нечувствителъныхъ; можно ли представить себѣ прекаснѣе ея лица! какїе взгляды! какїя поступки! какой станъ и ростъ . . . Ахъ! Визирь, я прелщенъ ею; не могу о ней вздумать, не пришедъ внѣ себя; я довольно вижу, что безъ сей красавицы мнѣ никакъ жить невозможно; отдай мнѣ ее назадъ, любезный Горремдинъ; возврати мнѣ ее, о томъ тебя прошу; не злоупотребляй моимъ даянїемъ, возми вмѣсто ее всѣ мои сокровища.

Рѣчь сїя привела Визиря въ такое изумлѣнїе, что онъ не смѣлъ проговорить ни слова: ахъ! вскричалъ Огуцъ, не медли возвратить мнѣ божественую сїю дѣву? жизнь моя отъ того зависитъ. Или ты прозьбы твоего государя ни во что вмѣняешъ?

Мило-

Милостивый государь! отвѣтствовалъ на то Горремдинъ, хотя я и предвижу, что съ Гуль-Сабою вступятъ въ сераль твой несогласія, что ты не будешъ болѣе наслаждаться симъ пріятнымъ спокойствіемъ, которое до сихъ поръ *душу* твою *питало*; и что супруги твои и Принцы твои дѣти, которые всегда любви твоей достойны были по справедливости, сдѣлаются вскорѣ для тебя предмѣтомъ скуки, а можетъ быть и ненависти; но понеже жизнь твоя отъ того зависитъ, то и я совѣтую, чтобъ ты страсть свою какъ возможно скорѣе удовольствовалъ. Супруги твои станутъ о томъ роптать; однако скорьбь ихъ продолжится только нѣкоторое время; сверхъ того ты въ дѣлахъ своихъ властенъ; и есьли до сихъ поръ довольствовался только обладаніемъ своихъ Султанщъ,

таншъ, то законъ великаго нашего Пророка развѣ не позволяетъ тебѣ къ удовольствїю своихъ желаній имѣть столько невольницъ, сколько похочешъ? люби же, государь, прекрасную Гуль-Сабу; она должна будучи поставлять себѣ за честь, что ты удостоилъ ее своею любовїю, поступила бы конечно противъ разума, есьли бы не чистосердечно соотвѣтствовала любви самаго прекраснѣйшаго мужа, и величайшаго государя во всемъ Востокѣ.

Огуцъ пришелъ въ великую радость, видя, что Визирь страсть его не порочитъ. Любезный Горремдинъ, сказалъ онъ, ево обнимая, я начинаю жить паки; ты всѣ безпокойствїя мои разрушаешъ; я не могу ужѐ болѣе сопротивляться огню, который меня снѣдаетъ; я предаюсь совсѣмъ моей любови; потщись объявить

Султаншамъ мое намѣреніе, и уговори ихъ, что бы онѣ съ ласкою приняли новую сію подружку.

Визирь принужденъ будучи исполнить повелѣніе своего Государя, приказалъ Султаншамъ обьявить о новой страсти Огуда. Хотя онѣ тронуты тѣмъ были очень много, и сей Султановъ поступокъ разсматривали съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и горестію; однако по совѣту Гегернацы вознамѣрились не укорять Султана, сколь много онъ причиняетъ имъ мученія.

Спустя нѣсколько по томъ времяни Огуцъ вступилъ во внутренность своего Сераля; однако молчанія своихъ женъ не примѣчалъ ни мало: онъ страшился только ихъ укоризнъ. А какъ онѣ довольно имѣли силы не показать ему, сколь велика печаль ихъ, то онъ оставилъ ихъ вскорѣ,

рѣ, и пошелъ съ нетерпѣливостїю въ комнату Гуль-Сабы, которая по повелѣнїю его приуготовлена ужѐ была къ сему посѣщенїю. Султанъ не только не показывалъ предъ своею невольницею ту важность, которая Государямъ толь прилична; но изъявлялъ предъ нею при семъ случаѣ столько слабости, сколько себѣ вообразить можно; обнимая колена ея съ непристойнымъ великости его возхищенїемъ: божественная Гуль-Саба! говорилъ онъ ей, ты видишъ предъ своими ногами самаго страстнѣйшаго и преданнѣйшаго человѣка; благополучїе его зависитъ отъ тебя единой; я твое сердце имѣть желаю; но требую его со всею тою горячностїю, которую самая сильнѣйшая любовь произвесть можетъ.

Гуль-Саба приведена была сею рѣчью въ немалое удивленїе, и

видя сколь велика страсть, которую она в сердцѣ Султана возжечь могла, вознамѣрилась употребить то себѣ в пользу. Она подняла его с великою учтивостiю и цѣломудрiем, просила его, что бы на нѣсколько минут прервал он страстныя свои движенiя, и выслушал бы ее терпѣливно: милостивый государь, сказала она ему, я знаю что я твоя невольница, слѣдовательно и волѣ твоей должна повиноваться; но вижу, сколь честное сердце ты, Государь, имѣешь, и по тому не думаю, что бы захотѣл употребить надо мною всю власть твою. Хотя Султаншам, твоим супругам, и неравнаго состоянiя быть кажуся, однако думаю, что не низшаго их произхожденiя: похищена будучи у моих родителей по четвертому году, не могу я знать о знатности

моей

моей породы; только помню, что до сихъ лѣтъ воспитывали меня въ великолѣпныхъ чертогахъ, и называли меня Принцессою; что купцы, которымъ я принадлежала, поступали со мной всегда съ великимъ почтенїемъ, и обьявляли мнѣ, что опредѣлена въ супруги одного великаго Государя, и я вижу исполненїе нѣкоторой части ихъ обѣщанїй. Но дозволь, милостивѣйшїй государь, открыть тебѣ мои прискорбїя; я тобой любима; признаюсь, что и въ моемъ сердцѣ чувствую къ тебѣ толь же сильную и непреодолимую склонность, и что единое только почтенїе возпрещаетъ мнѣ изъявить тебѣ живость моихъ чувствованїй; однако не взирая на сїю взаимную любовь, Султанъ Гузаратскїй не получитъ никогда владычества надъ моимъ сердцемъ, пока не сочетается со мной

торжественнымъ образомъ; я не съ тѣмъ рождена, чтобъ быть предмѣтомъ тайнаго презрѣнія женъ его; будучи принуждена жить съ ними въ сералѣ, стануть онѣ почитать меня невольницею; съ дѣтьми моими будутъ тамъ поступать съ нѣкоторымъ образомъ начальствія: я же желаю лучше умереть, нежели сносить такое огорченіе.

Хотя Огузъ и чрезмѣрно былъ прельщенъ прекрасною Черкашенкою, однако предложеніе ея привело его въ немалое изумленіе: прекрасная Гуль-Саба, сказалъ онъ ей весьма жалкимъ видомъ, законъ дозволяетъ мнѣ имѣть только четыре настоящія жены: я не могу преступить онаго, не подвергнувъ себя гнѣву великаго нашего Пророка. Тому весьма легко помочь можно, сказала на то Черкашенка; ты имѣешъ власть развестить съ одной изъ твоихъ

ихъ Султанть. Ахъ! вскричалъ Огуцъ, того я никогда не учиню, онѣ всякаго почтенія достойны. Когда такъ, отвѣчала на то Гуль-Саба, то посовѣтуй о томъ, Государь, съ Имамомъ; я точно знаю, что по примѣру Магометову, такіе Султаны, какъ ты, изъ законовъ изключаются, а особливо, когда сіи законы только до нихъ однихъ касаются; есьли Имамъ рѣшитъ въ твою сторону, то я готова съ тобой соединиться; есьли же нѣтъ, то довольствоваться буду единымъ имянемъ твоей невольницы, и соглашусь претерпѣть самую жесточайшею смерть, нежели понести на себѣ безчестіе и срамъ, быть наложницею Султана Гузаратскаго.

Сіи съ толикою твердостію произнесенныя слова поразили Огуца; не мѣшкая послалъ онъ

за Имамомъ, которому о семъ дѣлѣ говорилъ со всѣми выраженїями самаго страстнѣйшаго любовника. Имамъ опасаясь лишиться жизни, есьли на то отвѣтствовать будетъ не согласно съ намѣренїями Султана, сказалъ ему такъ: сїя прекрасная Черкашенка говоритъ истинну; правда, законъ великаго нашего Пророка позволяетъ имѣть только четырехъ женъ; ему же съ выше позволено было имѣть, сколько хотѣлъ; а хотя истолкователи священной книги, полученной имъ отъ Ангела Гаврїила, говорятъ, что сей законъ сдѣланъ не для Султановъ; однако они будучи нѣкоторый родъ образа божїя, должны и отъ прочихъ человѣковъ отличаться; и я къ истолкованїю тому присоединю, что при теперишнемъ случаѣ изключенїе отъ закона весьма согласно съ твоими намѣре-

мѣреніями. будучи жертвою общаго блага, и единственно стараясь разпространить законъ нашего Пророка, и сохранить миръ во своихъ земляхъ, сочетался ты съ четырмя Султаншами; въ обязательствахъ сихъ не имѣло сердце твое ни малѣйшаго участія: и такъ когда ты жертвовалъ собою благополучію своего народа, то какъ не позволяется тебѣ удовольствовать страсть свою съ такою особою, которая по справедливости разделить съ тобою ложе иначе не хочетъ, какъ ставъ ужѐ твоею супругою? Ахъ милостивый государь! сей законъ былъ только бы для тебя весьма жестокъ; и я имѣю власть разрѣшить твои сомнѣнія; ты можешъ безъ всякой опасности соединиться съ сея прекрасною Черкашенкою, и я готовъ приступить къ совершенію сего таинства.

Толь лѣстное для Султана рѣшенїе привело его въ несказанную радость, и онъ не хотѣлъ отлагать бракъ свой далѣе: въ разсужденїи чего Имамъ соединилъ ихъ немедлѣнно, и получилъ за то въ награжденїе десять тысячь золотыхъ; невольники же и прислужники серальскїе возвѣщали то всюды радостными своими кликами; изъ чего Султанши легко заключить могли, что онѣ всей горячности супруга своего лишились; и заперщись въ своихъ покояхъ стенали, не производя при томъ ни малыхъ жалобъ; а Огуцъ прельщенный новою своею супругою, помышлялъ только о насыщенїи стремительныхъ своихъ желанїй.

Между тѣмъ Гуль-Саба по обычаю восточныхъ женъ защищалась отъ Султана болѣе недѣли, и ужѐ испытавъ довольно его

его любовь и послушанїе, согласилась насладить его совершеннымъ ею обладанїемъ.

Болѣе мѣсяца ни въ чемъ не упражнялись въ Сералѣ, какъ въ пляскѣ, въ играхъ и въ банкетахъ. Но сколь велика была радость Огуцова, когда Гуль-Саба родила сына несравненной красоты! рожденїе его торжествовалось съ толикимъ великолѣпїемъ и иждивенїемъ, что отъ того сокровища Султановы почти со всѣмъ истощились.

Болѣе пятнадцати лѣтъ Огуцъ помышлялъ только о Гуль-Сабѣ и о ея любезномъ сынѣ; а есьли когда приходилъ къ другимъ своимъ Султаншамъ, то бывалъ съ ними столь не долго, и оказывалъ имъ толикую холодность, что имъ весьма трудно было не показать ему чувствуемую ими отъ того жестокую скорбь, а особливо что

новая Султанша, гордясь своимъ предъ ними преимуществомъ, не наблюдала въ разсужденiи ихъ ни малѣйшаго почтенiя и благопристойности. Младый(а)баттфалъ, такъ назывался сынъ Гуль-Сабинъ, подражая худымъ примѣрамъ своей матери, которая воспитывала его съ великою надмѣнностiю, не почиталъ Султаншѣ ни мало, и не взирая на частые выговоры своего родителя, ежедневно являлъ новые опыты злаго своего нрава. Сколь ни слѣпъ былъ Огуцъ въ разсужденiи Гуль-Сабы и ея сына, однако причиняемыя Султаншамъ оскорбленiя довольно могъ примѣтить, хотя онѣ ему о томъ никогда не жаловались; и часто случалось, что онъ

(а) Имя сiе на Арабскомъ языкѣ значитъ храбраго и отважнаго человѣка, такъ же и лѣниваго побродягу.

онъ досадовалъ на себя, что такъ много къ прекрасной Черкашенкѣ прилѣпился. Хотя для шестидесятилѣтняго человѣка и весьма пріятно быть молодою и прелѣстною красавицею любиму; однако Огуцу приходили такія минуты, въ которыя онъ о чистосердечіи Гуль-Сабы сомнѣвался. Въ ласканіяхъ ея казалось ему быть нѣчто притворное и принужденное; истинную же откровенность находилъ онъ въ сердцахъ первыхъ своихъ супругъ: и такъ не зная, какимъ бы образомъ то подлинно извѣдать, предавался иногда горчайшей тоскѣ и скукѣ.

Въ одну ночь запершись въ своемъ кабинетѣ, и читая съ великимъ благоговѣніемъ нѣкоторыя главы изъ Алкорана, просилъ онъ великаго Магомета о прекращеніи его мученій, и въ таковыхъ печальныхъ размышленіяхъ за-

снулЪ, при которомЪ случаѣ привидѣлось ему, будто Магометъ пришедЪ кЪ нему, говорилЪ такЪ: ты хочешЪ знать, какихЪ мыслей о тебѣ Гуль-Саба? или тебѣ то безЪизвѣстно, что женское сердце ни кому не проницаемо, развѣ только кто имѣетЪ на рукѣ обвороженный перстень (а)? однако я научу тебя, какимЪ образомЪ узнать не только внутренность твоей любезной Черкашенки, но и всѣхЪ твоихЪ СултаншЪ и дѣтей; и симЪ средствомЪ отниму отЪ ушей твоихЪ заграду. Проснувшись поди искать племянника славнаго Альроамата; онЪ называется КофробЪ; посовѣтуй сЪ нимЪ о своемЪ безпо-

(а) ПодЪ симЪ рузумѣется перстень СоломоновЪ, которому восточные жители великія и странныя дѣйствія приписываютЪ.

безпокойствѣ; я внушу въ него, что надлежитъ ему для удовлетворенія тебя дѣлать.

Султанъ Гузаратскій довольно слыхалъ о одномъ Грузинскомъ Царѣ, который болѣе нежели за двѣсти лѣтъ царствовалъ въ Гуріелѣ; онъ зналъ, что о семъ Государѣ разказываютъ много совсѣмъ невѣроятныхъ дѣлъ, и что посредствомъ его вселился въ Китай законъ Магометанскій; но ничего не слыхалъ онъ никогда о семъ Кофробѣ, котораго Пророкъ велѣлъ ему искать, и не могъ себѣ представить, что бы послѣ двусотъ лѣтъ кто нибудь изъ Альроаматовыхъ племяниковъ былъ на свѣтѣ. Однако что бы не упустить ничего въ разсужденіи такого дѣла, которое до него столь много касалось, созвалъ онъ на другой день всѣхъ своихъ Визирей, и самыхъ славнѣйшихъ

нѣйшихъ мудрецовъ Камбайскихъ, и спрашивалъ, не знаетъ ли кто изъ нихъ жилища Кофробова? но никто не могъ его о томъ увѣдомить, по тому что и мудрецы про него ничего не знали: и такъ Султанъ пошелъ въ сераль весьма печаленъ, и идучи услышалъ, что старый его евнухъ упоминалъ имя Кофроба; въ разсужденіи чего призвавъ его къ себѣ, спрашивалъ, о комъ онъ говорилъ. Евнухъ сказалъ ему на то, что не далеко отъ Камбая живетъ въ пещерѣ старикъ, который называется Кофробомъ и ведетъ толь умѣренную и премудрую жизнь, что всѣ его сосѣди ему удивляются. Огуцъ увѣдая о томъ, взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ своихъ придворныхъ, такъ же и сего евнуха, и поѣхалъ верьхомъ къ тому мѣсту, гдѣ сей святый мужъ

жилъ,

жилъ, куда чрезъ нѣсколько часовъ и прибыли. Какъ скоро Кофробъ услышалъ лошадиной топотъ, то не мѣшкая отворилъ дверь, и подошедъ къ Огуцу съ веселымъ но величествомъ наполненнымъ видомъ, говорилъ: Султанъ Гузаратскїй! я знаю, за чемъ ты ко мнѣ пріѣхалъ; я подамъ тебѣ всякое вспомоществованїе; однако прежде всего надлежитъ мнѣ поговорить съ тобой на единѣ. Во удивленїе приведенный Султанъ приказавъ тогда всѣмъ съ нимъ пріѣхавшимъ отдалиться, взошелъ одинъ въ жилище Кофробово, гдѣ святый сей мужъ говорилъ ему слѣдующее: великїй Пророкъ, коего имя да прославляется во вѣки, говорилъ со мною; объявилъ мнѣ причину безпокойствъ твоихъ, и для облегченія твоего повелѣлъ мнѣ построить для тебя при вратахъ Камбайскихъ

скихъ великолѣпный дворецъ: въ семъ то мѣстѣ посредствомъ меня обрящешъ ты потеренное свое спокойствїе. Впрочемъ не думай, Государь, что бы я былъ обыкновенный Архитекторъ; премудрость, которой я повинуюсь, и сей перстень, который прежде сего принадлежалъ Султану Соломону, дѣлаютъ, что все, другимъ невозможнымъ кажущееся, для меня весьма легко и не затрудительно: мнѣ надобно токмо объявить мое желанїе подвластнымъ мнѣ духамъ; то все въ одну минуту исполнено будетъ; однако, что бы Султанши, твои супруги, ни подданные твои не возъимѣли какого подозрѣнїя, то на построенїе сего сданїя должно положить довольное время. И такъ прикажи мнѣ, въ присудствїи всѣхъ съ тобой приѣхавшихъ, слѣдовать за тобой въ Камбай, по-

построить тебѣ тамъ новый Сераль, и придѣлать къ оному Мечеть, въ которой бы стояла такъ же гробница для положенія въ оную твоего тѣла, когда смертный ангелъ вынетъ изъ онаго душу. Султанъ удивленный таковою рѣчью сего премудраго старца исполнилъ все имъ сказанное; и какъ скоро Огуцъ въ Камбай возвратился, то Кофробъ началъ приуготовляться къ исполненію повелѣній, данныхъ ему симъ Государемъ.

Спустя послѣ того съ недѣлю обьявлено было вездѣ о семъ предприятіи; и болѣе трехъ тысячь работниковъ всякаго рода начали подъ смотрѣніемъ почтеннаго сего Архитектора закладывать сданіе ему на построеніе порученное. Никогда не производилась работа съ такою скоростію, съ такимъ порядкомъ и съ толикою точностію;

и

и хотя Султанъ въ томъ и предупрежденъ былъ, однако не могъ понять, какимъ волшебствомъ строенїе сїе ежедневно прибавлялось. На конецъ по прошествїи полугода великое сїе сданїе было совершено. Кофробъ водя Султана по самымъ потаенным мѣстамъ дворца, ввелъ его въ трапѐзу мечети, которая вся убрана была деревомъ; отъ туда взошелъ съ нимъ въ галлерѣю, сдѣланную весьма художественнымъ образомъ между двумя толстыми стѣнами, изъ которой можно было не только видѣть, не будучи при томъ самъ видимъ, все то, что въ разныхъ покояхъ Султаншамъ отведенныхъ происходило, но и всѣ ихъ разговоры слышать чрезъ отверстїя сдѣланные въ стѣнахъ мозаическою рѣзбою, которая казалось вмѣсто украшенїя служила.

Не довольно еще того, сказалъ тогда Кофробъ, что симъ средствомъ можно будетъ узнать, какихъ мыслей о тебѣ Султанши; но надлежитъ тебѣ испытать ихъ еще болѣе: для сего наимянуй меня Имамомъ сея мечети: не страшись, Государь, ничего, видя меня заперта въ сералѣ съ твоими женами; въ мои лѣта не можно ужѐ имѣть ни какихъ вожделеній; ужѐ болѣе ста лѣтъ отрекся я отъ всѣхъ прохладъ сей жизни, надѣясь единственно насладиться въ раю нашего святаго Пророка всемъ тѣмъ, что онъ истиннымъ Музульманамъ обѣщаетъ. Сто лѣтъ, вскричалъ Огуцъ! Да, Государь, отвѣтствовалъ Кофробъ: будучи племянникъ великаго Альроамата царя Грузинскаго, и научась отъ него самымъ высшимъ наукамъ, царствовалъ я довольно

долгое

долгое время въ Китаѣ; но премудрость, которой сей великїй мужъ далъ мнѣ первоначальныя основанїя, побудила меня презирать земными величествами, и стараться о снисканїи тѣхъ, которыя законъ обѣщаетъ намъ дать на небесахъ. Царство мое оставилъ безъ сожалѣнїя своему сыну; и внучата его еще теперь управляютъ Китаемъ: что же до меня касается, то я упражняясь единственно въ разсматриванїи небесныхъ чудесъ, есмь оружїемъ, которое посланникъ божїй употребляетъ не рѣдко для изведенїя смертныхъ изъ безднъ, въ кои прародительскїй грѣхъ ихъ толь часто ввергаетъ: И такъ ты, государь, видишъ предъ собой со всемъ отъ мїра отрекшагося человѣка, который уже болѣе двухъ вѣковъ на землѣ живетъ только для исполненїя воли нашего про-

пророка; поручи же мнѣ твоихъ Султаншъ безъ всякой опасности. Ты можешь завтре перевесть ихъ въ сей дворецъ, а изъ стараго сдѣлай Караванъ-сераль, для принятія всякихъ путешественниковъ; и ты вскоре познаешь пользу сего учрежденія.

Огуцъ удивился чрезвычайно, слыша отъ Кофроба, что онъ толь великимъ былъ государемъ; въ разсужденіи чего хотѣлъ воздать ему должное по его высокому чину: но сей почтенный старецъ предъупредилъ его, сказавъ: есьли бы я хотѣлъ, что бы мнѣ безпрестанно почтеніе воздавали, то бы конечно престола не оставилъ; но благодарю праведное Небо, что во все время моего царствованія не прельщался никогда симъ благовоніемъ, которое царямъ безпрестанно подносятъ, и отъ

котораго

котораго они никакой нечувствуютъ боли; по счастїю умѣлъ я подлаго льстеца разпознать съ честнымъ человѣкомъ; я хотѣлъ, что бы истинна меня всюды окружала, и приучилъ къ оной всѣхъ тѣхъ, кои при мнѣ служили, такъ, что могу сказать, что дворъ мой былъ примѣромъ въ своемъ родѣ. Такое завѣщанїе далъ я и моимъ внучатамъ; но порча нынѣшнихъ вѣковъ не допустила ихъ слѣдовать оному точно, и Китайскїй дворъ находится теперь почти на такомъ же основанїи, какъ всѣ проччїе восточныхъ государей дворы, въ которыхъ подлые Евнухи или любимыя Султанши показываютъ ежедневно власть свою надъ жизнїю и благополучїемъ народовъ, подчиненныхъ ихъ Султанамъ. Ты же, государь, управляя по нынѣ подданными твоими съ толи-

кою премудростію потщись удаляться отъ сего безпорядка, и памятуй безпрестанно, что за порученныхъ тебѣ богомъ народовъ долженъ будешь ему отвѣтствовать.

Гузаратскій Султанъ, прельщенный премудрыми наставленіями Кофроба, и почитающій всѣ его совѣты, не приминулъ предложенія его произвесть въ дѣйство; на другой же день велѣлъ перевесть Султаншъ въ новой свой Сераль, великолѣпіе котораго никакъ описать было не возможно: въ садахъ оной окружающихъ все приводило въ удивленіе; и какъ Кофробъ расположилъ ихъ такъ, что подлѣ ихъ находилась превеликая роща на нѣсколько верстъ въ окружности; то все сіе зданіе казалось паче жилищемъ Перицовъ (а), нежели простыхъ людей.

(а) Перицы суть такія твари, которыя ни люди, ни ангелы, ни діа-

Итакъ Огуцъ поручилъ Кофробу, какъ то онъ того требовалъ, первоначальство въ Мечети новаго Сераля. Уже прошло болѣе четырехъ мѣсяцовъ, что они въ ономъ жили, какъ Султанъ, слѣдую совѣту премудраго старца, притворился больнымъ бутто чувствовалъ весьма сильное трепѣтаніе сердца. Хотя болѣзнь сія привела Султаншъ въ несказанное смущеніе, однако Гуль-Саба показывала при томъ всѣхъ болѣе безпокойства. Ахъ! милостивый государь! говорила она Султану, проливая слезъ потоки, что со мною

волы; и арапы называютъ ихъ Гиннами. Восточные жители почитаютъ ихъ благодѣтельными духами, и что живутъ они въ особливой землѣ Гиннистанъ называемой, и имѣютъ безпрестанно войну съ злыми духами, Дивесыми по ихъ имянуемыми.

мною будетъ, когда злымъ рокомъ тебя лишуся? что тогда и съ сыномъ моимъ послѣдуетъ? отмѣнная твоя къ нему любовь конечно возбудитъ противу несчастнаго сего Принца всѣхъ его братьевъ; Султанши повѣлятъ имъ отмстить мнѣ за любовь, которою ты меня толь долгое время безпрерывно удостоивалъ; онѣ никогда не простятъ мнѣ того, что я лишила ихъ твоего сердца, и несчастный батфалъ будетъ жертвою ихъ ярости. Не страшись сего, сказалъ ей на то Султанъ; я знаю, сколь благородныя онѣ имѣютъ мысли, и никогда не подумаю, что бы онѣ такіе противу тебя намѣреніи возъимѣли; однако для твоего успокоенія положу предѣлы ихъ власти, Азраилъ * еще не подлѣ одра моего; я чувствую, что сей ужаснѣйшій день, котораго и самый праведный Музульманъ

* Смертный ангелъ

манъ трепетать долженъ, еще не приближился. Сіи увѣренія успокоили на нѣсколько времяни Гуль-Сабу; но сколь велика была печаль ея и другихъ Султаншъ, когда спустя по томъ нѣсколько дней Султанъ получа извѣстіе, что Гумайунъ и Нериманъ, осматривая Гузаратскіе города, на правителей которыхъ народъ жаловался, будучи заражены моровою язвою, тамъ скончались; толь великую печаль почувствовалъ, что Султанши легко могли примѣтить, что силы и здравіе его начали отъ часу болѣе умаляться, и что онъ упражнялся только въ томъ, какимъ образомъ для отчету въ дѣлахъ своихъ предстать предъ тронъ Всевышняго, котораго всѣ цари, сколь ни велики и ни сильны они быть кажутся, суть ничто иное, какъ подножіе.

Тщет-

Тщетно старались врачи пользовать его лѣкарствами своими; оные ни мало болѣзнь его не облегчали, по тому что онъ не хотѣлъ ихъ принимать: Иманъ, ослѣпляя, такъ сказать, глаза у всѣхъ въ Сералѣ находящихся, дѣлалъ такъ, что Огуцъ казался весьма опасно боленъ, хотя онъ не взирая на свои прискорбіи совершеннымъ здравіемъ наслаждался. На конецъ въ одинъ день показывая, что онъ противу обыкновеннаго совсемъ несносную болѣзнь чувствуетъ, приказалъ своимъ женамъ и дѣтямъ къ софѣ своей приближиться, и говорилъ имъ слѣдующую рѣчь: я начинаю чувствовать, сказалъ онъ имъ весьма слабымъ голосомъ, и поцѣловавъ всѣхъ ихъ съ великою горячностію, что и Государи подобно самымъ послѣднимъ изъ ихъ подданныхъ, не освобождаются отъ смерти,

и что при приближенїи плачевнаго сего дня должно имъ страшиться болѣе самаго послѣдняго Музульмана: обязаны будучи бдѣть о врученныхъ имъ народахъ, какой отчетъ могутъ они дать въ худомъ правительствѣ *землями своими*? будучи обыкновенно преданы во младости всякимъ сладостямъ, не пекутся они о томъ ни мало, нѣтъ ли въ государствѣ ихъ людей въ убожествѣ и бѣдности стенающихъ, и притесняемыхъ жестокостїю опредѣляемыхъ ими чиноначальниковъ? въ сїю то минуту вижу я, что нисхожу въ бѣздну вѣчности, что все сїе въ мысляхъ мнѣ представляется, какъ не долженъ страшиться переходя сей ужасный мостъ, (а) котораго никому миновать

(а) Въ восточной богословїи мостъ сей называется Пуль Серрга то есть мостъ посреди пути здѣлан-

новать неможно? сколько бѣдныхъ уцѣпятся за мою одѣжду? увы! я трепѣщу отъ ужаса! но совсемъ тѣмъ чувствую, что надлежитъ мнѣ приуготовляться къ сему страшному переходу, и что жить мнѣ остается только нѣсколько дней: тѣло мое ослабѣваетъ отъ часу болѣе, и вскоре то величество, котораго всѣ Индустанскїе Цари страшились, и котораго всѣ подданные мои трепѣтали, превратится въ прахъ: вижу, что вы проливаете слезы; онѣ меня терзаютъ, отрите ихъ, и внемлите послѣднимъ моимъ увѣщанїямъ.

Есьли когда нибудь я былъ вамъ милъ, то опыты того,

ный. Магометане думаютъ, что подъ онымъ пылаетъ всегда огонь, и что на страшнотъ судѣ на ономъ будутъ хвататься обиженные за тѣхъ, кои ихъ обидѣли.

любезныя Султанши, и вы дражайшіе дѣти, мнѣ нынѣ покажите. Я требую отъ васъ, что бы о смерти моей таить цѣлые четыре мѣсяца. Я къ тому имѣю причины, которыя вы въ настоящее время конечно узнаете; хочу что бы только одинъ Иманъ Кофробъ отправилъ должныя при томъ церемоніи: что бы онъ положилъ меня въ гробницу въ Мечети дворца сего стоящую; чтобъ тамъ безпрестанно молилъ о мнѣ Всевышняго; и что бы скорбь ваша не изходила изъ Сераля. Вотъ послѣдніе мои завѣщаніи написанные въ семъ моей пѣчатью запечатанномъ пакетѣ, который подъ проклятіемъ запрещаю вамъ открывать прежде положеннаго мною время: между тѣмъ пускай верховный Визирь управляетъ моимъ имянемъ, получая при томъ повелѣніи отъ

Кофроба

Кофроба такъ какъ то дѣлалъ онъ во время моей болѣзни: только сему Иману, котораго великая премудрость вамъ извѣстна, и которому вручилъ я свою духовную; извѣстны мои намѣренія: вы, сыновья мои, чтите матерей вашихъ, живите въ согласіи и въ мирѣ, не возбуждая никакого раздора въ Государствѣ; а вы, любезныя Султанши, есьли любовію моей къ Гуль-Сабѣ нанесъ вамъ прискорбіе, простите мнѣ; припишите то человѣческой слабости, и забудьте есьли возможно, отвращеніе, кое можетъ быть возъимѣли вы къ ней и къ ея сыну: я обоихъ ихъ увѣщеваю, любить и почитать васъ, помня то, что безъ всякой почти умѣренности я ихъ любилъ, въ которое время вы казалось всей моей любови лишены были; ибо не думайте, чтобы я когда нибудь переставалъ

валъ имѣть къ вамъ во внутренности моего сердца ту горячность, которой вы по справѣдливости достойны, въ разсужденіи кротости и смиренія съ коими вы заблужденіи мои сносили.

Вотъ въ семъ состоитъ мое отъ васъ требованіе: проччее же познаете по прошествіи положеннаго мной вамъ время, въ ожиданіи чего живите въ покоѣ въ семъ дворцѣ, изъ котораго выходить вамъ запрещаю. Зная же слабость женскаго сердца не препятствую вамъ, приступить по смерти моей къ другому браку, когда то съ благопристойностію сопряжено будетъ, хотя нѣкоторый родъ благочинія и величество нашего состоянія и должны васъ отъ того отвращать; старайтесь только избѣгнуть такого обязательства, которое бы могло привести васъ

въ

въ стыдъ и посрамленіе; памятуйте всѣ, что наруша мои повелѣніи подвергнете себя моему проклятію.

Во все то время, какъ Огузъ говорилъ рѣчь сію, Султанши и Принцы не могли осушить глазъ ни на минуту; сердце ихъ толь сильною скорбію стеснялось, что не въ силахъ они были ни одного проговорить слова: только Султанъ казался спокойнымъ; и какъ Иманъ по повелѣнію его принесъ къ нему Алькоранъ, то онъ велѣлъ имъ всѣмъ на сей священой книгѣ клясться, что они со всякою точностію все то исполнятъ, что онъ отъ нихъ требовалъ; и по принятіи отъ нихъ сей присяги обнималъ всѣхъ ихъ съ неизреченною горячностію, послѣ чего далъ имъ знать, что бы они въ свои чертоги возвратились, дабы онъ въ послѣднія минуты своей жизни могъ на-

сладиться исповѣданіемъ своей совѣсти, и принесеніемъ Всевышнему истиннаго покаянія. Сколь ни тягостенъ и ни несносенъ былъ для нихъ приказъ сей, однако они принуждены были его исполнить, и вышли изъ комнаты Султановой, пронзенны будучи наигорчайшею печалію.

Съ сей минуты Иманъ казалось цѣлые двои сутки упражнялся единственно въ чтеніи предъ Огуцомъ сей великимъ Магометомъ начертанной книги: на конецъ плачевный тотъ часъ насталъ, въ который о кончинѣ Султановой Кофробъ долженъ былъ обьявить въ Сералѣ; всюду слышны были только стѣнаніи, рыданіе, плачь и отчаяніе являющіе крики; но премудрый старецъ представлялъ Султаншамъ и Принцамъ, что сія чрезмѣрная печаль откроетъ конечно то, что покойный Султанъ повелѣлъ

велѣлъ имъ хранить толь тайно: на конецъ премудрыми своими увѣщанiями и совѣтами прекратилъ всѣобщее отчаянное безпокойство; всякъ удалился въ свое жилище, и тамъ оплакивалъ горчайшую свою долю. Иманъ, коему погребенiе Огуца поручено было, отнеся его въ свой покой, которой подлѣ самой мечети былъ здѣланъ, показывалъ, бутто омывалъ его тѣло, и облекъ его въ мантiю (а), на которой Государь сей еще при жизни велѣлъ написать весь Алькоранъ; потомъ положа болванъ въ гробницу, объявилъ, что похороны его совсемъ совершены были.

Посемъ весь сераль началъ наблюдать съ великимъ благоговенiемъ обыкновенные при таковыхъ

(а) Набожные Музульманы думаютъ, что сiе есть великою помощiю въ ихъ спасенiю.

выхъ случаяхъ обряды: Принцы и Султанши надѣли темныя ризы, и цѣлые восемь дней были такъ сказать непоколѣбимы, не употребляя при томъ никакой пищи; въ девятый же день Принцы взошедъ въ баню, велѣли обрить себѣ голову и бороду, надѣли новое платье, и пришедъ въ покой, гдѣ сидѣли Султанши, старались утѣшать ихъ всякими образы: однако онѣ не взирая на всѣ усильные ихъ старанiи цѣлые сорокъ дней упражнялись единственно во изъявленiи чрезмѣрной своей скорьби.

Какъ сiе прошло время, то Султанши старались сыскать себѣ такое упражненiе, которымъ бы могли усладить печаль свою: иная шила золотомъ, иная вила шелкъ: Гегернаца же будучи великая мастерица играть на лирѣ ни однаго дня не пропускала, что бы на прекрасномъ

сномъ семъ инструментѣ не воспѣть похвалъ покойному своему супругу; и какъ при томъ сочиняла она весьма хорошо стихи, то иногда составляла толь жалостныя пѣсни, и пѣла ихъ съ толикимъ болѣзнь являющимъ возхищенїемъ, что часто не могла ихъ окончать и приходила въ обморокъ.

Принцы и другїя Султанши слушали сїи жалостные стихи нѣсколько дней съ удовольствїемъ; но усмотря, что они только печаль ихъ отъ часу болѣе умножали, просили ее о прекращенїи хотя на нѣсколько времяни ея скорби.

Гуль-Саба, которая страшилась мщенїя и ненависти Султаншъ, видя, сколь много дружества и ласки онѣ ей оказываютъ; думала къ умноженїю еще болѣе ихъ къ себѣ благосклонности объявить имъ свои

мысли.

мысли. Государь, любезный нашъ супругъ, сказала она имъ, уже почти два мѣсяца скончался; слезы, рыданіе и стенаніи наши не могутъ уже ему возвратить жизнь; все сіе уменшаетъ только красоту нашу, которой пользоваться онъ намъ дозволилъ, когда положенное протечетъ время; для чего же дражайшія Султанши, не умѣрить намъ печаль свою? не лутче ли искать въ сіе время пристойныхъ состоянію нашему увеселѣній? я не намѣрена погрузить себя во гробъ живую: и такъ кажется мнѣ можемъ требовать на то мнѣнія Принца Ширина. Хотя совѣтъ сей и не всѣми былъ принятъ, однако и не уничтоженъ остался: и по тому вознамѣрились стараться о изысканіи такого благороднаго увеселѣнія, которымъ бы можно было хотя нѣсколько разогнать

толь печальныя мысли: а какъ Ширинъ былъ отъ природы весьма веселаго нрава, то въ томъ на него положились: и онъ размышляя о томъ нѣсколько дней, сыскалъ на послѣдокъ способъ, коимъ Султанши могли хотя на малое время быть спокойны, въ разсужденіи чего обьявилъ имъ оный, и получилъ на то отъ всѣхъ согласіе.

Надзиратель Караванъ-Сераля, который прежде сего былъ Огуцовымъ дворцомъ; служилъ невольникомъ у Ширина; онъ тотчасъ послалъ за нимъ. Заадій, сказалъ онъ ему, Султанъ, мой родитель, уже дряхлъ и находится безпрестанно въ пресильной задумчивости, которая заставляетъ насъ страшиться худыхъ слѣдствій; ежедневно выдумываемъ мы новыя забавы къ его утѣшенію, но къ тому уже болѣе недостаетъ силъ нашихъ;

шихъ; я вздумалъ, что ты только одинъ можешь намъ впредь быть весьма полезенъ для доставленія ему увеселѣній; для того требую отъ тебя слѣдующаго: въ Караванъ-Сераль приѣжжаютъ безпрестанно разные путешественники; я хочу всякой вечеръ, нарядясь въ простое платье, и привязавъ себѣ бороду, быть при ихъ туда пришествіи; когда кто нибудь изъ нихъ мнѣ понравится, то есть, который способенъ будетъ къ произведенію моихъ намѣреній, то я его велю украсть, и принесть во дворецъ. Какъ можно, государь, сказалъ Заадій, сіе сдѣлать такимъ образомъ, что бы того никто не примѣтилъ? насильство сіе можетъ быть опасно. Я не намѣренъ поступать при томъ насильнымъ образомъ; а вотъ какую хочу употребить при томъ хитрость: когда найду

ду я путешественника по своимъ мыслямъ, то ты съ нимъ подружися, и позови его къ себѣ для препровожденія вечера; я также къ тебѣ приду, и въ концѣ ужина примѣшаемъ ему въ питье буенгу (а); какъ скоро оный дѣйствіе свое сдѣлаетъ, то я велю его отнести въ Сераль, гдѣ удивлѣніе его весьма много веселить можетъ; когда же сіе или повѣствованіе его своихъ приключеній удовольствуетъ наше желаніе, то тѣмъ же способомъ велю его отнести въ Караванъ-Сераль, гдѣ проснувшись конечно все съ нимъ происходящее почтетъ за сонъ. Сіе увеселеніе хочу я имѣть сей же вечеръ.

(а) Буенгъ такой напитокъ у Персіанъ, отъ котораго приходятъ въ смѣшное и весьма забавное безуміе, которое при томъ весьма скоро кончится; а послѣ онаго весьма крѣпко засыпаютъ.

вечерЪ. Есьли то возможно, милостивый государь, сказалЪ ему на то Заадій: выдумка сія кажется мнѣ весьма забавна, и оную тѣмЪ легче нынѣшней день вЪ дѣйство произвесть можно, что вЪ КараванЪ-Сералѣ находятся теперь три молодые человѣка, которымЪ я уступилЪ свою комнату, и сЪ которыми долженЪ наступающій вечерЪ ужинать: они искусные музыканты, какЪ то могЪ я заключить изЪ ихЪ пѣсенЪ: сЪ ними есть еще женщина около пятидесяти лѣтЪ, которая сказывается ихЪ матерью; они хотятЪ отЪ сюда ѣхать завтре; однако вы можете ихЪ продержать столько времени, сколько разсудите заблаго для удовольствія вашего, такЪ что о похищеніи ихЪ нималѣйшаго подозрѣнія небудетЪ. Очень хорошо сказалЪ ПринцЪ, я приду кЪ тебѣ сего

го вечера ужинать, и для перенесенія сихъ четырехъ человѣкъ дамъ повелѣніе. Ширинъ будучи чрезвычайно доволенъ, что Султаншамъ можетъ здѣлать увеселеніе, пошелъ къ нимъ о томъ ихъ увѣдомить; чемъ онѣ всѣ много обрадованы были, выключая Гегернацы, которая представляла, что такое увеселеніе кажется ей не къ статѣ; однако на послѣдокъ принуждена была на то согласится, а особливо узнавъ что и Кофробъ на исполненіе того безъ всякаго прекословія согласился.

Ширинъ ожидалъ съ великою нетерпѣливостію исполненія своего намѣренія; и по тому еще довольно рано въ Караванъ-Сераль пошелъ, нарядясь Факиромъ (а), то есть, имѣя на плечахъ

(а) у Магометанъ есть множество разныхъ родовъ монаховъ, а

плечахъ Тигрову кожу, на головѣ Овечью шапку, и предлинную въ рукахъ дубину, взошелъ онъ смѣло въ покой къ Заадію: другъ мой сказалъ онъ ему, я пришелъ къ тебѣ ужинать; по счастію моему у тебя изрядная беседа; трапеза наша тѣмъ веселѣе будетъ, я и принесъ съ собой бутылку Шираскаго вина, которую дала мнѣ одна старуха за то, чтобъ я помолилъ за нее нашего Пророка, дабы ея мужъ, который занемогъ грудью, отъ сей болѣзни не всталъ болѣе съ постели; она влюблена въ одного молодаго своего сосѣда, за котораго ей весьма хочется выйти замужъ; я ее увѣрилъ, что Магометъ мнѣ не откажетъ въ сей милости; и есьли мольба моя дѣйствительна будетъ, то

имянно, Дервиши, Факиры, Календеры, Тебѣрры и проч.

то обѣщала мнѣ многое, теперь же дала только сїю бутылку съ виномъ. Трое молодыхъ людей и старуха начали смѣяться увидя Факира; по окончанїи же его рѣчи сѣли за столъ, который довольно весело препроводили, и бутылку съ Шираскимъ виномъ выпорожнили; а въ концѣ ужина подмѣшалъ Ширинъ буенгу въ воду и въ вино, который напитокъ и произвелъ вскоре ожидаемое имъ дѣйствїе. Сїи четыре путешественника въ такой глубокой сонъ пришли, что во дворецъ отнесли ихъ безъ всякаго чувства, и положили на софы, и они спустя болѣе часа проснулись.

Хотя Иманъ Кофробъ, не взирая на свои лѣта и важность, на такое увеселѣнїе охотно согласился, однако при томъ имѣлъ свои причины: какъ я, сказалъ ему Султанъ, не будучи никѣмъ видимъ,

видимъ, буду свидѣтелемъ всего того, что въ семъ дворцѣ говорить станутъ; то ни мало не оскорблюсь, есьли тамъ какіе приключаться произшествіи, которые можетъ быть подадутъ мнѣ случай, узнать еще лучше состояніе женъ моихъ; я не хочу ихъ неволить, и что бы онѣ ни дѣлали, все намѣренъ сносить съ равнодушіемъ: Есьли Султанши любили меня искренно, то ничего не пристойнаго не здѣлаютъ, и тогда могу лутче наградить ихъ ко мнѣ горячность; есьли же примѣчу, что любовь ихъ ко мнѣ была только наполнена притворствомъ, то къ нимъ такъ равнодушенъ здѣлаюсь, что ни мало о нихъ помышлять не буду. Вотъ, дражайшій Кофробъ, какое намѣреніе я предпріялъ; великій нашъ Пророкъ, котораго милостію ты пользуешся, далъ мнѣ

крѣпость сїю конечно чрезъ твое посредство, потому что она почти безъизвѣстна въ такой землѣ, въ которой самая неосновательная ревнивость обыкновенно ужасные производитъ дѣйствїи: на все, что въ сихъ мѣстахъ ни будетъ произходить, стану взирать такъ, какъ бы то до меня ни мало не касалось.

Какъ скоро Султанъ рѣчь сїю окончилъ, то Кофробъ, зная, что путешественники скоро проснутся, оставилъ Огуца, и пошелъ въ ту залу, гдѣ Султанши и Принцы ожидали окончанїя сна принесенныхъ изъ Караванъ-Сераля. Какъ скоро увидѣли, что они пробудились, то немѣдленно подняли завѣсу изъ золотой парчи сдѣланную, за которою находились путешественники, кои проглянувъ вдругъ, болѣе четверти часа говорили незная что; потомъ знаками показывали чрез-

мѣрное свое удивленіе, видя себя въ великолѣпномъ залѣ, освященномъ великимъ множествомъ свѣчь, которыя производя весьма чистый свѣтъ, наполняли вездѣ самыми пріятнѣйшими благовоніями; передъ ними стоялъ налой, накоемъ музическіе книги лежали, а въ ногахъ у нихъ накладены были всякіе инструменты. Удивленіе ихъ умножилось еще болѣе, когда увидѣли они Султаншъ и Принцовъ въ великолѣпныхъ одеждахъ и убранныхъ драгоцѣнными каменьями: тогда посматривали они другъ надруга долгое время не говоря нислова; но Ширинъ, который ужè тамъ былъ не въ Факирскомъ платье, подошедъ къ нимъ просилъ ихъ, что бы они начали концертъ, который они проиграть имъ обѣщались: а хотя они и точно знали, что съ находящимися тамъ особами никакого обяза-

обязательства не дѣлали: однако взяли инструменты, и на оныхъ играя пѣли нѣкоторые стишки, кои толь жалки и печальны были, что самый младшій изъ трехъ музыкантовъ не могъ окончать песни своей безъ пролитія слезъ. Есьли Султанши прельщены были голосомъ сихъ чужестранцовъ, то печаль, которая во всѣхъ дѣйствіяхъ сего младаго человѣка показывалась, трогала ихъ чрезмѣрно; и онѣ еще въ большее пришли безпокойство, когда онъ упалъ въ обморокъ. Ширинъ хотѣлъ подать ему спомоществованіе; но разстѣгнувъ у него камзолъ, увидѣлъ, что то была женщина. Султанши приближась тогда къ ней, увидѣли что лице ее покрылось нѣжною стыдливостію, и чувствительнымъ прискорбіемъ, зря себя въ такомъ состояніи. Не пужайся, прекрас-

ная иностранка, сказала ей Гегернаца, ты здѣсь находишся въ безъопасности, и всѣ въ мѣстахъ сихъ живущіе приемлютъ въ скорби твоей участіе. Иностранка пришедъ въ себя, благодарила Султаншу за оказанныя ей милости: милостивая государыня, сказала она ей, я не знаю, сплю ли я или нѣтъ; дни съ два тому назадъ, какъ приѣхали мы въ Камбай; вчера ужинали мы у надзирателя надъ Караванъ-Сералемъ съ однимъ Факиромъ, который казался намъ весьма веселаго нрава; послѣ ужина мы заснули, какъ то кажется; и я не понимаю, какимъ волшебствомъ перенесены мы въ такіе чертоги, которые величествомъ своихъ богатствъ на то прекрасное походятъ мѣсто, кое Пророкъ нашъ избраннымъ своимъ обѣщеваетъ. Любезная дочь, прервала рѣчь ее старуха, которая

рая сихъ трехъ молодыхъ особъ матерью называлась, мнѣ кажется, что я таинство сего произшествія познала; всѣ древніе Турецкіе и Персидскіе романы, коя я съ молода читывала, наполнены гораздо чудеснѣйшими приключеніями; есьли только то, что теперь происходитъ, не во снѣ намъ кажется, то мы сею ночью перенесены конечно въ Гиннистанъ, и всѣ предъ нами предстоящіе конечно есть прекрасный родъ тѣхъ тварей, которыя Перицами называются, и которыя произведены только для того, что бы людямъ добро дѣлать, и утѣшать злополучныхъ; тебѣ помощъ ихъ надобна; потщись же здѣлаться милости ихъ достойною; разкажи имъ всѣ приключеніи своей жизни, дабы они узнавъ твои несчастіи, оставили предосудительную для тебя мысль, которую

они о тебѣ возъимѣли, видя тебя въ такомъ одѣяніи, и въ бѣседѣ сихъ двухъ молодыхъ людей. Сїе кажется нимало ненужно, сказала ей на то дочь; отъ Перицовъ ничто несокрыто; они сердце мое знаютъ; и есьли сїи особы такого рода, то имъ всѣ приключенїи мои и безъ моего повѣствованія извѣстны. Представь себѣ, сказалъ ей тогда Имамъ и Султанши, какъ будто мы того не знаемъ: мы же съ нашей стороны увѣряемъ, что всѣми силами потщимся подать тебѣ въ злополучїяхъ твоихъ облегченїе. А! сказала старуха, я не примѣтила, что дочь моя нестоль спокойна, что бы могла начать сїе повѣствованїе; дайте ей разогнать свое прискорбїе; тогда можетъ быть всѣ ея приключенїи придутъ ей лутче на память; а между тѣмъ дозвольте мнѣ разказать вамъ Исто-

рїю

рїю моей жизни; при томъ увѣряю васъ, что ни малѣйшаго не упущу обстоятельста. И такъ старуха видя, что всѣ замолчали, и сѣли по мѣстамъ, говорила такъ.

✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻

ВЕЧЕРЪ I.

Исторїя о Карабагѣ.

Теперь вы видите меня почти всю покрытую сѣдиною; но я вамъ могу сказать, что въ цвѣту моея младости была весьма прекрасна; мнѣ дали имя Карабага * для того, что при чрезвычайной бѣлизнѣ тѣла имѣла я прелестные черные волоса. Во всей Ормуцкой странѣ, гдѣ я жила, только о мнѣ одной говорили, и слава сїя была столь безмѣрна, что одинъ изъ сосѣдей нашихъ, который имѣлъ у себя довольный достатокъ, влюбился

* Черной садъ.

бился вЪ меня смертелбно, и сталЪ на мнѢ свататься. Родители мои почитая то для меня за великую пользу, согласились на предложенѣе его сЪ охотою; и такЪ я за сего сосѢда, который багалуломЪ назывался, вышла за мужЪ: онЪ былЪ человѢкЪ весьма честный, собою пригожЪ и миловиденЪ, притомЪ и весьма тихаго нрава; онЪ любилЪ меня чрезмѢрно, и я горячности сей соотвѢтствовала, сколько силЪ моихЪ доставало; а по прошествѣи года родила я сына, и мы дали ему имя АльбаертЪ; тотЪ, который изЪ сихЪ двухЪ путешественниковЪ по больше, есть сей АльбаертЪ, вы видите что онЪ другаго путешественника держитЪ за руку, это его жена: я послѢ изЪясню вамЪ, для чего она и сѣя прекрасная, которой я не мать, вЪ

толь странномъ находятся одѣянии.

Мужъ мой любилъ страстно химію, оной обучался онъ у одного весьма славнаго химиста, который открылъ ему самые лутчіе въ свѣтѣ таинства; и какъ онъ въ Ормуцѣ ежедневно чудесные производилъ врачеваніи, то сіе привело его въ такую славу, что врачи сего города возъимѣли къ нему непреодолимую ненависть; такъ что грозились поступить съ нимъ весьма худо: и такъ багалулъ страшась лишиться жизни, вознамѣрился на нѣсколько времяни отъ туда удалиться, и о семъ отъѣздѣ объявилъ и мнѣ. Сіе происходило на осьмомъ году нашего брака; мы другъ друга любили весьма горячо; и вы легко разсудить можете, что разлука сія казалась мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, что я была

 уже

уже брюхата, какъ онъ отъѣжжалъ, и спустя послѣ его отъѣзда три мѣсяца родила дочь, которая на шестой недѣлѣ послѣ рожденія своего умерла. Разлука сія здѣлалась для меня тѣмъ еще несноснѣе, что верховный Визирь Ормуцкаго Султана, любя отца моего очень много, узная, что я родила недавно, велѣлъ мнѣ предложить, не возмусь ли я кормить грудью дочь, которая у государя сего родилась въ то время; я почла за безразсудность, убѣгать такой чести, чрезъ кою надежное защищеніе получить чаяла; и такъ меня въ Сераль приняли, и опредѣлили кормилицею къ Принцессѣ Канцадеѣ; я могу сказать, что любезное сіе дитя имѣя такъ сказать ангельскій нравъ обладала и совершенною красотою; но сколь бѣдственны ей были тѣ прелѣсти, которыми

ми ее украсила природа! то познаете вы вскоре повѣствованiемъ ея злоключенiй; я обращаюсь къ тому, что собственно до меня касается. Между тѣмъ временемъ, какъ я жила въ Сералѣ, чему уже прошли цѣлые семь лѣтъ, Альбаертъ, котораго я отдала на содержанiе одному учителю, у коего онъ разнымъ наукамъ обучался, достигъ уже болѣе, нежели до отроческихъ лѣтъ, и Визирь, который меня взялъ подъ свое защищенiе, примѣтя въ немъ много хорошаго, просилъ у меня его для сотоварищества съ его сыномъ. Какъ онъ одаренъ былъ всѣми къ тѣлеснымъ упражненiямъ нужными способностями, то съ Визиревымъ сыномъ выучился вскоре всему тому, что мущину дѣлаетъ совершеннымъ, а сверьхъ того толикую возъимѣлъ склонность

къ музыкѣ, что въ оной здѣлался весьма силенъ.

Во время почти десятилѣтней моей разлуки съ багалуломъ, получила я отъ него только семь или восемь писемъ; напослѣдокъ онъ возвратился, и привезъ съ собою одного человѣка, который видомъ и поступками своими побуждалъ къ великому себѣ почтенiю, и я не могла смотрѣть на него безъ нѣкоего рода удивленiя; а какъ уже прошло около трехъ лѣтъ, что я Сераль оставила, и возвратилась въ домъ свой, то мужъ мой по оказанiи мнѣ первыхъ знаковъ своей горячности и любови, представилъ мнѣ своего товарища: любезная Карабага, сказъ онъ мнѣ, я знаю сколь ты скромна во всякомъ случаѣ, и я никогда отъ тебя ни въ чемъ не таился, ты видишъ въ семъ другѣ, который конечно

согла-

согласится жить съ нами, одного изъ ученѣйшихъ людей на свѣтѣ, и котораго нравы съ разумомъ его согласуются; послушай, какимъ образомъ получилъ я его дружество.

Карабага хотѣла было продолжать, какъ одна невольница пришла къ Султаншамъ, и Гегернаца ей сказала: обыкновенно въ такомъ часу всякой вечеръ бываемъ мы принуждены уходить отъ сюда; однако принимали во всемъ до васъ касающемся участiе, охотно желаемъ знать всѣ ваши приключенiи; завтре въ етомъ же часу мы конечно опять увидимся; а теперь отведутъ васъ въ особливую комнату, гдѣ вы ни въ чемъ недостатка имѣть не будете, какъ въ покоѣ такъ и въ кушаньѣ, и во всемъ что только вамъ угодно; все здѣсь къ вашимъ услугамъ, только того не ожидайте, что бы кто

нибудь изъ прислужащихъ вамъ, могъ подать вамъ какое объясненїе въ какомъ мѣстѣ вы находитесь, и кто мы таковы: потому что они нескромностїю своею лишатся всей той милости, которою они отъ насъ за слѣпое свое волѣ нашей повиновенїе пользуются, притомъ и вы сами приведете себя чрезъ то въ такую опасность, отъ которой мы васъ освободить будемъ не въ состоянїи: и такъ на сихъ только договорахъ можете въ мѣстахъ сихъ быть въ безопасности; есьли же вамъ жить въ оныхъ прискучитъ, то вы можете объявить о томъ безъ всякаго опасенїя, и васъ тотъ же часъ отнесутъ туда, отъ куда васъ взяли.

Милостивая государыня, сказала на то Карабага, хотя любопытство причитается полу нащему природнымъ порокомъ, однако

однако увѣряю васъ, что изъ сего волшебнаго дома выйдемъ мы не по причинѣ онаго; мы о величествѣ вашего рода такъ удостовѣрены, что нимало не нужно намъ требовать въ томъ отъ кого большаго обьясненія; и такъ не опасайтесь нескромности нашей; а понеже вы отъ сюда итти изволите, то нижайше прошу приказать и насъ отвести въ то мѣсто, гдѣ положено намъ препроводить ночь, и завтрешней день; мы же повѣленіямъ вашимъ со всякою поспѣшностію не приминемъ повиноваться.

Гегернаца и Принцы прельщенные толь милыми гостями, старались имъ показать, сколько они ими довольны были; отвели ихъ въ великолѣпную комнату, гдѣ поставлены были для нихъ всякія кушаньи и напитки, и гдѣ стояли кровати, которыхъ великолѣпіе подтвердило ихъ еще

болѣе

болѣе въ томъ мнѣніи, что они въ волшебномъ мѣстѣ находятся. Проспавъ тамъ ночь весьма спокойно, препроводили день въ великомъ изобиліи и довольствѣ; столъ приготовленъ былъ для нихъ весьма великолѣпный, и всякими наисладчайшими кушаніями наполненъ, послѣ котораго прогуливались въ садахъ, красота коихъ еще болѣе приводила ихъ въ удивленіе о божественномъ семъ жилищѣ; а какъ насталъ вечеръ, то объявили имъ, что ихъ въ залу ожидаютъ; въ разсужденіи чего они пошли туда со всякою поспѣшностію, и прибывъ увидѣли, что все въ таковомъ же порядкѣ, какъ и прежде находилось; Гегернаца же просила Карабагу, что бы она исторію свою продолжала, и старуха сія начала говорить такъ:

ВЕЧЕРЪ II.

Продолженїе исторїи о Карабагѣ.

Вчера хотѣла было я, милостивыя государыни, начать разсказывать, какимъ образомъ познакомился мужъ мой съ тѣмъ человѣкомъ, котораго мнѣ представлялъ; и такъ теперь къ тому же приступлю; вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ: во время моего путешествїя, говорилъ онъ, проѣжжая чрезъ городъ Дамаскъ услышалъ я, что владѣющїй тамъ Султанъ содержалъ въ темницѣ одного человѣка великихъ достоинствъ; освѣдомляясь о причинѣ его заточенїя, узналъ я, что сей несчастный въ земляхъ сего Государя по неосторожности передѣлалъ нѣсколько фунтовъ свинца въ золото; что Государь увѣдая о томъ, велѣлъ его къ себѣ привесть,

вести, и думалъ его принудить открыть ему такое таинство, которое ему тѣмъ любопытнѣе знать хотелось, что онъ по непростительной ему неразсудительности тому назадъ лѣтъ съ десять упустилъ случай, извѣдать оное. Сїе же произходило такимъ образомъ: одинъ человѣкъ, котораго видъ ни чего не обѣщавалъ хорошаго, приѣхавъ въ Дамаскъ, и нашедъ, что тамошнїй Караванъ-Сераль былъ людьми весьма наполненъ, зашелъ къ одному плавильщику, и просилъ его дозволить ему, пробыть у него въ домѣ дни три или четыре. Хозяинъ принялъ его съ особливою ласкою, и поступалъ съ нимъ со всѣвозможнымъ дружелюбїемъ; но въ одинъ день намѣрясь вычистить нѣкоторыя фурмы, въ кои накладены у него были шандалы и разные къ художеству его принадлежащїе инстру-

инструменты, пришелъ онъ въ крайнее смущенїе, видя что всѣ его вещи превращены были въ самое чистое золото. Находясь о томъ въ удивленїи, и не зная что притомъ дѣлать, призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ сосѣдей, и показалъ ему такой шандалъ. Приключенїе сїе дошло въ скоромъ времени до Кадїя, который тотчасъ прїѣхалъ къ плавильщику, и допрашивалъ его въ толь странномъ произшествїи: хозяинъ клялся, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ превращенїе сїе сдѣлалось, и что въ плавильной его пѣчи никто ничего не дѣлалъ; но что какой то чужестранецъ, который у него жилъ нѣсколько дней, приходилъ къ нему иногда смотрѣть его работы, и который на канунѣ того дня изъ города выѣхалъ. Чужестранецъ думая, что хозяинъ его будетъ счастїемъ

емъ своимъ одинъ пользоваться, и объ ономъ никому не разскажетъ, не могъ чего нибудь опасаться, и шелъ весьма тихо, какъ вдругъ захватили его на дорогѣ по повелѣнію Кадія, который разослалъ искать его по всѣмъ дорогамъ: его привезли въ Дамаскъ и отвели прямо къ Султану. Сей Государь призвалъ его въ свой кабинетъ, показывалъ ему разныя весьма диковинныя вещи, которыми оный былъ украшенъ, и между прочими и золотые шандалы, принесенные къ нему отъ одного плавильщика, и видя, что иностранецъ ничему ни мало не дивился: всего болѣе, сказалъ онъ ему, нравится мнѣ въ сихъ шандалахъ то, что они умѣютъ изобличать того, который ихъ сдѣлалъ: есьли же сей не откроетъ своего таинства, то долженъ ожидать жесточайшей казни. Чужестранецъ,

нецъ, который рѣчь сїю весьма хорошо выразумѣлъ, не пришелъ ни мало отъ того въ страхъ, но еще слыша то разсмѣялся. Милостивый государь, отвѣтствовалъ онъ Султану весьма вольнымъ духомъ, но со всевозможнымъ почтенїемъ, я увѣренъ, что золото надъ подлыми и низкими сердцами весьма много дѣйствуетъ; я же напротивъ того почитаю его столь мало, что не думаю, что бы изяществы сего металла въ состоянїи были уподобиться той силѣ, которую могу я дать лоскутку бумаги. Въ то время прося у Султана позволенїя написать небольшую цыдулку, которая покажетъ ему много чудеснаго, и получа оное, написалъ двѣ строчки, положилъ цыдулку сїю свернувъ въ ротъ, и увѣрялъ его, что по средствомъ сего обвороженїя или Талисмана, сдѣлался

онъ

онъ отъ всякаго поврежденія безъопасенъ, и что есьли онъ то испытать хочетъ, то бы смѣло рубилъ его своею саблею, не опасаясь его раздражить. Легковѣрный Султанъ обнажилъ мечь свой, ударилъ его по головѣ толь сильно, что разрубилъ оную до того мѣста, въ которомъ цыдулка находилась, въ коей написаны были сіи слова: *я умѣю умереть; но не умѣю открыть прученнаго мнѣ таинства.* Всякой легко разсудить можетъ, сколь велико было удивленіе и огорченіе сего Государя. И такъ Султанъ узная, что такое же дѣйствіе учинилъ въ Дамаскѣ еще другой мудрецъ, велѣлъ его захватить и привесть во дворецъ, намѣрясь поступить со всѣмъ другимъ образомъ, дабы побудить его открыть ему свое таинство. Фаріабій, (такъ называется нашъ гость) не зная приключенія, мной

теперь

теперь объявленаго, признался; что свинецъ превратилъ въ золото; но увѣрялъ притомъ Султана, что ему со всѣмъ безъизвѣстно составленіе удивительнаго сего порошка, который толь чудесныя дѣйствіи имѣетъ; что оный данъ ему однимъ безъизвѣстнымъ человѣкомъ, котораго онъ въ Египтѣ избавилъ отъ смерти, и что онъ проситъ сего Государя взять у него все то, сколько у него онаго осталось, а ему даровать паки свободу.

Султанъ не былъ отвѣтомъ симъ доволенъ: онъ взялъ порошокъ, котораго весьма не много было; но видя, что никакія обѣщанія не могли побудить Фаріабія открыть ему о семъ таинствѣ; приступилъ онъ къ угроженіямъ, а отъ оныхъ и къ настоящему дѣйствію, потому что велѣлъ пытать его самымъ

жесточайшимъ образомъ; однако ничего узнать не могъ.

Въ то время пріѣхалъ я въ Дамаскъ, и о приключеніи семъ весьма скоро узналъ, потому что о немъ вездѣ говорили. Жестокость сія Султана возбудила во мнѣ противу его сильнѣйшее омерзѣніе; ибо я не сомнѣвался, что бы несчастный сей не былъ изъ числа тѣхъ мудрыхъ людей, которыхъ столь долгое время желалъ видѣть: для сего изыскивалъ я всякія способы, съ нимъ видѣться; познакомился съ темничнымъ стражею, и получилъ отъ него позволеніе посмотрѣть толь чудеснаго человѣка: я входилъ съ нимъ часто въ тюрму сего несчастнаго, и въ одинъ день подкупя тамошняго пристава, взошелъ я одинъ къ сему великому мужу, которому старался показать, сколь много толь плачевное его состояніе

меня трогаетъ, и сколь великое желанiе имѣю, избавить его отъ онаго; но примѣтя, что онъ мнѣ недовѣряетъ , опасаясь не присланъ ли я нарочно для того , что бы его выспросить; старался всячески, вывести его изъ сего заблужденiя , въ чемъ мнѣ и удалось. Изведи меня изъ сихъ ужасныхъ мѣстъ , сказалъ онъ мнѣ меня обнимая; во вѣки благодарность моя къ тебѣ не прекратится; болѣе ничего не могу я тебѣ сказать, есьли приведенъ ты сюда только добросердечiемъ ; есьли же обмануть меня стараесса , то знай , что самые жесточайшiе мученiи немогли поколѣбать моего духа; ни смерть самая, какимъ бы образомъ оную претерпѣть я ни былъ долженъ, не можетъ никогда побудить меня, здѣлать что предѣосудительное для Философа. Послѣ сего я съ нимъ разстался, обѣщая ему

употребить всѣ свои силы для его освобожденія. Тогда продалъ я всѣ купленные мной въ путешествіяхъ каменья, и взялъ за нихъ десять тысячь золотыхъ. Изъ тѣхъ денегъ подарилъ я нѣкоторую сумму темничному стражѣ, и приставамъ у тюрмы несчастнаго мудреца. Въ одинъ день здѣлалъ я для нихъ великолѣпный ужинъ, и какъ вино начало производить въ нихъ свое дѣйствіе, то я требовалъ отъ нихъ освобожденія иностранца, увѣряя ихъ, что то для нихъ нималой важности въ себѣ не заключаетъ; потому что можно имъ объявить, будто онъ отъ великихъ претерпѣнныхъ имъ мукъ умеръ; а что бы вмѣсто его положили туда тѣло того человѣка, котораго на близъ лежащемъ отъ темницъ кладбищѣ въ тотъ день похоронили. Чего чрезъ деньги здѣлать не можно!

жно! съ двумя приставами пошолъ я вырывать мертвеца, и вынувъ его изъ могилы закопали ея такъ, что бы никто не могъ догадаться; принеся его потомъ въ темницу къ Фаріабію, надѣли на него платье сего Философа, котораго нарѣдя въ женскую одѣжду посадя въ люлькѣ на верблюда, коего я нарочно для того приготовилъ, самъ же сѣвъ на лошадь, выѣхали изъ Дамаска на самомъ разсвѣтѣ безъ всякой опасности. Остановясь по повелѣнію моего новаго товарища въ одной деревнѣ въ нѣсколько верстахъ отъ города отстоящей, взошелъ въ одинъ указанной имъ мнѣ разваленной домъ, и нашелъ тамъ подъ весьма тяжелымъ камнемъ, свинцовую коробочку, которую подалъ ему не посмотря, что въ ней находится.

ВЕЧЕРЪ III.

Продолженїе исторїи о Карабагѣ.

Хотя мы никакой причины не имѣли опасаться, что бы за ними послали погоню, продолжалъ багалулъ, однако мы изъ земель Дамаскаго Султана выѣхали съ поспѣшностїю; потомъ проѣхавъ Алепъ, Мусулу и багдадъ, прибыли мы въ бальзору, гдѣ сѣвъ на корабль отправились въ Ормуцъ, куды и приѣхали нынѣ не имѣвъ на пути своемъ никакого приключенїя.

Я была внѣ себя отъ радости, увидя мужа своего по толь долговремянной разлукѣ, продолжала Карабага; мнѣ и сыну своему оказывалъ онъ безчисленное множество ласканїй, и я съ моей стороны всѣми силами старалась, показать ему, сколь много веселитъ меня его возвращенїе, и

сколь довольна его ласканіями. Я велѣла изготовить весьма хорошій столъ; дорожные наши ѣли съ великимъ апетитомъ; и какъ притомъ дошла опять рѣчь до заточенія Фаріабіева, то я сказала моему мужу, сколь любопытна знать, что такое въ свинцовой коробочкѣ, которую онъ нашелъ недалеко отъ Дамаска. Я легко могу васъ въ томъ удовольствовать, отвѣтствовалъ мнѣ Фаріабій учтивымъ образомъ; вотъ она, любезная хозяюшка, продолжалъ онъ; отворите ее, все что въ ней ни находится, принадлежитъ вамъ: я отворила ее тотъчасъ; но въ великое пришла удивленіе, увидя, что въ ней накладены были всякіе драгоцѣнные каменья. Ахъ! государь мой, сказала я ему, подавая ему назадъ сію коробочку; я цѣну такихъ каменьевъ знаю, и потому не могу принять толь

великаго подарка; вы конечно согласились съ моимъ мужемъ подшутить надъ мною: никакъ, сударыня сказалъ онъ мнѣ, чего бы каменьи сіи нистоили, однако прошу васъ принять оные; сего менѣе не хотѣлъ я для супруги великодушнаго багалулла здѣлать: пожалуйте сударыня примите ихъ, есьли не хотите оскорбить меня наичувствительнымъ образомъ. Я принуждена была подумать, что Фаріабій даритъ меня настоящимъ образомъ, такъ что онъ до тѣхъ поръ отъ меня не отсталъ, пока не приняла я отъ него сего подарка въ знакъ его благодарности.

Сей премудрый Философъ жилъ у насъ уже болѣе трехъ мѣсяцовъ; какъ въ одинъ день обнимая багалула, любезный другъ, сказалъ онъ ему, для чего по сіе время неупоминалъ ты мнѣ о данныхъ тебѣ мной въ Дамаской

ской темницѣ обѣщаніяхъ? для того, отвѣтствовалъ ему на то мой мужъ, что каменья, которые ты взять отъ тебя принудилъ Карабагу, заплатили болѣе достодолжнаго оказанную мной тебѣ услугу; да хотя бы ты мнѣ и ничего не здѣлалъ въ знакъ благодарности, то бы я тебѣ о томъ никогда не сказалъ нислова, потому что быть мнѣ благодарнымъ клялся ты въ то время, когда заключенъ былъ въ оковахъ; и я знаю, что никто почти не обязанъ держать своего обѣщанія, даннаго въ таковомъ состояніи. Мысль сія побуждаетъ меня еще къ большей благодарности, сказалъ на то Фаріабій; однако недумай, чтобъ благодарность моя окончалась подаркомъ моимъ Карабагѣ; я хочу дать тебѣ еще нѣчто гораздо сего драгоцѣннѣе: возми сію коробочку наполненную

ную тѣмъ божественнымъ порошкомъ, который былъ злополучїй моихъ причиною; примѣръ мудреца, котораго Дамаскїй Султанъ лишилъ жизни, и нескромность моя могутъ здѣлать тебя гораздо осторожнѣе. Тѣмъ порошкомъ, сколько я тебѣ даю, можно превратить въ золото почти всѣ металлы, которые земля въ нѣдрахъ своихъ скрываетъ: сїе не можетъ привесть тебя въ удивленїе; я говорю съ такимъ человѣкомъ, которому почти ни чего недостаетъ, что бы быть дѣтищемъ сей науки: пусть невѣжи погружаются въ своихъ предразсужденїяхъ противу истинныхъ мудрецовъ; не открывайся никому, а особливо большимъ господамъ; трудись безъ огорченїя, и проси бога, что бы открылъ тебѣ такое таинство, котораго мнѣ обьявить невозможно,

но, не учиня величайшаго преступленія; развѣ только найду такого человѣка, который то знать достоинъ будетъ.

Есьли багалулъ слушалъ съ радостію начало рѣчи Фаріабіевой, то конецъ оной опечалилъ его немало: однако онъ сего непоказывалъ; напротивъ того изъявлялъ ему чувствительную свою благодарность, за толикіе благодѣяніи, и передѣлая принемъ нѣсколько фунтовъ свинца въ самое чистое золото, продалъ ихъ Ормуцкому жиду.

Фаріабій нетерпѣливо желалъ выздоровѣть отъ болезни, которую причинило ему мученіе, претерпѣнное имъ въ Дамаскѣ: и непрежде полугода исправилъ онъ свое тѣло задѣланною имъ изъ соку разныхъ травъ мазью, которую общею назвать можно, и безъ которой онъ простымъ врачеваніемъ конечно никогда не

получилъ бы прежняго своего здоровья.

Сей славный Философъ не пропускалъ ни одного дня, въ который бы съ мужемъ моимъ не говорилъ чего нибудь наединѣ: чемъ болѣе онъ его обучалъ, тѣмъ болѣе находилъ его способнымъ, сообщить ему тѣ таинства, которыми онъ уже обладалъ. Наконецъ прежде своей съ нимъ разлуки, открылъ ему первое начало всѣхъ вещей, и въ четырехъ словахъ научилъ его тому, чего во всемъ естествѣ нѣтъ сокровеннѣе. Неможно себѣ представить, сколь велика была въ сїю минуту радость багалула; но оная вскоре потомъ нарушилась печалїю, которую онъ возчувствовалъ, видя, что Фарїабїй твердое положилъ намѣренїе, выѣхать тотъ же день изъ Ормуца; слезы его не могли его поколѣбать: онъ

онъ поцѣловалъ всѣхъ насъ съ великою Горячностїю, и прощаясь съ багалуломъ, совѣтовалъ ему, наблюдать паче всего человѣколюбїе, кротость и страхъ божїй, который, какъ то онъ сказалъ, есть начало истинной премудрости.

Не безъ крайняго сожалѣнїя разставались мы съ симъ великимъ человѣкомъ; однако принуждены были волѣ его повиноваться; и мужъ мой пользуясь его совѣтами, заперса въ свой кабинетъ, и вдался еще болѣе прежняго въ науки. Какъ настоящїе любомудры весьма скрываются, и какъ жизнь ихъ не въ безъопасности, когда познаютъ, что естество для нихъ сокровеннаго имѣетъ мало, то и багалулъ бывалъ въ кампанїяхъ весьма рѣдко, ходилъ же къ нему только одинъ Жидъ, кото-

рый покупалъ у него иногда золото.

Здѣлавшись симъ способомъ весьма богаты, старались мы только дать сыну нашему хорошее основанїе. Мужъ мой примѣтя, что онъ къ женскому полу великую имѣлъ склонность, призвалъ его въ одинъ день къ себѣ, и говорилъ ему такъ: любезный Альбаертъ! сколь тотъ счастливъ, который разумную и добродѣтельную жену имѣетъ; но тотъ еще счастливѣе, который безъ женидьбы обойтиться можетъ. *Я* тебѣ сїе изъясню: въ какомъ бы согласїи нижилъ ты съ своей женою, однако слѣдствїи сего союза выходятъ почти всегда бѣдственные; дѣти будутъ вамъ весьма часто причинять множество досадъ и огорченїй; есьли добродѣтель ихъ прельщаетъ, то самый малѣйшїй ихъ припадокъ, и почти ничего

чего незначущее съ ними приключенie, приведутъ васъ въ отчаянie, страшась всякую минуту, ихъ лишиться: есьли же напротивъ того не взирая на всѣ ваши старанiи о ихъ воспитанiи обращаются они къ злу, то въ какомъ смущенiи, въ какой задумчивости будете вы безпрестанно находиться? не истовства ихъ не бываютъ ли источникомъ множества злополучiй, которыхъ вы не можете предвидѣть? и такъ подумай хорошенько о томъ, что я тебѣ теперь говорю? есьли же не имѣешъ столько силы, чтобы не соблазненно прожить въ состоянiи холостаго человѣка, то женись: только любезный сынъ смотри того, чтобъ выборомъ твоимъ не управляла единая слѣпая страсть. Я столько достатка имѣю, что тебѣ не надобно искать такой жены, которая бы за

собой богатое принесла приданое, но что бы обладала красотою и добродѣтелїю; ищи во всемъ Ормуцѣ невѣсту по своимъ мыслямъ. Въ какомъ рабствѣ ни воспитываются женьщины восточныхъ странъ, однако и тутъ мужей своихъ обманываютъ ежедневно: и такъ вывѣдай обстоятельнѣе о нравахъ матери избираемой тобой особы; весьма рѣдко случается, что бы отъ разумной и цѣломудренной матери не раждались подобныя ей дочери; не сопрягайся съ такою, которая ниской породы, отъ того будешъ ты почти всегда въ неудовольствїи; но опасайся имѣть презренїе отъ своей жены, есьли она гораздо изъ высшаго твоего происхожденїя; сїе по мнѣнїю моему всего труднее перенесть для честнаго человѣка.

ВЕЧЕРЪ IV.

Продолженіе исторіи о Карабагѣ.

Альбаертъ слушалъ увѣщаніи своего родителя съ великимъ вниманіемъ; но какъ склонностей своихъ преодолѣть онъ былъ не въ состояніи, то велѣлъ по всему Ормуцу навѣдываться о прекраснѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ дѣвицахъ; и по четырехъ мѣсяцахъ узналъ онъ, что у одной изрядной вдовы, которая отъ дому нашего жила весьма далеко; есть три дочери отмѣнной красоты, и что она воспитывала ихъ со всевозможнымъ тщаніемъ, и во всякой добродѣтели. Извѣстіемъ симъ не былъ сынъ мой доволенъ; ему хотѣлось знать совершенно ту, на которой бы намѣрился жениться: для сего, будучи еще по осьмнадцатому году и весьма пріятнаго

вида, нарядился онъ женьщиною, и чрезъ одного изъ своихъ прiятелей старался войти въ домъ сей вдовы, которая для услуженiя дочерямъ искала невольницы: лице его такъ показалось матере, что она его купила, и нашедъ въ невольницѣ сей много хорошаго, а между прочимъ и великой вкусъ въ музыкѣ, къ которой дочери ея страстныя охотницы были, полюбила ее чрезмѣрно.

Альбаертъ, скрывающiй свое намѣренiе отъ насъ, отпросился у насъ на три или на четыре мѣсяца для осмотрѣнiя разныхъ мѣстъ своего отечества; не вкушалъ никогда толико сладости, какъ въ семъ рабскомъ состоянiи, въ которое заключилъ онъ себя волею: онъ такъ былъ прельщенъ прiятнымъ нравомъ, умомъ, кротостiю, добродѣтелiю и красотою сихъ прелѣстныхъ дѣвицъ, что

что весьма трудно ему было, одну изъ нихъ избрать себѣ женою; однако напослѣдокъ положилъ искать старшей дочери, которая Гуль-Эндамой * называлась, и коей не болѣе семнадцати лѣтъ отъ роду было. И такъ въ одинъ день ушелъ онъ изъ сего дома, который побѣгомъ его весьма огорчилися. Возвращаясь отъ туда домой разсказалъ онъ намъ о причинѣ своего отсутствія, и въ какомъ онъ жилъ мѣстѣ болѣе трехъ мѣсяцовъ: мы слушая сіе трепѣтали, въ какую бы онъ пришелъ опасность, когда бы о томъ узнали. Однако спустя потомъ нѣсколько времяни пошелъ Богалулъ къ сей вдовѣ, у которой мужъ прежде сего былъ Ормуцкимъ Кадіемъ: мнѣ не безъизвѣстно, сказалъ онъ ей, сколь хорошими качествами одарены ваши дочери, и сколь много старались

* Розовое тѣло.

ралисъ

рались вы о ихъ воспитанiи: сiе самое побудило меня къ вамъ притти, и предложить вамъ о союзѣ моего сына, который могу васъ увѣрить имѣетъ такъ же достоинствы. А что бы вамъ показать, сколь много почитаю я старшую вашу дочь Гульэндаму, то вотъ два кошелька, изъ коихъ въ каждомъ по десяти тысячь золотыхъ, и которыми прошу подарить ея сестеръ, для собственнаго ихъ увеселенiя. Что же до нее касается; то я смѣю обнадежить, что во всей Персiи мало будетъ женъ превосходящихъ ея счастiемъ во всякомъ разумѣ, и что она мужемъ своимъ будетъ обожаема. О имѣнiи моемъ я вамъ не говою; изъ подарковъ моихъ меньшимъ вашимъ дочерямъ можете вы легко заключить оономъ. Вдова приведена была посѣщенiемъ симъ въ немалое удивленiе; она почи-

тала

тала все за сновидѣніе, и немогла себѣ ни какъ представить, чтобы то въ самомъ дѣлѣ было; однако принуждена была тому повѣрить, и поблагодаря багалула за его щедрость, кликнула своихъ дочерей для засвидѣтельствованія ему своей благодарности. Онъ прельстился ихъ красотою, и видя, что Гуль-Эндама была дѣйствительно совершенная дѣвица, вынялъ у себя изъ кармана нитку жемчугу, и два яхонтовые зарукавья весьма великой цѣны, и просилъ ее принять сей подарокъ отъ его сына, котораго онъ страстно любитъ, и которой чрезмѣрное желаніе имѣетъ быть ея супругомъ.

Гуль-Эндама, видя себя передъ мущиною безъ покрывала пришла въ такой стыдъ, что краска въ лицѣ ея премѣнялась; но еще въ большей приведена была безпорядокъ, слыша отъ своей матери

тери повелѣніе принять сіи подарки, какъ залоги брака, къ которому она ее съ Альбаертомъ опредѣлила; однако такъ какъ дочь разумная повинуясь волѣ своей матери, показывала, что она готова принять его своимъ супругомъ. Сынъ нашъ, продолжала Карабага ожидалъ окончанія сего дѣла съ великою нетерпѣливостію: и такъ на брачные приуготовленіи употребили мы не болѣе недѣли, по прошествіи котораго времени онъ на сей любезной дѣвице женился, съ коею уже тому лѣтъ пять живетъ всегда въ совершенномъ согласіи.

Гуль-Эндама въ первые дни своего брака смотрѣла не преставая на Альбаерта; ей хотѣлось вспомнить, гдѣ она его въ Ормуцѣ видѣла, когда съ матерью выѣзжала со двора: сынъ же мой веселился самъ въ себѣ ея безпокойствіемъ, и уже болѣе мѣсяца

ца

да прошло послѣ свадьбы, какъ объявилъ онъ ей о невинной той хитрости, которую употребилъ онъ, что бы узнать ее лучше. Въ ту минуту лице прекрасной сей супруги покрылось нѣжною краскою: сколь ни благочинно поступала бы она во время услуженія Альбаертова въ домѣ ея матери, однако почти не возможно было, что бы она не показала ему много такихъ прелѣстей, которыя бы съ крайнимъ тщаніемъ предъ всякимъ мущиною скрывать старалась. Но обманъ сей простила она ему для того только, что она и сестры ея отъ соединенія нашихъ домовъ великую имѣли пользу; а притомъ не допускала ея разсердиться на него и та страсть, кою она къ такому чувствовала супругу, который всей ея горячности былъ достоинъ.

Изъ всего мной вамъ сказаннаго, продолжала Карабага, можно видѣть, что багалулъ великую имѣлъ причину, судьбою своей быть довольнымъ, зря себя на вершинѣ своего благополучія. Но какъ за толикіе къ нему благодѣяніи пророка нашего долженъ онъ ему былъ величайшимъ благодареніемъ, то для сего вознамѣрился ѣхать въ Мекку (а) куда по долговремянномъ путешествіи и прибылъ благополучно. Тамъ обшедъ семь разъ въ округъ часовни (b), цѣловавъ черный

(а) Въ Мекку ѣздятъ Магометане по обѣщанію. Въ земли принадлежащія къ сему городу запрещается подъ смертною казнію входить всѣмъ тѣмъ, кои не Магометанскаго закона.

(b) Въ Меккѣ находится часовня *Кааба* называемая, которая, какъ то Магометане утверждаютъ, построена Авраамомъ. Приходящіе въ

черный камень (а), и видя золотый жолобъ (b), былъ на горѣ Арафатѣ, гдѣ принеся Корбанъ (а),

Мекку по обѣщанію должны въ кругъ сей часовни обойти семь разъ, и при всякомъ случаѣ на всякой сторонѣ поклоняться въ землю, и всякой уголъ цѣловать.

(а) Сей славный камень называется *Барктанъ*; оный всѣ въ Мекку пріѣжжающіе должны такъ же цѣловать; онъ черенъ, выполированъ, и находится на восточномъ углѣ *Каабы* въ четыре фута съ половиною въ высоту, обведенъ железною, а по объявленію нѣкоторыхъ, золотою обичайкою, и повешенъ на толстыхъ золотыхъ цѣпяхъ. Сей камень какъ то Магометане объявляютъ почернелъ чудеснымъ образомъ отъ того, что одна бракъ нарушившая жена до него прикоснулась.

(b) Съ одной стороны часовни находится золотый жолобъ, дабы дождевая вода стекала съ кровли.

(а), пилъ воду изъ колодѣзя земзема (b), потомъ обшедъ еще семь разъ въ округъ Сафы и Мервея (с), и брося семь камней въ Менаг-

(а) *Корбанъ* значитъ жертву состоящую изъ одного или изъ нѣскольких баранов, кои находятся въ долинѣ, у подошвы горы Арафаты лежащей. На которую такъ же по обѣщанію ходить должно.

(b) Сей колодесь находится на восточной сторонѣ часовни, и произтекаетъ по объявленію Магометанъ изъ того источника, который Богъ источилъ для Агары и Измаила, коихъ Авраамъ изгналъ изъ своего дома.

(с) *Сафа* и *Мервея* суть два холма на три ста шаговъ одинъ отъ другаго отстоящіе. Въ округъ оныхъ ходятъ неровнымъ шагомъ, и такъ какъ будто чего нибудь ищутъ; сіе представляетъ по объявленію ихъ то смущеніе и безпо-

Менагскую долину (a) поѣхалъ въ Медину (b) съ карааваномъ, пришедшимъ туда сухимъ путемъ ; и поклонясь тамъ гробу святаго Пророка , возвратился въ Ормуцъ благополучно. Тогда наслаждались мы совершенно приятнымъ спокойствїемъ; но по прошествїи полугода нарушилось оно однимъ весьма несча-

койство, въ коихъ Агара во время жажды сына своего находилась, и съ какимъ трудомъ она воды искала.

(a) Долина Менагская находится отъ Мекки въ четырехъ миляхъ; въ оную должно бросить чрезъ плечо семь камней. Сїе дѣлаютъ Магометане въ знакъ того, что они грѣхи свои съ себя сложить обѣщаваются.

(b) Всякой въ Мекку по обѣщанїю прїѣжжающїй долженъ ѣздить и въ Медину, для поклоненїя тамъ Магометовой гробницѣ.

несчастнымъ и ужаснѣйшимъ для насъ случаѣмъ. Въ одинъ день поѣхала я съ сыномъ и съ невѣсткою въ загородной свой домъ, который отъ Ормуца весьма недалеко находился; багалулъ же съ нѣсколькими невольниками оставался въ городѣ: въ ту ночь сдѣлался въ домѣ нашемъ столь сильный пожаръ, что чрезъ четверть часа обращенъ онъ былъ въ пепелъ; но сего еще не довольно: мой мужъ и всѣ при немъ находящїеся невольники погружены будучи въ глубокомъ снѣ, не могли свирепости пламя избѣгнуть; при которомъ случаѣ сколько ни было у насъ серебра, золота и другихъ вещей, все пропало или отъ огня, или отъ грабительства собравшагося туда на помощъ простаго народа.

Легко разсудить можете говорила Карабага воздыхая, сколь великую печаль причинило намъ сїе

сїе извѣстїе. Кромѣ того, что съ багалуломъ разстались на вѣки, лишились мы и того божественнаго порошка, который всѣхъ нашихъ богатствъ былъ источникъ. И такъ принуждены были жить въ томъ загородномъ домѣ съ крайнею умѣренностїю. На конецъ, прекратя плачь свой, начали привыкать къ сѣльской жизни, какъ въ одну ночь видѣлъ сынъ мой весьма странный сонъ. Ему приснилось, будто одинъ почтенный старикъ подшедъ къ нему говорилъ такъ: Альбаертъ! есьли желаешъ быть отца твоего богатѣе, то поди въ Хиторъ; тамъ у вратъ соборной мечети найдешъ слѣпаго человѣка, который обѣявитъ тебѣ о неоцѣненномъ сокровищѣ. Сынъ мой почиталъ сонъ сей дѣйствїемъ воображенїй, думая, что сожалѣнїе о потерянїи прежняго своего богатства было причиною онаго.

 Но

Но какъ тотъ же старикъ явился ему во снѣ еще два раза, то разсказалъ намъ оный, говоря при томъ что бы онъ съ радостію поѣхалъ въ Хиторъ, есьли бы только на проѣздъ сей могъ онъ собрать довольное число денегъ; но инымъ образомъ не можно намъ было имѣть такой суммы, какъ только продавъ нашъ загородный домъ: однако сну сему толь слѣпо вѣрить не были мы намѣрены, какъ нѣкогда возвращаясь я изъ бани увидѣла Евнуха, который подалъ мнѣ письмо отъ Принцессы Канцадеи, и которое слѣдующаго содержанія было:

,, Я въ свиданіи съ тобой, любезная кормилица, крайнюю
,, имѣю нужду; ты безпрепятственно впускаема въ сераль;
,, приходи туда не мѣшкая ни минуты, я должна увѣдомить
,, тебя о самыхъ важныхъ дѣлахъ.

ВЕЧЕРЪ V.

Конецъ исторїи о Карабагѣ.

Прочтя сїе письмо пошла я немѣдленно во дворецъ, и нашла Принцессу обливающуюся слезами: она поцѣловала меня съ великою горячностїю, и отъ чрезмѣрной печали не могла мнѣ съ четверть часа промолвить ни одного слова, по томъ собравшись съ силами: любезная Карабага, сказала она мнѣ, столь ли велика любовь твоя ко мнѣ, что бы ты для меня всѣмъ пренебречь за хотѣла? ты о томъ драгая Принцесса, не должна ни мало сомнѣваться, отвѣтствовала я. Изрядно же сказала она на то, вотъ десять котельковъ, изъ которыхъ въ каждомъ по десяти тысячь золотыхъ, и на столько же каменьевъ, которые когда то занужное разсудишъ, продай; на сїю сумму сыщи мнѣ

корабль, на коемъ бы, есьли то возможно, въ наступающую ночь могла я отдалиться отъ такого мѣста, гдѣ все наполнено для меня ужасомъ, и гдѣ лишу сама себя жизни, когда несчастіямъ моимъ не подашъ скораго облегченія; не старайся отвращать меня отъ моего намѣренія; всякая минута для меня весьма драгоцѣнна: и такъ напрасно препровождать время въ безполезныхъ разговорахъ, поди и въ вечеру дай мнѣ знать о моемъ отъѣздѣ.

Я остолбенела, слыша такіе повелѣніи отъ Принцессы, продолжала Карабага; но собравшись нѣсколько съ разумомъ, прекрасная Канцадея, сказала я ей видя ея въ таковомъ состояніи, довольно ли ты о томъ думала, что мнѣ теперь предлагаешъ; предвидишъ ли ты всѣ опасности, и разсуждала ли ты... я

хотѣла

хотѣла было продолжать рѣчь мою; но Принцесса схватя кинжалъ обратила его къ своему сердцу, и приуготовлялась вонзить его въ оное: здѣлай то, чего отъ тебя требую, сказала она мнѣ, или дай мнѣ скончать жизнь, которая для меня уже несносна стала; когда придетъ время, разказать тебѣ, сколь великимъ бѣдствiямъ я подвержена, то ты признаешся, что только смерть единая или бѣгство суть способы къ прекращенiю оныхъ. На сiю рѣчь Канцадеи ничего не можно было отвѣтствовать; я пошла немѣшкая исполнить ея повелѣнiи, и пришедъ домой, обьявила о всемъ произшедшемъ сыну и невѣсткѣ, которые представляли мнѣ, что сей случай есть наиспособнѣйшiй къ поспѣшествованiю путешествiя нашего въ Хиторъ, и что оный должно

употребить себѣ въ пользу: и такъ пренебрегая всѣми опасностями, и оставя все имѣнїе наше подъ смотренїе одного невольника, которой у насъ отъ пожара остался, и коего вѣрности много опытовъ видѣли, Альбаертъ нанялъ корабль, котораго Капитанъ, будучи ему прїятель, и прельстясь притомъ тысячью золотыхъ, кои онъ ему подарилъ, обѣщался точно въ туже ночь выѣхать.

Я согласилась съ Принцессою, что бы она ко вратамъ соборной мечети Ормуцкой прислала въ сумерки того же невольника, который приносилъ ко мнѣ ея письмо, и что тамъ скажу я ей настоящей отвѣтъ: и такъ пришедъ туда, и его увидя, дала я ему записочку, въ кой объявляла ей, что повѣленїи ея исполнены, и что я ее до полуночи буду дожидаться у Ормуцкихъ

муцкихъ воротъ, лежащихъ къ морю: она того не упустила, и въ провожанїи только того Евнуха, который о ея зналъ таинствахъ, и который принесъ ей муское платье, пришла она туда еще прежде десяти часовъ. Мой сынъ и его жена, такъ же въ муское платье одѣтая, увѣряли тогда Принцессу о ненарушимомъ своемъ къ ней усердїи и ревности; послѣ чего пришедъ въ гавань, нашли тамъ корабелънаго Капитана, который посадя насъ на свой корабль, велѣлъ тотчасъ отваливать, и мы поѣхали въ устье рѣки Нила.

Какъ вѣтръ былъ весьма благополучный, то чемъ далѣе отъѣжжали мы отъ Ормуца, тѣмъ болѣе Канцадея, которая ежеминутно въ смертельномъ страхѣ находилась, приходила въ чувства: въ Капитанской каютѣ сидѣли только мы одни, и всѣ-

ми силами старались разгонять боязнь Принцессы, которая въ одинъ день говорила мнѣ такъ: дражайшая Карабага! сколь много обязана я тобою! ты пренебрегаешъ своимъ счастiемъ да и своею жизнiю, не знавъ обстоятельно причинъ, побудившихъ меня къ толь поспѣшному бѣгству; но ты оправдаешъ мой поступокъ, когда увѣдаешъ, сколь жестокосердо судьбина меня изгоняетъ. Тогда Канцадея проливая слезъ потоки, продолжала такъ . . . но я думаю, милостивые государи и милостивыя гасударыни, что повѣствованiе сiе прiятнѣе для васъ будетъ слышать отъ нея самой, нежели отъ меня; что, когда вамъ то угодно будетъ, Принцесса не приминетъ конечно, разсказать вамъ сама всѣ свои несчастiи. Какъ, сказала Гегернаца, что Принцесса Персидская, которая

торая въ первый день вашего здѣсь бытія въ толь худомъ находилась состояніи? Это она, сказала Карабага, несчастій ея ни какъ описать не можно: любезная моя, сказала Гегернаца, вставъ съ своего мѣста и обнимая Принцессу, хотя слава объявила намъ уже нѣкоторую часть твоихъ приключеній, однако чрезмѣрное здѣлаешъ намъ удовольствіе, есьли объ оныхъ сама разкажешъ намъ обстоятельно: но какъ теперь уже тотъ часъ, въ который намъ должно разтаться, то повѣствованіе сіе лучше отложить до завтрѣе: будь только любезная Принцесса увѣрена, что мы во всемъ до тебя принадлежащемъ всѣ возможное участіе приемлемъ, и что мы для тебя все то здѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ.

Канцадея хотѣла было пасть въ ноги Султаншамъ, которыхъ

рыхъ, не взираю на то, что ей Гегернаца говорила, почитала за добродѣтельныхъ духовъ: онѣ всѣ оказывали ей великія ласки, и повеля, что бы поступали съ нею съ должнымъ ея состоянію почтеніемъ, приуготовлялись къ удовольствію слышать на другой день повѣствованіе ея приключеній.

Есьли Принцы и Султанши довольны были исторіею Карабаги, то Султанъ Ормуцкій изъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, слушалъ оную съ великимъ удовольствіемъ, и не упустилъ ни одного слова. Любезный Кофробъ, сказалъ онъ Иману, увидѣвшись съ нимъ, я весьма любопытенъ знать тайны приключеній Ормуцкой Принцессы; меня состояніе ее весьма много трогаетъ; и оные конечно очень плачевны, когда она отъ одного пѣнія трагическихъ стиховъ упала

упала въ обморокъ, дѣйствительно отъ сравненія своихъ несчастій съ злополучіями тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ роль она пѣла; сіе узнаешь ты завтре, сказалъ ему Кофробъ; я въ дѣлалъ ея ни малѣйшаго не здѣлаю помѣшательства; и смѣю сказать и то, что сія Принцесса безъ моего вспомоществованія была бы еще долѣе несчастлива; но я не хочу лишить тебя настоящаго удовольствія; ты о всемъ узнаешь, когда придетъ время.

Огуцъ, Султанши и Принцы ожидали съ нетерпѣливостію назначеннаго къ собранію часа; и какъ скоро наступилъ оный, то всѣ пришли въ залъ, и Канцадея согласясь на прозьбы присутствующихъ, начала исторію свою такъ.

* *
*

ВЕЧЕРЪ VI.

Исторія о Канцаде Принцессе Ормуцкой.

Жизнію обязана я Дауду-Кану Султану Ормуцкому, и Принцъ Кацанъ-Канъ, который теперь царствуетъ, мнѣ братъ. Султанши, моей родительницы лишалась я почти родившись только на свѣтъ, и смертію ея претерпѣла невозвратимый мнѣ уронъ, ибо есьли бы она жизнію наслаждалась, то предъохранила бы меня конечно отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыми я досихъ поръ угнетаема. Приставленныя ко мнѣ Султаномъ люди не упускали ничего къ просвѣщенію моего ума и сердца, и внушили въ меня достойныя великой Принцессы мысли. До десяти лѣтъ моего возраста жила я довольно спокойно, и въ сіе время ничего не приключилось

со

со мною особливаго: только иногда слыхала, что невольницы, которыя ко мнѣ приставлены были, говаривали, что я прекрасна: но всѣ льстивыя ихъ для меня рѣчи пересказывать вамъ почитаю за излишнее; однако скажу то, что претерпѣнныя мною душевные и тѣлесные прискорбїи и труды, такъ лице мое перемѣнили, что почти уже не видно въ немъ болѣе тѣхъ прелѣстей, которыми я прежде сего, какъ то меня увѣряли, обладала. И то правда, что сїя прежняя плачевная для меня красота была причиною всѣхъ чрезвычайныхъ моихъ приключенїй; она привела меня въ бѣдственное сїе состоянїе, въ которомъ нахожусь нынѣ; она заставила меня вести жизнь странствующую и злополучную. Какъ я была не болѣе тринадцати лѣтъ, то въ сїе время совершенной не-

винности,

винности, Принцъ Кацанъ-Канъ которому уже болѣе осмнадцати лѣтъ было, препровождалъ цѣлые дни со мною, и убѣгалъ всякаго общества: я не могла подумать, что бы ласки его наполнены были какою злобою; но почитая ихъ знаками искренняго дружества, весьма тому радовалась, что имѣла такого брата, который любилъ меня съ толикою горячностію. Совсѣмъ тѣмъ достигши до гораздо зрѣлыхъ лѣтъ, примѣтила я въ ласкахъ сихъ много восхитительности: я начала ихъ страшиться, и казалось увидѣла въ немъ дѣйствіи беззаконной страсти, которое почитала сперьва единственно движенїемъ чистой и невинной дружбы; подозрѣвала, не подала ли кроткость моя съ симъ Принцомъ ему повода къ какимъ надеждамъ, и къ предпріятію такихъ намѣ-

намѣреніи, кои противъ неба и естества устремлялись: я въ томъ не обманулась; вскоре узнала я то, чего узнать страшилась.

Въ одинъ день принимала я знаки горячности Кацанъ-Кана съ нѣкоторымъ упорствомъ; сіе привело его въ смущеніе: Канцадея, сказалъ онъ мнѣ, что холодность сія значитъ? за чрезмѣрную мою къ тебѣ любовь развѣ хочешъ престать платить мнѣ взаимнымъ образомъ? чемъ могъ я уменшить твою ко мнѣ любовь? всякая крайность проклинается, сказала я ему на то и я впредь буду довольна только одною разсудительною и настоящею дружбою, каковую братъ къ сестрѣ своей имѣть долженъ. Ахъ! Канцадея, прервалъ Принцъ рѣчь мою, дражайшая моя Канцадея, сколь имя сіе сестры для меня несносно! сколь немилосердо для

меня Небо, что не произвело тебя отъ самаго послѣдняго изъ всѣхъ людей на свѣтѣ; но отъ Царя, нашего родителя! для чего, сказала я ему съ удивленіемъ, желаешь ты мнѣ такого несчастія? ахъ! вскричалъ Канцанъ-Канъ, для того что кровь, которая насъ по несчастію связываетъ, есть самымъ величайшимъ препятствіемъ къ моему спокойствію на свѣтѣ. Конечно, Канцадея, я тебя люблю, люблю, но не такъ какъ братъ: неслабою и томною питаюсь къ тебѣ дружбою: я обожаю тебя, какъ страстнѣйшій любовникъ, и уже столь мало надъ собою властенъ, что чувствую, что въ жесточайшее ввергнусь отчаяніе, когда надъ моимъ состояніемъ не сжалисся: не удивляйся сему объявленію, дражайшая Канцадея, продолжалъ онъ; страсть моя имѣетъ примѣры въ Принцахъ,

нашихъ предкахъ: исторія о Царяхъ Персидскихъ наполнена таковыми любовными случаями; многіе изъ нихъ женаты были на сестрахъ; но ни одинъ изъ сихъ Государей не чувствовалъ толь сильной страсти, потому что она лишаетъ меня со всѣмъ покоя, и только смерть единая пагасить ее можетъ.

Сіе толь ясное обьявленіе, котораго я дѣйствительно должна была ожидать, въ разсужденіи того, что еще прежде того бывало; привело меня въ такой ужасъ, что я вдругъ стала почти безъ чувства; но опамятовшись потомъ, ахъ! вскричала я, любезный братъ, въ какой стыдъ и смяшеніе приводишъ ты меня? уже твое присудствіе меня тревожитъ, и я бы съ радостію отдала жизнь свою, есьлибы могла увѣриться, что уши мои меня обманываютъ, и что

я

я изъ устъ такого Государя, какъ ты, никогда не слыхала толь отвратительнаго и поноснаго объявленія: есьли въ тебѣ осталось хотя нѣсколько добродѣтели, то вооружись тѣмъ Государь, противу движеній мерской страсти, и не посрамляй жизнь свою толь гнуснымъ поступкомъ, котораго вся кровь твоя загладить ни когда не въ силахъ. Я нимало не нахожу въ томъ стыда, сказалъ на то Каданъ-Канъ, что бы любить то, чего природа не производила никогда краше; прелѣсти сестры моей столь же сильны надъ моимъ сердцемъ, какъ и прелѣсти какой другой особы; и не взирая ни накакія препятствія буду любить тебя непременно до гроба. Я же, сказала я оставляя его съ великимъ гнѣвомъ, буду на страсть твою взирать съ величайшимъ отвращеніемъ: стану

убѣ-

убѣгать тебя, какъ какого чудовища, и развратныя мысли твои возбуждать будутъ отъ часу болѣе мое къ тебѣ омерзенiе.

Я не могу довольно изъяснить вамъ, сколь великую печаль чувствовала я отъ сего обьявленiя; она тѣмъ несноснѣе для меня казалась, что не можно мнѣ было по желанiю моему убѣгать отъ Принца; и ожидая, что бы время, разумъ, или наконецъ и власть Султана нашего родителя подали мнѣ какое отъ того средство, старалась всѣми силами таить о такой любви, которой срамъ казалось и на меня падалъ. Но сколь ни осторожна была въ моихъ поступкахъ, однако Принцъ такъ мною сталъ ослѣпленъ, что вышелъ изъ благопристойности, и страсть сiя его ко мнѣ дошла и до нашего родителя: въ

самое

самое то время, какъ уже и я сама не въ состоянїи болѣе будучи сносить изгоненїй Кацанъ-Кановыхъ, хотѣла ему принесть на него въ томъ жалобу.

Сей чрезмѣрно раздраженный Государь, увѣдая о всемъ, что я отъ Принца сего претерпѣвала, призвалъ его къ себѣ, и выговаривая ему съ гнѣвомъ, котораго онъ былъ достоинъ, угрожалъ его совершенною своею немилостїю, есьли толь мерзостныхъ не преодолѣетъ склонностей, и думалъ, что пагубную страсть сїю ничемъ инымъ погасить не въ состоянїи, какъ сочетая меня съ какимъ Султаномъ изъ своихъ сосѣдей: на сїе устремилъ онъ всѣ свои мысли; но чуть только положилъ онъ сїе намѣренїе, какъ слегъ въ пресильную горячку, которая жизнь его привела въ опасность. Тогда призвалъ онъ къ себѣ Принца, и

дѣлая ему въ разсужденіи меня увѣщаніи въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, предавалъ его проклятію, есьли не изтребитъ своей страсти; мнѣ же повелѣлъ что бы я ни начто не взирая не дерзнула никогда посрамить родъ его беззаконнымъ бракомъ. братъ мой казалось весьма раскаивался тогда въ своемъ преступленіи, и увѣрялъ столь сильно нашего родителя, что увѣщанія его произвели желаемое надъ сердцемъ его дѣйствіе, и погасили со всѣмъ несчастную его ко мнѣ любовь, что радость, которую сей милостивый родитель отъ того почувствовалъ, произвела въ немъ весьма великое движеніе, такъ что не взирая на все стараніе врачей скончался онъ на рукахъ нашихъ.

Новый Султанъ увидя, что смертный Ангелъ затворилъ очи нашего

нашего родителя, вступилъ на престолъ съ согласія всѣхъ своихъ подданныхъ; отправилъ вскорѣ погребеніе покойнаго Государя, и нѣсколько дней упражнялся единственно въ правленіи своего государства; что побудило меня ласкаться надеждою, что онъ въ разсужденіи меня въ самомъ дѣлѣ перемѣнился; и сіе принесло нѣкоторое облегченіе чрезмѣрной скорби, кою я о потеряніи такого родителя чувствовала, которой только одинъ могъ мнѣ служить защитою противу неправѣдныхъ намѣреній Кацанъ-Кана: но спустя нѣсколько потомъ дней увидѣла я, сколь много въ томъ обманывалась! прежде принуждена я была сопротивляться страсти брата, который ни малѣйшаго не имѣлъ надомною начальства; теперь же подвержена стала власти такого государя, который

торый повелительнымъ образомъ отъ меня то требовалъ, что сперьва старался получить посредствомъ ласки и кротости.

ВЕЧЕРЪ VII.

Продолженïе исторïи о Канцаде, Принцессѣ Ормуцкой.

Я не хочу повторять вамъ тѣ слова, которые Кацанъ-Канъ употреблялъ къ тому, что бы склонить меня къ соотвѣтствованïю на страсть его; ни то, какïя причины представляла я ему для убѣжденïя его въ омерзенïи, кое онъ къ тому имѣть долженъ: а скажу вамъ только что онъ видя безполезнóсть своихъ стараний, объявилъ мнѣ, что для склоненïя меня на такой союзъ, отъ котораго сохраненïе жизни его зависило, видитъ онъ себя принужденнымъ, по-

ступить со мною по царскому своему чину, и что я желанiямъ его непремѣнно должна повиноваться.

Слыша толь жестокое объявленiе, смотрѣла я на Султана такимъ лицемъ, которое довольно показывало ему мою печаль и справѣдливое на него мое негодованiе. Какъ государь, сказала я ему, можешъ ты быть толь дерзостенъ, что бы власть свою хотѣлъ ты употребить къ заключенiю такого союза, который насъ гнѣву Небесъ подвергнетъ? развѣ ужасное наименованiе Каулiя (a), которое тебѣ дадутъ твои подданные, не въ состоянiи привесть тебя въ разсужденiе? ахъ! не надѣйся, что бы предъ людьми и предъ богомъ

(a) Каулiй значитъ такого человѣка, который учинилъ кровосмѣшенiе.

богомЪ причастна я была такому преступленію, отЪ коего и Ангелы отЪ насЪ удаляются; и будь точно увѢренЪ, что я намѢрена лишиться жизни [есьли другихЪ средствЪ имѢть небуду,] нежели претерпѢть такое насильствіе, каковымЪ ты меня угрожаешь. НѢтЪ, Канцадея, сказалЪ СултанЪ, ты не умрешЪ; ты конечно разсудишЪ о чрезмѢрности моей страсти; льщусь, что укрощу толь раздраженное сердце, и чрезЪ недѢлю перемѢнишЪ ты свое намѢреніе; столько времяни даю тебѢ на размышленіе о повиновеніи моей воли.

По семЪ толь жестокомЪ повелѢніи, бросилась я кЪ ногамЪ КацанЪ-Кана, проливала предЪ нимЪ слезы: но ничто не могло его поколебать; онЪ при всѢхЪ своихЪ ВизиряхЪ клялся, что есьли я оказываемую его ко мнѢ до сихЪ порЪ ласку возло упо-

треблять стану, то ничто не можетъ уже ему воспрепятствовать, поступить со мною съ тою неограниченною властїю, какую онъ надъ землями своими имѣетъ. Бѣдственную ту для меня недѣлю препроводила я въ горчайшей *скорьби*; изыскивая единственно средства къ избѣжанїю его мучительства смертїю или бѣгствомъ, помышляла только о томъ, какимъ бы образомъ склонить на свою сторону одного изъ невольниковъ приставленныхъ къ Сералю; а какъ назначенный мнѣ срокъ уже проходилъ, а я не могла еще найти къ тому способа, то вознамѣрилась употребить нѣкоторую хитрость. Какъ скоро Кацанъ-Канъ пришелъ ко мнѣ въ комнату, то я говорила ему такъ: я вижу государь, что желанїямъ твоимъ сопротивляюсь тщетно; признаюсь, что вели-

кое въ себѣ чувствую отвращеніе, согласиться на оное; но всѣми силами сопротивляясь высокой твоей власти, для совершеннаго оправданія себя въ такомъ дѣлѣ, къ которому ты меня принуждаешь, требую отъ тебя еще на мѣсяцъ сроку, дабы въ сіе время могла я преодолѣть всѣ затрудненія, кои до сихъ поръ сердце мое терзаютъ.

Легко можно познать, сколь великую радость почувствовалъ тогда Султанъ; уже считалъ себя на вершинѣ своего благополучія, и бросясь къ ногамъ моимъ, которые цѣловалъ съ чрезмѣрнымъ восхищеніемъ, далъ мнѣ безъ всякаго прекословія требуемой мной отъ него срокъ, и въ тотъ же день прислалъ ко мнѣ множество драгоцѣнныхъ подарковъ.

Хотя окружающіе меня люди казались мнѣ быть весьма пре-

данны, однако я сомнѣвалась, найтить между ими толь смѣлаго, который бы отважился подвергнуть себя Султанскому гнѣву, вспоможенїемъ мнѣ въ моемъ побѣгѣ. Размышляя долго, вздумала я объ одномъ черномъ евнухѣ, который перешелъ изъ службы Султанши моей матери въ мою: онъ мнѣ показался чувствительнымъ въ моей горести. Шабанъ, скала я ему, ты видишь бѣдственное мое состоянїе; я хочу тебѣ открыться, одна только смерть сильна прекратить мои горести, и одною ею уповаю избѣгнуть моего плачевнаго состоянїя, въ которомъ нахожусь нынѣ, есьли только ты не похочешь подать мнѣ вспомоществованїе. Принцесса, сказалъ мнѣ невольникъ, тронувшись слезами моими, что могу я для васъ здѣлать? повѣли мнѣ, я все исполню; положись

на ненарушимую мою вѣрность, и будьте увѣрены, что я самой жесточайшей нестрашусь смерти, что бы извлечь васъ изъ рукъ такого мучителя, который посрамляетъ себя такою страстїю, коей всякой человѣкъ страшиться долженъ. Надлежитъ, сказала я ему, вывести меня изъ дворца. Сїе весьма не трудно здѣлать, отвѣтствовалъ мнѣ Шабанъ; я принесу вамъ муское платье, и мы выйдемъ изъ Сераля безъ всякаго затрудненїя, потому что у меня есть ключь отъ садовъ, который начальникъ надъ садами потерялъ, тому уже нѣсколько мѣсяцовъ; но получа свободу, что намѣрены вы съ собою дѣлать? какъ можемъ мы убѣгнуть отъ поисковъ Султана, котораго побѣгъ нашъ приведетъ конечно въ ярость? я на то знаю средство, я дамъ тебѣ письмо

къ моей кормилицѣ, которая живетъ въ домѣ своемъ въ Ормуцкомъ предмѣстіи ; мнѣ съ ней должно какъ возможно скоряе видѣться; очень хорошо , сказалъ Шабанъ, напишите письмо, я беру на себя отдать его Карабагѣ. Все исполнено было на другой же день ; кормилица моя вамъ разказала, какимъ образомъ обьвила я ей свое желанїе; что дала ей нѣсколько кошельковъ съ золотомъ, и всѣ мои каменья, и что въ мускомъ платьѣ въ провожанїи моего невольника вышедъ изъ дворца , пришли къ Ормуцкимъ воротамъ , гдѣ она насъ дожидалась, что отъ туда пошли въ Гавань , и сѣвъ тамъ на наняшой Альбаертомъ Корабль, отправились не мѣшкая нимало, имѣя весьма способный вѣтръ. Я начинала дышать паки, и лобызала Альбаерта , его супругу и любезную мою Карабагу , какъ взду-

вздумая, что Кацанъ-Канъ узнавъ о моемъ побѣгѣ погонится самъ за нами съ великою яростїю, пришла я въ такое смущенїе, что всѣхъ къ крайнему сожалѣнїю побудила; я открыла страхъ мой кормилицѣ; она сказала о томъ своему сыну, который обьявилъ корабельному Капитану, въ какомъ безпокойствѣ мы нходились, и непоказывая ему притомъ настоящей тогого причины, велѣлъ какъ возможно поспѣшать ѣздою такъ, что мы въ скоромъ времяни не могли быть догнаны. Имѣя весьма хорошїй вѣтръ находились мы по прошествїй мѣсяца близъ устья рѣки Инда, и уже не болѣе двадцати миль отъ онаго находились въ отдаленїи, не имѣя притомъ никакихъ безпокойствъ, которымъ на морѣ подвержены бываютъ, какъ вдругъ преужасная поднялась буря; мы ожи-

ожидали цѣлую недѣлю своей смерти: Капитанъ видя, что все прилагаемое имъ старанїе было тщетно, ссадилъ насъ въ шлюбку, и отрезалъ веревку, которою она къ кораблю была привязана. будучи носимы волнами, увидѣли мы, что корабль нашъ потонулъ; мы же служа почти цѣлые сутки игралищемъ волнъ и вѣтровъ, прибиты были къ одному изъ Дивандюруских или Мальдивискихъ острововъ, какъ то нашъ Капитанъ разсуждалъ.

ВЕЧЕРЪ VIII.

Продолженїе исторїи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Мы находились отъ претерпѣнныхъ нами трудовъ почти при смерти, какъ шлюбка наша разбилась о большой камень помяну-

мянутаго острова ; но сїе здѣлалось такимъ образомъ , что мы свободно выйти могли на берегъ. Между тѣмъ какъ отягченна будучи усталостїю, оплакивала съ Гуль-Эндамою и Карабагою злополучїе наше ; Альбаертъ, Капитанъ и Шабанъ взошли на верьхъ того камня , и прошедъ нѣсколько въ передъ по острову , увидѣли , что оный около мили въ окружности , и что выключая деревья казался быть совсемъ не обитаемъ. Возвратясь на то мѣсто , гдѣ мы были , просили меня , что бы я выбрала себѣ на семъ острову гораздо спокойнѣйшее мѣсто, ожидая отъ Небесъ спомоществованїя, въ разсужденїи чего я встала, обливаясь при томъ горчайшими слезами. Ахъ вскричала я, жизнь начатая подъ толь злощастною планетою, не можетъ имѣть неплачевнаго окончанїя ;

 пре-

престаньте отягощать Небеса прозьбами о злосчастной Принцессѣ, которая смерть почитаетъ облегченiемъ своихъ бѣдствiй. Напрасно сiе ты говоришь, моя дражайшая Принцесса, сказала мнѣ кормилица; никто можетъ быть не достоинъ столько защищенiя нашего Пророка; не отчаявайся въ спомоществованiи, которое намъ отъ него ожидать должно. Хотя я и жесточайшему предана была терзанiю, однако послѣдовала совѣтамъ Карабаги, дабы въ противномъ случаѣ не умножить горести собственныхъ ея несчастiи и ея фамилiи. Капитанъ слышавъ разговоръ сей, смотрѣлъ на меня со удивленiемъ; онъ до тѣхъ поръ не могъ меня разсмотрѣть хорошенько, и познавая изъ сихъ рѣчей, что я была Принцесса, началъ оказывать мнѣ всевозможное почтенiе: ми-

лости-

лостивая государыня, сказалъ онъ мнѣ, въ толь бѣдственномъ состоянiи, въ которомъ мы находимся, надлежитъ намъ бороться съ злосердымъ рокомъ, и ожидать вспомоществованiя только отъ Небесъ и отъ трудовъ своихъ; есьли чрезъ нѣсколько дней не придетъ сюда никакого корабля, то шлюпка моя не въ толь худомъ состоянiи, что бы не можно намъ было осмѣлиться пуститься въ море для приближенiя, есьли возможно къ берегамъ Малабарскимъ; сiе только средство остается намъ въ нашихъ несчастiяхъ. Тронувшись представленiями Капитана, я нѣсколько ободрилась, и хотя оставить прежнее свое мѣсто, увидѣла шагахъ въ пятидесяти отъ меня лѣжащаго человѣка, котораго буря занесла туда и съ доскою, за кою онъ держался: позорище сiе привело меня въ жа-

лость, думая, что то кто нибудь съ нашего корабля; и потому просила Капитана посмотреть можноли ему подать какую помощь, какъ взглянувъ на ево челму, увидѣла я на оной яхонтъ, который весьма хорошимъ игралъ огнемъ: сїе привело меня во удивленїе, и я тѣмъ болѣе прилагала старанїя о семъ несчастномъ, котораго одѣжда хотя вся замоченная и пескомъ облиплая, показывала человѣка высокаго состоянїя. Какъ положили его въ верьхъ лицемъ, и обмывая примѣтили въ немъ нѣкоторые знаки жизни, то всѣ старались подать ему скорѣйшее спомоществованїе, и отнесли его нѣсколько подалѣе въ нутрь острова. Хотя глаза сего незнакомаго затворены были, уста его уже не имѣли краски, и все лице его смертною блѣдностїю покрыто было, однако никогда не видали мы столь пре-

прекраснаго; и нѣкоторымъ предчувствованіемъ, коего причины я незнала, ощущала въ себѣ такое сильное движеніе, что оно казалось предвѣщало мнѣ нѣкоторую часть того, что долженствовало со мною приключиться, отъ свиданія съ симъ человѣкомъ, коему казалось не болѣе двадцати лѣтъ было. Едва только отворилъ онъ глаза, и очувствовался, какъ взирая на насъ со удивлѣніемъ, говорилъ намъ: не знаю, помощію ли съ Небесъ посланною или вашею, вижу я свѣтъ паки; за нѣсколько минутъ поглощался я морскими волнами; и хотя жестокости ихъ сопротивлятся всѣми силами старался, однако все тщетно было, и теперь нахожусь въ мѣстѣ мнѣ совсемъ незнакомомъ, гдѣ повидимому жизнію моею вамъ долженъ. Ты долженъ ею, сказала я ему, милосердію великаго нашаго Пророка,

а

а по немъ такимъ людямъ, которыхъ участь равна съ твоей судьбиной: мы такъ же какъ и ты занесены съ часъ на сей берегъ, и не имѣемъ надежды съ него возвратиться безъ чудесной помощи Небесъ.

Незнакомый, который отъ часу болѣе приходилъ въ память, и котораго глаза принимали блѣстящую живость, взиралъ на насъ съ радостїю, и не смотря на мой уборъ, примѣтя, что мнѣ отмѣнное оказываютъ почтенїе: вамъ милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, думаю долженъ я благодарностїю, кою оказанное вами мнѣ благодѣянїе отъ меня требуетъ; позвольте же принести вамъ теперь оную, сколько достаетъ силъ моихъ. Государь мой, сказала я тогда, мной здѣлано только то, чего человѣчество отъ насъ требуетъ, и меня весьма много веселитъ, что въ

не-

несчастіи, которое меня обременяетъ, можно мнѣ было спасти дни человѣка, о сохраненіи которыхъ нашъ Пророкъ кажется старается. Ибо, есьли бы мы по кораблекрушеніи не были прибиты къ сему острову, тобы ты на берегахъ сихъ конечно погибъ; но что? можемъ ли мы льститься имѣть лутчую участь, и не благополучнѣе ли бы мы были, когда бы море насъ поглотило и скончало бы тѣмъ бѣдствія наши, нежели быть принужденными страшиться въ сихъ мѣстахъ ежеминутно тѣхъ скорбей и болѣзней, которые представляетъ смерть, кою я неминуемою почитаю? я не могла сихъ словъ промолвить, не проливъ слезъ потоки; Карабага же видя меня въ семъ состояніи, и позабывъ о присутствіи незнакомца, обнимая меня съ великою горячностію: дражайшая Принцесса, ска-

сказала мнѣ, положись на великаго Пророка, онъ несчастныхъ не оставляетъ; Небеса справедливы, они конечно наградятъ правость твоего сердца.

Иностранецъ крайнѣ удивился, узная, что я была не то, чемъ быть казалась; онъ силился пасть мнѣ въ ноги; но я ему въ томъ воспрепятствовала. Милостивая Государыня, сказалъ онъ мнѣ тогда, жизнь сія, которою я вамъ долженъ, нестоль драгоцѣнна, что бы могъ заплатить ею за оказанную мнѣ вами услугу; но сколько ее достанетъ, то клянусь вамъ отъ самой искренности, что готовъ для васъ жертвовать ею; Небо одарило васъ всѣмъ тѣмъ, чего на свѣтѣ нѣтъ краше не для того что бы оставить васъ въ таковомъ состоянiи; корабль, на которомъ я находился, разбитъ былъ конечно неподалеку

отъ

отъ сего острова; можетъ быть море подастъ намъ припасы, коими оный нагруженъ былъ, и сіе самое провидѣніе, которое подаетъ все нужное къ пропитанію всякому звѣрю, не покинетъ насъ въ теперишнемъ нашемъ плачевномъ состояніи; ободритесь, сударыня, и велите съ верьху сихъ высокихъ камней посмотреть, не плаваетъ ли чего по морю, которое кажется мнѣ гораздо успокоилось. Мы послѣдовали совѣту незнакомца, и обшедъ почти весь островъ въ кругъ, увидѣли въ дали наводѣ нѣчто плавающее: Шабанъ будучи великій мастеръ плавать, пустился въ плавь и проплывя съ полверсты, увидѣлъ превеликой сундукъ и нѣсколько коробовъ; онъ пригналъ ихъ къ нашему острову, и чрезъ часъ времени вытащилъ все сіе на берегъ, куда прибѣжали мы съ великою ра-

достїю, и разсматривали, въ чемъ состояло вспомоществованїе Небесами намъ посланное: въ одномъ коробѣ было тридцать бутылей шираскаго вина: въ двухъ же сухари и сухая рыба, а въ сундукѣ находилось множество великолѣпнаго платья, которые принадлежали иностранцу какъ то онъ сказывалъ.

Неможно себѣ представить сколь много мы случаемъ симъ обрадованы были; радость сїя еще болѣе умножилась, когда онъ насъ увѣрялъ, что въ семъ сундукѣ надобно быть много совсемъ готовыхъ удочекъ, которыя тамъ и въ самомъ дѣлѣ были: и симъ способомъ нашедъ свое пропитанїе, предались мы совсемъ сему провидѣнїю, которое явило намъ въ толь удобное время свою помощь; мы наломали вѣтвей, и изъ нихъ надѣлали себѣ нѣкоторый родъ шала-

шалашей, гдѣ поужиная изъ новой нашей добычи ночь довольно спокойно препровидили.

Незнакомый оправившись на другой день совсемъ, предсталъ предъ меня съ весьма прiятнымъ видомъ: милостивая государыня, сказалъ онъ мнѣ, одѣжда ваша для васъ весьма неприличествуетъ; а понеже вы здѣсь не имѣете женскаго платья, то удостойте покрайнѣй мѣрѣ взять которое нибудь изъ данныхъ моремъ, мы же почти одинакаго роста, и вамъ необходимо должно скрывать родъ вашъ подъ другою одѣждою. Карабага и Гуль-Эндама уговаривали меня, показать иностранцу сiю ласку, и я выбрала совсемъ новое полное платье, и не могла отговориться, что бы не взять еще и челмы, катораяубрана была множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Конечно

Конечно одѣжда придавала мнѣ всегда весьма много красы; какъ только показалась я въ семъ платье, то иностранецъ не могъ удержаться отъ чрезмѣрнаго удивленія, и всѣ со мною бывшіе увѣряли меня, что оно ко мнѣ очень пристало. Другіе сутки препроводили мы съ гораздо большимъ спокойствіемъ, и къ ночи надѣлали себѣ кровати изъ дерну, и услали ихъ листьями; къ большему удовольствію нашли мы на нашемъ острову небольшой ключь весьма чистой воды, и есьли смѣю сказать, то къ пріятности сна моего споспѣшествовало не мало и то, что сей прекрасный незнакомецъ представлялся многократно въ умѣ моемъ, и что не могла истребить изъ мысли толь пріятнаго человѣка.

Ахъ! Канцадея, говорила я сама въ себѣ проснувшись, въ какую

кую слабость ты впала! ты чувствуешь толико удовольствія единым напоминовеніем того человѣка, котораго ты еще неболѣе двух дней спознала, и который может быть неравнаго с твоим состоянія; мысли твои были до сих пор безвинны, единая жалость и достоинство, кое тебѣ чрезвычайным показалось, могут произвесть оныя; но разум их не оправдает: и так почитай впредь сего незнакомца простым человѣком, и не предавайся такой страсти, которой слѣдствіи могут быть для тебя весьма плачевны: ибо сей иностранец статься может имѣет в себѣ лѣстную только одну наружность, которая тебя прельщает; он может быть гораздо нисшаго произхожденія, нежели ты, и никакой добродѣтелію не обладает: увы! лутче бы

бы для тебя было, есьли бы тебя морскія волны поглотили, нежели сражаться тепебь прелѣстями лица сего незнакомца; убѣгай его какъ чудовища пожрать тебя готовящагося, или покрайнѣй мѣрѣ обороняйся отъ него такъ какъ отъ врага вооруженнаго *для твоей погибели.*

Я не успѣла еще положить великодушнаго сего намѣренія, какъ Карабага обьявила мнѣ, что иностранецъ подлѣ моего шалаша находится, и желаетъ со мною видѣться.

ВЕЧЕРЪ IX.

Продолженїе исторїи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Сколь ни сильно я противу себя казалось вооружилась, и сколь ни твердое намѣреніе положила; однако признаюсь, что почла за дол-

должность дозволитъ ему ко мнѣ взойти въ шалашъ, и что я чрезвычайно тронулась его увидя; онъ такъ перемѣнился отъ того, какъ я его на канунѣ видѣла, что сїе внутренне меня терзало; онъ подошелъ ко мнѣ съ великою робостїю и преданностїю, не говоря притомъ ни слова: спустя же потомъ нѣсколько минутъ говорилъ мнѣ такъ: милостивая государыня! вамъ еще не всѣ злополучїи ваши извѣстны, я васъ обожаю, и меня мучитъ смертельно то, что любовь мою не могу вамъ показать ничемъ инымъ, кромѣ совершенной преданности повелѣнїямъ вашимъ; я знаю, что объявленїе сїе васъ огорчаетъ, но думалъ, что будучи такого произхожденїя, которое позволяетъ мнѣ простирать желанїи мои до самаго величайшаго во всемъ востокѣ, не должно мнѣ таить

 отъ

отъ васъ долѣе моей страсти, не для того, что бы ожидалъ взаимности; я не столько самолюбивъ, что бы такимъ благополучіемъ могъ когда льститься; но есьли бы, дражайшая Принцесса невинность моихъ намѣреній была вамъ извѣстна, то бы я надѣялся, что предложеніе вамъ моего сердца не будетъ противно, когда притомъ и ваши мысли еще никѣмъ не заняты. Хотя рѣчь сія привела меня во удивлѣніе, однако душа моя не могла на него раздражиться за любовь его, и я не знала, что мнѣ ему на то отвѣтствовать, какъ вдругъ конечно вдохновеніемъ великаго Пророка сказала я ему слѣдующее: произхожденіе твое конечно должно быть моему равное, когда ты, зная кто я такова, осмѣлился сказать мнѣ что меня любишъ, и потому сіе твое объявлѣніе меня не озло-

озлобляетъ: сердце мое свободно еще отъ всякой страсти; но я завишу отъ такого брата, отъ котораго получить меня позволяю тебѣ стараться: есьли мы столь счастливы, что изъ сего острова выйти можемъ, то побѣжжай къ нему, но до тѣхъ поръ здѣлай мнѣ удовольствіе, не говори со мной о сей любови; съ симъ только договоромъ позволяю тебѣ со мной видаться.

Ахъ! милостивая государыня, сказалъ мнѣ тогда незнакомецъ, восхищенъ будучи отъ радости, и бросясъ къ моимъ ногамъ; я повелѣніямъ вашимъ слѣпо повинуюсь: есьли уста мои не могутъ говорить вамъ ежеминутно, что я васъ обожаю, то по крайнѣй мѣрѣ не будите столь несправедливы, что бы взоры и всѣ поступки мои вамъ то вѣщали; но скажите мнѣ, отъ какого государя вы зависите? отъ

Султана Ормуцкаго, отвѣтствовала я. Какъ! Кацанъ-Канъ вашъ братъ? а вы прекрасная Канцадея? вскричалъ незнакомецъ; о Небо! сколь я несчастливъ; чтобъ быть вашимъ супругомъ, должно мнѣ получить васъ отъ сего государя! я проѣжжалъ чрезъ всю Персїю; не безъизвѣстна мнѣ мерзостная страсть, которую къ вамъ Монархъ сей возъимѣлъ; не безъизвѣстно мнѣ до какихъ крайностей онъ дошелъ, что бы васъ къ ужаснѣйшему кровосмѣшенїю принудить; сїе возбудило во мнѣ столь великое къ нему отвращенїе, что я проѣжжая чрезъ его земли, не удостоилъ его своимъ посѣщенїемъ. Но хотя мы равнаго произхожденїя, потому что вы во мнѣ единаго сына и наслѣдника Висапурскаго Султана видѣте; однако ни мало не должно мнѣ льститься, что бы Кацанъ-Канъ почшилъ

тилЪ мой чинЪ и любовь мою, когда и кЪ законамЪ должнымЪ своей крови не имѣетЪ почтенія, которые точно запрещаютЪ ему искать обладать вами: и такЪ милостивая государыня, дозвольте, что бы мы не зависели отЪ власти такого брата, противу котораго все естество должно вооружаться.

Никто не можетЪ приведенЪ быть вЪ такое удивленіе, вЪ какомЪ я отвѣтомЪ Висапурскаго Принца находилась: не возобновляй *ПринцЪ*, сказала я ему, моей болѣзни напамятованіемЪ страсти такого брата, котораго я проклинаю, *и* который всѣхЪ моихЪ злополучій причина, потому что его избѣгая претерпѣли мы на берегахЪ сихЪ кораблекрушеніе; и я не думаю, что бы вЪ такомЪ состояніи, вЪ какомЪ мы теперь находимся, пристойно было, го-

 ворить

ворить о такой любови, которая мученія наши умножить можетъ; я читала о ней въ Персидскихъ нашихъ стихотворцахъ, и мнѣ кажется, что она способна только къ заблужденію разума, въ которомъ въ теперешнемъ моемъ состояніи должна я искать пристанища. Въ такихъ разговорахъ препроводили мы нѣкоторую часть дня, а при наступленіи ночи легла я на постѣль, и думала обрести тамъ хотя нѣсколько спокойствія, и насладиться ненарушимымъ сномъ, какъ Принцъ Висапурскій предсталъ предъ меня во снѣ съ столь величественнымъ видомъ, каковаго я въ немъ еще никогда не примѣчала: Канцадея! говорилъ онъ мнѣ, тщетно стараешся ты спорить мнѣ въ своемъ сердцѣ; дай свободное теченіе судьбинѣ, то въ книгѣ божественныхъ предѣловъ начертанно,

танно, что ты должна быть моею, я объявляю тебѣ имянемъ великаго нашаго Пророка, что любовь твоя только мнѣ одному врученна, и что я брата твоего принужу, согласиться на то, что бы я былъ твоимъ супругомъ.

Вь ту минуту проснулась я съ толь великимъ безпокойствїемъ, что долго не могла сомкнуть опять глазъ; я не знала, должно ли мнѣ было приключенїе сїе почитать объявленїемъ снисносланнымъ мнѣ съ Небесъ, которые иногда предвѣщаютъ намъ предбудущее, или дѣйствїемъ разговора моего съ Принцомъ. О великїй истолкователь повелѣнїй небесныхъ! вскричала я, непоколѣбимый столбъ закона нашего, божественный Магометъ возможно ли, что бы судьбина моя была когда такова какъ вѣщаешъ мнѣ оную устами любезнѣйшаго во всѣмъ свѣтѣ человѣка!

ловѣка! есьли то Небеса мнѣ повелѣваютъ, то тщетно стану тому сопротивляться: но что бы хотѣнїе ихъ познать истинно, то всегда остерегаться буду отъ прельщающихъ заразъ его. Есьли я на другой день не показывала Котбедину (такъ назывался Принцъ Висапурскїй), сколь много я его почитаю, то сїе сдѣлать было для меня весьма тяжко. Я опасаюсь, милостивыя государыни, продолжала Канцадея, что бы вы не похотѣли извинить моей слабости; я не хочу искать уменьшать ее великими достоинствами сего Принца; но единственно силою судьбины, которая, какъ то вы изъ послѣдующаго увидите, производила надо мною великїе дѣйствїи.

Между тѣмъ какъ мы такъ сказать только сами собою наполнены были; Капитанъ Альбаертъ

баертъ и Евнухъ ходили удить рыбу, и приносили оной всегда очень много, чемъ мы весьма довольны были; и ужѐ прошло тому болѣе двухъ недѣль, что мы такую вели жизнь, въ которой было начали и привыкать, какъ въ одинъ день Принцъ, Капитанъ и Шабанъ пошедъ очень рано на ловлю, увидѣли на морѣ сраженіе двухъ кораблей, изъ которыхъ одинъ оборонялся отступая назадъ и стараясь приближится къ нашему острову: видя сіе новое позорище, прилѣгли они на землю, а корабль, который обращался въ бѣгство присталъ къ берегу, и всѣ находящіеся на немъ вышли со всякою скоростію, и взошедъ на пригорокъ стали въ оборонительномъ состояніи. Едва только предводитель ихъ устроилъ, какъ неприятели ихъ, вышедъ также на берегъ, пошли на нихъ съ великою яростію, и

вскорѣ обагрили землю кровїю сражающихся. Перьвые, будучи несшоль многолюдны, стояли на выгодномъ мѣстѣ, и предводитель ихъ возбуждалъ ихъ такъ своимъ примѣромъ, что нападающїе на нихъ нашли гораздо болѣе сопротивленїя, нежели того отъ такихъ людей чаяли, которымъ должно уже было уставать отъ долгопродолжающагося жестокаго сраженїя, на коемъ показали великое мужество, и претерпѣли ужѐ не малый уронъ; но какъ послѣднїе получили вспоможенїе, приказавъ всѣмъ солдатамъ и матрозамъ на кораблѣ находящимся съ ними соединиться, то перьвые начали уступать мѣсто: предводитель же ихъ оборонялся съ чрезмѣрною храбростїю, и хотя былъ израненъ, однако жизнь свою защищалъ съ большимъ мужествомъ, нежели надеждою; и имѣя

дѣло

дѣло съ людьми, ни жалости ни великодушія незнающими и распаленными ростію, что столь много сотоварищей своихъ въ сраженіи семъ потеряли; уже погибалъ отъ великаго множества окружившихъ, какъ Принцъ Висапурскій взглянувъ на корабельнаго Капитана предлагалъ ему итти на вспоможеніе такого человѣка, который съ остальными десятью или двенадцатью храбрыми Офицерами или солдатами погибаетъ отъ множества неприятелей, коихъ еще болѣе сорока человѣкъ было. Капитанъ будучи весьма храбръ, согласился на предприятіе Котбединово; и Шабанъ просилъ у нихъ такъ же позволѣнія итти съ ними на бой вмѣстѣ; и такъ они всѣ трое пошли на защищеніе сего храбраго человѣка. Принцъ и Капитанъ имѣли при себѣ сабли, Евнухъ же схватилъ саблю у

одного изъ убитыхъ, и всѣ они вступили въ кровопролитный бой. Обѣ стороны примѣтили вскоре великое сїе вспомоществованїе, сильнѣйшая по претерпѣваемому отъ того урону, а слабѣйшая по великимъ дѣламъ, которые сїи три человѣка производили; и Котбединъ срубя въ одну минуту шесть самыхъ отважныхъ изъ той партїи, противу коей онъ дрался, привелъ всѣхъ въ страхъ и удивленїе.

Начальникъ ихъ гнался за храбрымъ воиномъ, который обремененъ будучи усталостїю и истощенїемъ крови изъ ранъ, упалъ подлѣ одного пригорка; уже неприятель его поднялъ руку вонзить въ него мечь свой, какъ Принцъ Висапурскїй увидя сїе дѣйствїе, ударилъ его по рукѣ своею саблею, отвратилъ сей смертельный ударъ; въ другой же разъ ударивъ его

по

по шеѣ срубилъ съ него голову, и покрылъ тѣломъ его того, которому онъ спасъ жизнь: встань государь мой, сказалъ онъ ему тогда, и собери силы свои къ защищенiю себя, понеже Небеса за тебя вступаются, произнося сiи слова удалялъ саблею своею всѣхъ его окружающихъ съ такою бодростiю, что подалъ сему воину средство, взять свое оружiе, возбудить почти уже со всемъ погашенное свое мужество, и ободрить тѣмъ подкомандующихъ своихъ къ неустрашимой оборонѣ, то исполнилъ онъ съ гораздо большею легкостiю, нежели чаялъ: непрiятели смертiю своего начальника, котораго Котбединъ лишилъ жизни, и удивленiемъ, въ кое приведены были чудесами имъ производимыми, пришли въ такой страхъ, что давя другъ друга хотѣли взойти на ко-

 рабль

рабль свой. Но Принцъ подкрѣпляемъ будучи остальными воинами своей стороны пресѣкъ имъ путь къ оному, и показалъ толь невѣроятные дѣйствїи неописаннаго мужества, что они всѣ съ оружїемъ въ рукахъ погибли.

Такимъ образомъ кончилось сраженїе; офицеры и салдаты сего воина окружили своего предводителя, который не взирая на множество ранъ, помышлялъ нестолько о излѣченїи оныхъ, сколько о оказанїи знаковъ своей благодарности Принцу Висапурскому: мы окончали сраженїе, сказалъ онъ ему, котораго слава тебѣ принадлежитъ; на ономъ спасъ ты мнѣ жизнь, а съ нею и оставшихся храбрыхъ людей: я тебѣ столь много обязанъ, что довольно вижу, что долго за то буду неблагодарнымъ, есьли Небеса не подадутъ мнѣ случая къ отмщенїю. Есьли

тебѣ,

тебѣ, сказалъ на то Котбединъ, показалъ какую услугу, что за оную легко воздать можешъ, спасая нетолько такую жизнь, которой бы я лишился вскорѣ, есьли бы вы на сей островъ непристали, но съ ней и жизнь той, кою я обожаю, и сохраненїе которой драгоценнѣе мнѣ собственной моей. О Небо! вскричалъ сей воинъ, возможно ли, что бы я былъ столь счастливъ, и могъ возблагодарить тебѣ хотя нѣкоторымъ образомъ за оказанное мнѣ вспомоществованїе? По сихъ словахъ Котбединъ, не обьявляя ему своего имяни ни моего, разказалъ ему вкратцѣ о нашемъ кораблекрушенїи и о ожиданїи неизбежимой смерти, или покрайнѣй мѣрѣ весьма тяжкой жизни, есьли онъ намъ не поможетъ: сїе произвело въ воинѣ чрезвычайную радость, что можетъ взять

насъ

насъ на корабль свой; я клянусь Небесами, пославшими мнѣ толь храбраго защитника, сказалъ онъ Принцу, что не только изведу васъ изъ мѣстъ сихъ; но повелю отвесть васъ въ такую часть свѣта, въ которую вы согласитесь удалиться. Окончавъ рѣчь сію хотѣлъ онъ, не взирая на свои раны итти съ Принцомъ къ тѣмъ, о спасенїи коихъ онъ столь много старался; но Котбединъ видя его слабость, и истощенїе крови просилъ его, что бы онъ на свой корабль возвратился, и велѣлъ бы перевязать себѣ раны, думая, что для него будетъ тамъ гораздо лутче, нежели у насъ на острову, лишенномъ всякаго спокойствїя жизни, и увѣряя его, что приведетъ насъ къ нему немедлѣнно.

Воинъ согласился на прозьбы Принцовы, и велѣлъ отнести себя на свой корабль. Котбединъ

столь

столь же много удивился, сколько возчувствовалъ печали, не нашедъ при себѣ ни Капитана ни Шабана: онъ видѣлъ, что они сражались съ такимъ мужествомъ, которое заставляло его опасаться, что бы они не погибли. И въ самомъ дѣлѣ нашелъ онъ ихъ между мертвыми тѣлами. Потеряніе двухъ толь храбрыхъ людей нарушало радость, которою должно ему было наслаждаться отъ полученія совершенной побѣды; онъ проливалъ о нихъ слезы, и прибѣжавъ къ нашимъ шалашамъ, разбудилъ насъ, и разсказалъ намъ о всемъ произшедшемъ; я же увидя его всего въ крови, не могла смотрѣть на него безъ ужаса. Ахъ! любезный Принцъ, вскричала я, не раненъ ли ты? нѣтъ сударыня, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, Небо, которое сохраняетъ меня конечно для защище-

щищенія вашего, не допустило меня на семъ сраженіи погибнуть; но убиты только Капитанъ и Шабанъ, которые въ славѣ моей великое участіе имѣли; сколь много благодарю я Небесамъ, что Альберта не было съ нами при толь опасномъ случаѣ; я несомнѣваюсь, что бы мужество его не привело и его въ погибель; но слезы наши, продолжалъ онъ, немогутъ возвратить жизнь неустрашимымъ друзьямъ нашимъ; къ чему же препровождать время въ безполезныхъ жалобахъ и разсужденіяхъ? великодушный незнакомецъ, коему я оказалъ услугу, насъ дожидается; онъ обѣщалъ мнѣ, велѣть отвести насъ въ такое мѣсто, которое похотимъ избрать себѣ жительствомъ. Толь пріятная вѣсть умалила печаль нашу о потеряніи Капитана и вѣрнаго Шабана; мы пошли не

мѣшкая

мѣшкая на берегъ, нашли тамъ шлюбку, на которой доѣхали мы до корабля, и взошедъ на оной приносили Небесамъ усердную благодарность о премѣненіи прежней нашей доли.

Хотя островъ, который мы оставили, и почитала я за такое мѣсто, кое за нѣсколько предъ симъ времяни чаяла быть своею гробницею; однако признаюсь, что безъ сожалѣнія не могла его покинуть, когда вспоминала, что на ономъ покорила себѣ Висапурскаго Принца; и Котбединъ, какъ то говорилъ онъ мнѣ уже послѣ, взиралъ на него съ нѣкоторымъ родомъ горячности, приводя себѣ на мысли то, что на ономъ родилась въ немъ такая страсть, которая все благополучїе жизни его состовляла.

Взошедъ на корабль узналъ Принцъ, что предводитель онаго, коему перевязали уже многія

раны,

раны, изъ коихъ ни одна не была смертельная, ожидалъ съ нетерпѣливостїю любезнаго своего защитника и всѣхъ его товарищей: и какъ увѣрили насъ, что мы его не обезпокоимъ, то взошли къ нему въ каюту. Какъ скоро онъ поднялся, что бы обнять Котбедина, то я взглянувъ на него, ужаснымъ образомъ закричала, и пала въ обморокъ въ руки Карабаги и Гуль-Эндамы; Принцъ Висапурскїй пришелъ въ смертельную печаль, видя, что тотъ, которому онъ спасъ жизнь, упалъ съ постели, и вскричалъ, о Небо! это Канцадея! это Ормуцкая Принцесса!

ВѢЧЕРЪ X.

Продолженїе Исторїи о Канцадеѣ Принцессѣ Ормуцкой.

Сколь ни великъ былъ страхъ и ужасъ, когда море колебаясь

бросало насъ то въ верьхъ то въ низъ, продолжала Канцадея, и сколь ни мучительно было взирать на приближенiе смерти, когда занесены мы были на тотъ пустый и необитаемый островъ, который мы оставили; однако ни что не можетъ сравниться съ ужасомъ, который произвело во мнѣ свиданiе съ Кацанъ-Каномъ, ибо это былъ Султанъ Ормуцкiй, во власть коего я попалась паки; и сей смертельный страхъ лишилъ меня чувствъ такъ, что я не въ силахъ была притти скоро въ память.

Не одна я при толь плачевномъ для меня случаѣ смущалась; отчаянiе и тягчайшая скорбь изображены были и на лицѣ Котбединовомъ; Султанъ мой братъ изъявлялъ такъ же не менѣе ярости. Послѣ первыхъ движенiй радости, которую увидя меня онъ почувствовалъ: о

Небо!

Небо! вскричалъ онъ, ты возвращаешь мнѣ Канцадею въ ту самую минуту, когда я уже всей надежды лишился увидѣться когда нибудь съ нею? но вижу, продолжалъ онъ рѣчь свою, ко мнѣ оборотясь, что ты та же жестокосердая и непоколебимая Принцесса, которой мнѣ никакъ смягчить было не можно, и что свиданіе мое причиняетъ тебѣ гораздо болѣе отвращенія, каковое чувствовала бы ты зря самое безобразнѣйшее чудовище.

Сколь ни великимъ была я объята страхомъ, однако почитала за должность, не подать Кацанъ-Кану ни малѣйшей надежды; взирая на него съ таковою небоязненностію, каковой онъ отъ меня не ожидалъ, говорила ему слѣдующее: конечно, Государь, тебѣ подвластною себя зрѣть, причиняетъ мнѣ столько мученія сколько бы радости

и

и удовольствія чувствовала я, есьли бы въ тебѣ находила настоящаго мнѣ брата; и есьли убѣгая отъ тебя, какъ отъ такого Государя, котораго страсть ко мнѣ представляла мнѣ самымъ мерскимъ въ свѣтѣ человѣкомъ; претерпѣла я величайшія напасти, то знай, что и теперь готова, въ жесточайшія опасности вдаться, когда въ прежнихъ своихъ намѣреніяхъ упорствовать ты станешъ; будь увѣренъ, что я нестолько страшусь смерти, что бы на безбожные твои желанія захотѣла когда согласиться. Ахъ! вскричалъ Кацанъ-канъ теперь открылась мнѣ притчина твоего побѣга; не ненависть твоя къ такому брату, который тебя обожаетъ, побудила тебя къ оному; сердце твое конечно заражено было другимъ какимъ предмѣтомъ; я немогу уже о

томъ

томъ сомнѣваться болѣе, видя тебя съ симъ храбрымъ незнакомцемъ. Кто ты таковъ ни есть, продолжалъ онъ, оборотясь къ Висапурскому Принцу; но благодѣянїе тобой мнѣ учиненное продаешъ ты мнѣ за весьма дорогую цѣну, потому что не поступя противу правъ честности и благодарности, не могу я лишить тебя жизни; но не могу и въ живыхъ тебя видѣть не нарушая ежеминутно своего покоя. Сїи слова, произнесенные съ разъяренным видомъ привели меня въ трепетъ, Котбединъ же со всемъ въ лице перемѣнился, не привыкши къ толь дерзостнымъ рѣчамъ: но могла примѣтить, что только страхъ меня озлобить и привесть еще въ несноснѣйшее состоянїе, причинялъ ему сильнѣйшее безпокойствїе; чего ради предъупредя его въ отвѣтѣ, государь, сказала я

Сул-

Султану, я прошу нашаго Пророка, котораго вЪ злополучіяхЪ моихЪ никогда не призывала я тщетно, что бы онЪ ввергЪ меня вЪ жесточайшія напасти, есьли сего иностранца видѣла я когда нибудь до прибытія моего на сей островЪ, куда Небеса послали его кЪ защищенію твоей жизни. Но что мнѣ вЪ томЪ нужды, вскричалЪ КацанЪ КанЪ, былЪ ли онЪ причиною побѣга Канцадеи, или нѣтЪ, есьли только сЪ того времяни сыскалЪ онЪ таинство, ей понравиться: слова ваши доказываютЪ мнѣ то довольно. Когда бы и самЪ онЪ не сказалЪ мнѣ, что тебя обожаетЪ, то ничто не могло бы обмануть прельщенные мои очи; я вижу, что храбрый сей воинЪ обладаетЪ толь великими и любви требующими достоинствами, что не могутЪ ненарушать моего спокойствія, и должны ко-

нечно произвесть въ сердцѣ твоемъ движенїе. Милостивый государь, прервалъ Котбединъ рѣчь его, достоинствы мои не такъ велики, чтобъ для тебя опасны были; а хотя бы я и всемъ тѣмъ обладалъ, однако Принцесса не могла примѣтить ихъ въ незнакомомъ ей человѣкѣ; покрайней мѣрѣ то мнѣ такъ кажется. Что же касается до моихъ чувствованїй, то не хочу стараться, понеже они тебѣ извѣстны, оправдать ихъ опасностїю смерти, на приближенїе которой я за нѣсколько минутъ безъ всякой взиралъ боязни, и которою, выключая тебя, никто не дерзалъ бы меня угрожать. Тщетно хотѣлъ бы ты предомной скрываться, для какой бы то причины ни было, сказалъ на то Кацанъ-Канъ; все, что въ тебѣ я нивижу, показываетъ мнѣ, что ты высокой породы; но чемъ знатнѣй-

знатнѣйшаго ты произхожденія, тѣмъ опаснѣе для тебя, есьли подлинно о томъ узнаю; никогда не будешь ты мнѣ толь мерзостнымъ казаться, какъ когда увижу, что состояніе твое дозволяетъ тебѣ о полученіи сей Принцессы стараться и такъ не сказывай мнѣ, кто ты таковъ, и знай, что судьбина подала мнѣ нынѣ самый лутчій случай, показать всю мою добродѣтель; я потщусь не быть въ разсужденіи тебя со всѣмъ не благодарнымъ; но не *упущу* при томъ ничего, что бы воспрепятствовать тебѣ торжествовать моимъ несчастіемъ. Принцъ, слыша рѣчь сію, и находясь не въ состояніи сохранить болѣе себя въ предѣлахъ умѣренности, взглянулъ на меня, что бы показать плачевное свое состояніе; братъ мой то увидѣлъ, и въ взглядахъ нашихъ примѣтилъ

конечно нѣчто страстное, что привело его въ такую ярость, что онъ никакъ не могъ скрыть оную. Сего уже довольно, вскричалъ онъ, скоро выведешъ ты меня, дерзостный иностранецъ, изъ предѣловъ, которые я себѣ предписать старался; не раздражай болѣе самою жесточайшею страстїю обуреваемую душу; удались отъ гласъ моихъ, и оставь мнѣ время на опредѣленїе твоей и моей судбины. Участь моя, сказалъ на то Принцъ Висапурскїй гордымъ образомъ, не зависила бы теперь отъ тебя, есьли бы я мужествомъ своимъ не продолжилъ жизнь твою. То довольно мнѣ извѣстно, прервалъ его рѣчь Кацанъ-Канъ, и есьли бы то въ памяти моей теперь не было, то бы я ниминуты не подумалъ, что мнѣ при семъ случаѣ предприять должно. Ты можешь дѣлать все, что хочешъ,

сказалъ Котбединъ выходя изъ Султанской каюты, держась рукою за свою саблю; но подумай о томъ собравъ весь свой разсудокъ.

Корабельный лѣкарь, опасаясь, что бы толь раздраженная рѣчь не причинила какого вреда моему брату, представлялъ ему, что бы онъ нѣсколько успокоился; онъ совѣтъ сей принялъ; но подъ вечеръ раны его такъ разстворились, что принуждены были выйти на тотъ островъ, на которомъ мы жили. Какъ скоро пришли мы въ прежніе наши шалаши, то Кацанъ-Канъ, который приказалъ цѣлый день держать меня подъ карауломъ, велѣлъ меня къ себѣ призвать, и по нѣкоторыхъ несносныхъ для меня рѣчахъ, на кои я безъ боязненно отвѣчала, сказалъ мнѣ, что онъ уже положилъ твердо, какимъ образомъ поступить ему

съ храбрымъ незнакомцемъ, который его нарушалъ спокойствїе, и велѣлъ его просить къ себѣ въ шалашъ.

Котбединъ узная, что Султанъ желаетъ съ нимъ видѣться, взошелъ къ нему съ неустрашимымъ лицемъ, и Султанъ погладя на него нѣсколько времяни, ни говоря притомъ ни слова, перервалъ наконецъ молчанїе. Храбрый незнакомецъ, сказалъ онъ ему, я свидѣтельствуюсь Небесами, что полученное отъ тебя благодѣянїе столь много признаваю, что есьли бы оно не помрачилось учиненнымъ тобой мнѣ оскорблѣнїемъ, то все мое имѣнїе, чины и достоинствы раздѣлилъ бы съ моимъ спасителемъ; я долженъ тебѣ жизнїю, сїю услугу хочу наградить по обѣщанїю моему повелѣнїемъ отвести тебя въ то мѣсто, въ которое ты пожелаешъ, выклю-

чая только моего государства, куда вступать запрещаю тебѣ строжайшимъ образомъ; и такъ съ сей же минуты приуготовляйся къ отъѣзду, помни, что разлука наша должна быть навѣки, и что непозволяется тебѣ искать Ормуцкой Принцессы, есьли хочешъ избѣгнуть смерти.

Котбединъ отвѣтствовалъ бы Султану конечно съ гордостiю, есьли бы не опасался умножить еще болѣе мои несчастiи; я уже награжденъ довольно за оказанную тебѣ мной услугу, сказалъ онъ ему, когда подаешъ мнѣ способъ, отъ береговъ сихъ удалиться; дозволь же мнѣ взять тотъ корабль, который твои непрiятели, кои конечно морскiе разбойники были, на сихъ берегахъ оставили, и что бы нѣсколько изъ твоихъ матрозовъ проводили меня до первой при-

 стани.

стани. КацанЪ-КанЪ радуясь, видя Котбедина вЪ таковомЪ расположенiи, послалЪ немедлѣнно осмотреть корабль, на которомЪ нашли только двенадцать плѣнниковЪ прикованныхЪ, и заключенныхЪ вЪ самомЪ низу онаго, изЪ разбойниковЪ же, на ономЪ находящихся, ни одинЪ вЪ живыхЪ не остался.

Сiи двенадцать несчастныхЪ были вЪ весьма плачевномЪ состоянiи, и почти мертвые отЪ голода. ПринцЪ Висапурскiй приказавЪ снять сЪ нихЪ оковы, и выбравЪ изЪ нихЪ шесть человѣкЪ, способныхЪ кЪ управленiю кораблемЪ, который нагруженЪ былЪ всякими нужными сЪѣстными припасами, пошелЪ проститься сЪ СултаномЪ, и обЪявилЪ ему, что не имѣя вЪ его людяхЪ нужды, не хочетЪ онЪ умалить его свиты. ИзЪ сего отказа, отвѣтствовалЪ ему Кацанъ-

цанъ-Канъ, вижу я, сколь велика твоя гордость и честность; ты нехочешь быть мнѣ ничемъ обязанъ; корабль сей принадлежитъ тебѣ по военнымъ правамъ: прощай, храбрый незнакомецъ, обвиняй мою несчастную долю, а не мою неблагодарность; всего же болѣе помни то, что намъ никогда не должно имѣть свиданія, и что въ Персіи смерть на тебя стремится. Ты мнѣ уже то сказывалъ, отвѣтствовалъ Принцъ, и я того не позабуду; а есьли же гдѣ найдемся вмѣстѣ, то желаю, что бы свиданіе сіе было для тебя тольже полезно, какъ и первое; по семъ не дождавшись отъ Султана отвѣта, онъ ушелъ и сѣвъ на корабль уѣхалъ, небудучи въ состояніи сказать мнѣ ни одного слова.

* * *

ВЕЧЕРЪ XI.

Продолженїе исторїи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Признаюсь, продолжала Принцесса, что чрезмѣрную печаль почувствовала, видя отдаленїе корабля Котбединова; она тѣмъ жесточаѣ меня терзала, что я принуждена была скрывать оную, дабы не огорчить Султана еще болѣе, который препроводя на нашемъ острову съ недѣлю, и почитая себя въ состоянїи въ путь отправиться, сѣлъ на корабль въ томъ намѣренїи, чтобы въ Ормуцъ возвратиться. Но отъ мореплаванїя сего занемогъ такъ, что принужденъ былъ пристать къ берегамъ Малабарскимъ, и прїѣхавъ въ городъ Кананоръ, во ожиданїи совершеннаго выздоровлѣнїя, разсудилъ за благо, послать одного изъ своихъ Офицеровъ въ Ормуцъ, для извѣ-

извѣданія, въ какомъ состояніи государство его находилось, и для обьявленія тамъ своихъ повѣленій: Ибо онъ имѣлъ причину опасаться, что бы страсть его ко мнѣ не побудила вельможъ двора его къ бунту, и что въ отсудствіи его не произошло ли какого мятежа, тѣмъ еще наипаче, что поспѣшность, съ которою онъ отправился за мной въ погоню, возпрепятствовала ему дать въ разсужденіи своего отсудствія такіе повелѣніи, коихъ отъ него требовалъ самъ разумъ; и что онъ подобно простому какому побродягѣ поѣхалъ почти одинъ на первомъ изъ своихъ кораблей, который къ выходу совсемъ уже готовъ былъ; и такъ велѣлъ купить небольшой бригантинъ, и ожидая возстановленія своего здоровья, послалъ объявить въ Ормуцѣ о скоромъ своемъ туда возвращеніи.

То; чего Кацанъ-Канъ опасался, збылосъ въ самомъ дѣлѣ. Абдармонъ Султанъ бальзорскїй имѣлъ во время отсудствїя моего брата тайные въ государствахъ его переписки: о чемъ спустя болѣе двухъ мѣсяцовъ, которые онъ въ Кананорѣ принужденъ былъ по болѣзни своей прожить; увѣдалъ онъ отъ посланнаго имъ въ Ормуцъ Офицера, который возвратился къ намъ въ тотъ городъ, гдѣ мы находились. Абдармонъ пользуясь худыми впечатлѣнїями, кои въ подданныхъ моего брата произвела страсть его ко мнѣ, разгласилъ, будто Даудъ-Канъ, нашъ родитель отнялъ неправѣднымъ образомъ Ормуцкой престолъ у одного изъ его дядьевъ, и что противно то справѣдливости, что бы Государемъ ихъ былъ сынъ неправѣднаго владѣтеля, котораго нравы толь развраще-

нны

ны и отъ котораго они должны ожидать единственно весьма жестокаго правительства. Сїи причины подкрѣпилъ онъ сильною морскою армїею, коя подъ Ормуцъ подступила, и всѣмъ островомъ и еще нѣкоторою частїю земель моего брата завладѣла безъ пролитїя крови; потому что знатнѣйшїе въ государствѣ были угрозами его приведены въ страхъ, или подкуплены его подарками.

Визирь, коему братъ мой поручилъ свои земли, былъ только почти одинъ, который Государю своему остался вѣренъ; принужденъ будучи Ормуцъ оставить, ѣздилъ по нѣкоторымъ городамъ нашего государства, и какъ своими увѣщанїями, такъ и деньгами, кои раздавалъ въ пристойное время, набравъ около пятнадцати тысячь человѣкъ армїи, далъ бальзорскому

му Султану баталїю; но проигралЪ оную и потерялЪ притомЪ болѢе четырехЪ тысячь человѢкЪ. Во всей той части Персїи, которою братЪ мой владѢлЪ, слѢдовали тогда страхЪ, невѢрность, и очевидная опасность совершенной погибели всего государства, есьли бы Небо не установляло тамЪ нѢкоторый порядокЪ.

КацанЪ-КанЪ получилЪ плачевную сїю вѢсть не безЪ ужаса: вотЪ сударыня, сказалЪ онЪ мнѢ, вотЪ плоды моей кЪ тебѢ любови; любя тебя не довольно того, что бы губилЪ и весь покой свой, но надлежитЪ лишаться и моего государства. ИзЪ сего, Государь, отвѢтствовала я ему можешЪ ты познать, сколь много страсть твоя Небеса раздражаетЪ, и что умилосердишЪ ихЪ единственно отрицанїемЪ отЪ оной. Ос-

ставимъ сїе, вскричалъ Султанъ, и пойдемъ скорѣе Визирю моему на помощь; когда онъ еще живъ, то надѣюсь вскоре прогнать Абдармона изъ моего государства, или смертїю моею освободить тебя отъ несчастнаго Государя, на котораго ты, вижу, съ омерзѣнїемъ взираешь.

Хотя братъ мой еще и не совсемъ выздоровелъ, однако приказалъ все къ своему прїуготовлять отъѣзду, и нагрузя корабль свой разными товарами, купленными въ Кананорѣ отправились мы въ путь; но имѣя почти всегда противный вѣтръ, не можно намъ было на Яской мысъ непрїѣхать пожже цѣлымъ мѣсяцомъ, нежели мы думали: тамъ братъ мой приказавъ одному изъ своихъ людей сойти съ корабля, послалъ его въ то мѣсто къ одному изъ своихъ подданныхъ, который

ему

ему весьма былъ вѣренъ, и который на другой день на кораблъ къ намъ пріѣхалъ.

Кацанъ-Канъ увѣдомился отъ него съ крайнею печалїю, что вѣрный Визирь былъ убитъ, и что остальное небольшое число войска, которое Абдармону не покорялось, имѣло надежду только на одного храбраго человѣка, который во время сей войны толь славные дѣла производилъ, что Визирь здѣлалъ его своимъ помощникомъ, и армія послѣ смерти его избрала его своимъ предводителемъ. Что съ тѣхъ поръ неустрашимый Сагедъ, (такъ герой сей назывался) поступалъ съ такою премудростїю и храбростїю, что Бальзорской Султанъ, у котораго онъ взялъ уже назадъ четыре знатнѣйшихъ города, предлагалъ ему въ супружество одну изъ своихъ дочерей, обѣ-

щевая

щевая притомъ весьма великія выгоды, есьли онъ здастся; но что великодушный сей воинъ пренебрегъ сими предложеніями, и велѣлъ ему сказать въ отвѣтъ, что имѣя предмѣтомъ своимъ только то, дабы Кацанъ-Кану возвратить его престолъ, до намѣренія своего достигнетъ, или умретъ за него сражаясь.

Вѣдомость сія прельстила моего брата! другъ мой, сказалъ сей Государь Яскому жителю, корабль мой нагруженъ товарами, взятыми мной въ Кананорѣ, дабы въ Государство мое можно мнѣ было войти подъ видомъ купца; объяви меня здесь такимъ человѣкомъ, дабы безъопасно могъ я вступить въ мои земли: я хочу итти поскорѣе къ славному сему воину, умереть въ его глазахъ, или получить престолъ свой; а въ семъ случаѣ наградить его за оказанные

ные мнѣ услуги такимъ образомъ, чтобъ между мной и имъ не было почти никакого различія.

Кацанъ-Канъ приказалъ на другой день вынести на берегъ свои товары, поручилъ ихъ сему вѣрному своему подданному живущему въ Яскѣ, и купя тамъ восемь лошадей для себя для меня и для шестерыхъ лучшихъ людей изъ своей свиты, и взявъ съ собою всякихъ нужныхъ съѣстныхъ припасовъ, пристали мы къ одному небольшому каравану, и ѣхали только ночью, такъ что насъ никто не зналъ, и менѣе нежели въ три недѣли прибыли въ Лару: чемъ ближе приѣжжали мы къ сему городу, тѣмъ болѣе получалъ Кацанъ-Канъ извѣстій, которые въ немъ возбуждали надежду. Хотя Ларъ и посредственной величины, однако построенъ вкругъ одной каменной горы, на кото-

которой здѣланъ весьма крѣпкой замокъ; и нетолько побѣдоносная армія бальзорскаго Султана при ономъ успѣха не имѣла, но Сагедъ одерживая надъ оной послѣ смерти Визиря почти всегда верьхъ, съ пользою прогналъ ее до Гомрона; и какъ братъ мой далъ о себѣ знать знатнѣйшимъ обывателямъ Лара, которыхъ защитникъ нашъ умѣлъ содержать въ послушаніи, то они собрались къ нему, и падъ на землю увѣряли его въ ненарушимой вѣрности. А понеже Сагедъ гонялся всюду за непріятелями, то Кацанъ-Канъ почиталъ себѣ за безчестіе и стыдъ, остаться въ Ларѣ; но вознамѣрился итти самъ противъ бальзорскаго Султана: для сего выбралъ изъ тамошняго гарнизона двѣсти человѣкъ какъ офицеровъ такъ и рядовыхъ; и отправившись со мною для соединенія съ Саге-

Сагедомъ, послалъ объявить своей арміи, что онъ самъ идетъ защищать свои права и преимущества противу насильственнаго Абдармона, притомъ одному изъ своихъ солдатъ далъ письмо къ Сагеду, которое слѣдующаго содержанія было:

„ Храбрый воинъ, котораго „ единое мужество возвращаетъ „ мнѣ мое государство! я былъ „ бы безчестнѣйшій человѣкъ „ въ свѣтѣ, есьли бы не воз„ далъ тебѣ чувствительнѣй„ шей благодарности: но какъ „ ничего не могу найти, чемъ „ бы тебя наградить былъ въ „ состояніи достойнымъ, по ве„ ликимъ твоимъ услугамъ, „ образомъ, то избирай себѣ сіе „ въ такомъ государствѣ, ко„ торое я единственно отъ те„ бя имѣю; и клянусь тебѣ мо„ ей головой, на которую вели„ кій Пророкъ да броситъ громъ,

„ есьли

„ есьли я не сохраню своего
„ слова, что нѣтъ того, чего
„ бы не далъ тебѣ

Султанъ Ормуецкій.

Посемъ ѣхали мы почти безъ остановки къ Сагеду, и по десятидневномъ пути прибыли мы къ одной крѣпости, которую Даудъ-Какъ, мой отецъ, построилъ между Гитчи и Гомрономъ, и которую защитникъ нашъ взялъ назадъ у непріятелей не за долго до нашего прибытія.

Какъ скоро Султанъ далъ тамъ о себѣ знать, такъ скоро отворили намъ ворота, какъ и въ Ларѣ, и приняли насъ съ чрезвычайною радостію, и тамъ препроводили мы ночь спокойно ожидая Сагеда, который увѣдая о нашемъ прибитіи, оставилъ свой лагерь и пришелъ въ крѣпость, для полученія отъ Султана всѣхъ тѣхъ знаковъ дружества,

кои онъ обѣщалъ ему чрезъ письмо. Сей герой взявъ съ собою для провожанія только шесть офицеровъ пришедъ къ намъ на другой день нашего прибытія, приказалъ доложить о себѣ моему брату, который являя на лицѣ своемъ совершенное удовольствіе, любезная сетра, сказалъ мнѣ, пойдемъ на встретеніе такому человѣку, коему я столь много обязанъ, и почитай сіе за велико въ разсужденіи такого воина, которому во всемъ востокѣ нѣтъ подобнаго. Тогда Кацанъ-Канъ побѣжалъ съ распростертыми руками на встречу славнаго и храбраго Саседа, но только лишь на него взглянулъ, какъ отступя назадъ шага два вскричалъ: праведное Небо! кого я вижу? это тотъ незнакомецъ, который на пустомъ островѣ спасъ жизнь мою отъ морскихъ разбойниковъ.

ВЕЧЕРЪ XII.

Продолженїе исторїи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Я не могла, продолжала Канцадея, слышать словъ сихъ, и видѣть въ Сагедѣ Принца Висапурскаго, не почувствовавъ во всемъ тѣлѣ великаго трепетанїя: конечно, государь, сказалъ тогда сей герой, это я; и есьли повелѣнїи твои не исполнилъ точно, то думаю, что оказанною мной тебѣ услугою загладилъ свой поступокъ. Обманываешся, прервалъ Султанъ рѣчь ево съ великимъ сердцемъ, забывъ сколь много онъ воину сему былъ обязанъ: сколь велика безразсудная твоя дерзость? какъ! пренебрегъ моимъ запрещенїемъ, пришелъ ты въ мои земли предводительствовать подданными моими, и смѣешъ предстать предъ меня съ такою неустрашимостїю, какъ будто

будто бы я не былЪ тебѣ непримиримый врагЪ? развѣ ты позабылЪ клятву, данную тебѣ мною, что ничто не спасетЪ жизнь твою, есьли когда вЪ государство мое вступишЪ.

ВЪ твои земли, отвѣтствовалЪ на то СагедЪ сЪ холодностїю, зашелЪ я нечаяннымЪ случаемЪ; желанїе показать тебѣ тамЪ услугу, удержало меня вЪ оныхЪ; и можетЪ быть здѣлалЪ я для тебя столько, что отЪ такого государя, какЪ ты, могЪ надѣяться большей благодарности, нежели какую ты мнѣ теперь являешЪ: а притомЪ получа твое письмо, можно ли мнѣ было страшиться толь несправедливыхЪ клятвЪ, которые далЪ ты при разлукѣ нашей. НѣтЪ! сказалЪ братЪ мой сЪ великою яростїю, сколь я тебѣ ни обязанЪ, однако все то помрачается любовїю твоей кЪ Канцадеѣ; она

тебя

тебя побудила, вступить въ Персїю не взирая на мое запрещанїе: теперь суди самъ, какой судьбины ожидать ты долженъ, и не жалуйся на меня, есьли долгъ, которымъ обязанъ я тебѣ за спасенїе моей жизни, и засохраненїе моихъ государствъ, уступаетъ жестокости раздраженнаго и отчаяннаго любовника. Тогда Султанъ оборотясь къ знатнѣйшимъ своимъ офицерамъ, которыхъ рѣчь сїя въ великое привела удивлѣнїе, повелѣлъ имъ, взять Сагеда подъ карауль.

Повелѣнїе сїе Кацанъ-Кана, возложить руки на спасителя земель его, побудило всѣхъ притомъ бывшихъ къ великому роптанїю; а сїя медлительность во исполненїи его повеленїй усугубляла его ярость, и онъ вынималъ уже свою саблю, или принудить силою себѣ повиноваться, или броситься на Принца; какъ сей герой

приявъ на себя гордый видъ, я чаялъ, сказалъ онъ Султану, получить отъ тебя совсемъ иное; но вижу что всѣ твои дѣла такъ согласны съ мерскою твоею страстїю, которою ты неблагодарность свою извинить стараешся, что въ награду за спасенїе тебѣ жизни и за возвращенїе тебѣ твоего государства, не должно мнѣ было ожидать инаго, кромѣ того, что теперь мнѣ приуготовляешъ. Но есьли варварскїе свои намѣренїи произведешъ въ дѣйство, то я довольно получу отмщенїя срамомъ и поношенїемъ, которыми покрытъ ты будешъ, что столь жестокосердо поступилъ съ такимъ человѣкомъ, коему ты толь многимъ долженъ! знай, что бы ты не властвовалъ надъ моею вольностїю, и не лишилъ бы меня оной, не отнявъ у меня жизни подвергая и себя самого смерти, есьли бы

бы только хотѣлъ я защищать оную; но я хочу дать тебѣ нѣкоторые поученїи о великодушїи! поступи, какъ должно, Государь, есьли осталось въ тебѣ на то столько добродѣтели, войди самъ въ себя, погаси такую страсть, которая предъ богомъ и предъ всѣми твоими подданными дѣлаетъ тебя мерскимъ, и знай что только одна Принцесса Канцадея въ силахъ повелѣть мнѣ отдать мое оружїе. Проговоря сїи слова, положилъ онъ саблю свою предъ моими ногами, и оборотясь къ офицерамъ Кацанъ-Кановымъ, исполните, сказалъ имъ съ жалкою усмѣшкою, повелѣнїе вашего Государя; вскорѣ познаетъ онъ моимъ заключенїемъ или моею погибелью несправѣдливость своего поступка, когда то небесамъ угодно будетъ.

Есьли сїи съ пристойною Государю гордостїю произнесенные

слова привели Кацанъ - Кана во удивлѣнїе, то неменѣе умножили они и его смущенїе и ярость. Ты самъ, сказалъ онъ ему дрожа отъ величайшего гнѣва, извѣщаешъ приговоръ свой; и сїя къ Канцадѣе любовь, которою ты славишся, ввергая тебя во гробъ, будетъ служить примѣромъ подобнымъ тебѣ дерскимъ юношамъ умѣрять лучше свое честолюбїе. Есьли я люблю Принцессу сказалъ Сагедъ, то страсть моя оскорблять ея не можетъ, такъ какъ озлобляется она твоею; и есьли я о ней воздыхать осмѣлился, то сїе произошло отъ того, что природа моя позволяла мнѣ о полученїи ея стараться: и такъ подумай хорошенько, какимъ образомъ должно тебѣ поступить съ такимъ Государемъ, которому платятъ дань толь же сильные Цари, каковъ былъ и Султанъ Ормуцкїй, прежде

жде нежели я возвелъ его паки на престолъ родительской, коего онъ столь недостойнымъ себя являетъ; страшись заплатить своею и всѣхъ своихъ подданныхъ кровію за оскорбленіи которые ты мнѣ готовишъ. Окончавъ сіи слова, пошелъ сей славный воинъ въ тотъ покой, въ коемъ онъ жилъ въ крѣпости до прибытія моего брата, и оставилъ сего Монарха въ жесточайшемъ безпокойствѣ, такъ что болѣе четверти часа не могъ онъ проговорить ни слова, показывая на лицѣ своемъ величайшую ярость, которой плачевныхъ дѣйствій ежеминутно я страшилась; потомъ прервавъ свое молчаніе говорилъ: конечно дерзностный сей почитаетъ одного себя способнымъ къ побѣжденію бальзорскаго Султана; я докажу ему совсемъ противное; въ то время, какъ будетъ онъ сидѣть подъ крѣпчай-

шимъ карауломъ, пойду къ своимъ полкамъ и покажу, что въ мужествѣ ему не уступаю. Тогда повѣля Коменданту той крѣпости смотрѣть за Принцомъ наистрожайшимъ образомъ, и не допускать его до того, что бы онъ со мною видѣлся или ко мнѣ писалъ; отправился въ путь съ взятыми имъ изъ Лары солдатами и тѣми, кои въ Гитчѣ находились, и къ арміи, которая его съ крайнею нетерпѣливостію ожидала, поспѣшалъ какъ возможно прїѣхать скорѣе.

Какъ силы Абдармоновы были весьма ослабленны, то братъ мой почитая себя довольно сильнымъ къ нападенію на него, прїѣхавъ въ лагерь, которой былъ подъ Гомрономъ, послалъ къ нему ругательное письмо, коимъ вызывалъ его выйти изъ его укрѣпленій. Сему Государю небезъизвестно было, какимъ безчестнымъ

нымъ образомъ поступилъ Кацанъ-Канъ съ Сагедомъ; произшествїе сїе дошло и до его лагеря: и такъ пользуясь унынїемъ солдатъ моего брата, по причинѣ не благодарнаго поступка съ ихъ избавителемъ, принялъ онъ предложенїе его къ бою безъ всякой отговорки.

Оба Султана дѣлали все то, что нужно было къ ободрѣнїю солдатъ своихъ; съ обѣихъ сторонъ бились съ великимъ мужествомъ. Но сколь ни много неустрашимости и храбрости показывалъ братъ мой, однако какъ оные не провождаемы были здравымъ разумомъ, и войски его не имѣли начальникомъ своимъ непобѣдимаго Сагеда, то въ скоромъ времяни начали уступать Абдармоновой армїи. Кацанъ-Канъ въ отчаянїи и не хотящїй спасенїя своего искать въ поносномъ бѣгствѣ, сверженъ былъ на зем-

лю, и не взирая на величайшее свое мужество взятъ въ полонъ съ нѣсколькими офицерами, кои отъ него никогда отстать не хотѣли.

Сей неблагодарный Государь, который за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ казалось стремился къ бою; искалъ побѣды единствено только для того, чтобъ потомъ вонзить мечь въ своего благодѣтеля; видя тогда самаго себя въ оковахъ, пришелъ въ неописанную ярость. Зналъ онъ довольно, что непріятель его только смертію его можетъ получить тѣ права, которые онъ требовалъ имѣть къ Ормуцкой коронѣ! и такъ легко познать можно, въ коль плачевномъ состояніи онъ находился. Между тѣмъ, какъ онъ несноснѣйшими размышленіями терзался, узнала я о проиграніи баталіи и о заключеніи Султана; потому что крѣ-

ность наша весьма не далеко отъ непрїятельскаго лагеря отстояла, почему легко намъ можно было знать о всемъ тамъ происходящемъ. Въ то время, какъ вѣдомость сїю получила, сидѣла я вмѣстѣ съ Комендантомъ; не мѣшкая нимало повелѣла ему отвесть меня въ покой къ Сагеду; онъ не смѣлъ меня ослушаться, и такъ свободный вездѣ имѣла пропускъ. Любезный Принцъ, вскричала я взошедъ къ нему въ комнату со всѣми бывшими со мной офицерами, Абдармонъ остался побѣдителемъ, Султанъ же его плѣнникъ; ты только одинъ въ силахъ загладить то, что учинилъ онъ по своему неразумїю; и сей мечь, который намъ до сихъ поръ толь великїя оказывалъ услуги, и который я тебѣ возвращаю, не для того тебѣ данъ, что бы присемъ случаѣ обнажить его неможно бы-

 ло.

ло. Кацанъ-Канъ нарушилъ въ разсужденіи тебя самые священнѣйшіе правы; но онъ братъ мой, и великодушіе твое не дозволитъ пребыть ему въ сей несчастной его судьбинѣ. Милостивая государыня, отвѣтствовалъ мнѣ сей герой, свободу, которую вы мнѣ возвращаете, получаю я съ чувствительнѣйшимъ благодареніемъ; напоминовеніе обиды причиненной мнѣ Султаномъ, не возпрепятствуетъ мнѣ, жертвовать для него еще разъ жизнію моею: я ничего не упущу, что бы могло заслужить ту честь, кою вы мнѣ приписываете; въ сей же день или умру или возвращу вамъ такого брата, который столь много безпокойствъ вамъ причиняетъ. Поди храбрый воинъ, сказала я ему, поди еще пренебречь своею жизнію за неблагодарнаго! но не подвергай оную

такимъ опасностямъ, что бы могъ забыть, сколь много участія я во всемъ томъ пріемлю, что до тебя касается; и спомоществуя Кацанъ-Кану поступай такъ, что бы не здѣлаться еще болѣе жертвою несправедливой ненависти, которая бы несчастнаго сего Государя могла покрыть величайшимъ срамомъ. Котбединъ не отвѣтствовалъ мнѣ ничего; но поцѣловалъ у меня руку, которою я подала ему его саблю, и приказавъ вооружить всѣхъ въ крѣпости находящихся, выключая только тѣхъ, кои со мной оставались, отправился въ путь, и вскорѣ собралъ разсѣянные остатки пораженной нашей арміи, кои къ нему со всѣхъ мѣстъ збѣгались; и хотя онъ и не разсуждалъ за благо, вести ихъ ко вторичному сраженію, однако изъ рѣчей ихъ могъ въ нихъ столько рев-

ности и мужества примѣтить, что нимало не усомнился итти съ ними прямо къ Гомрону; и они уже веселились побѣдою, видя себя подъ предводительствомъ толь храбраго вождя.

Побѣда, которую одержалъ Султанъ бальзорскій, и которую почиталъ онъ решительною, привела его въ такую радость, что не старался примѣчать, въ надлежащемъ ли порядкѣ солдаты его въ лагерѣ находились; они всѣ выступили изъ своихъ ширенгъ, предались пьянству и глубочайшему сну. Висапурскій Принцъ увѣдая о семъ безпорядкѣ, вздумалъ употребить оный себѣ въ пользу, и съ небольшею своею арміею, состоящею только изъ шести тысячь человѣкъ, дождавшись ночи напалъ съ такою яростію на непріятелей нашихъ, что всѣхъ

вЪ лагерѣ находящихся побилЪ безЪ малѣйшаго сопротивленія.

Абдармонъ, который сЪ Визирями своими наслаждался вЪ Гомронѣ спокойнымЪ сномЪ, пробудился скоро отЪ крику и замѣшательства; и бѣжа принять оружіе, велѣлЪ отворить городскіе ворота вЪ то самое время, какЪ ПринцЪ для завладѣнія приближился кЪ онымЪ; а сіе тѣмЪ еще легче могЪ онЪ учинить, что бальзорскій СултанЪ, не вѣдая еще о пораженіи своего войска, и думая, что то его солдаты были, которые вЪ городЪ укрыться хотѣли, шелЪ кЪ нимЪ прямо и поощрялЪ ихЪ кЪ сраженію сЪ непріятелемЪ. ПринцЪ примѣтя его заблужденіе, подпустилЪ его кЪ себѣ, а потомЪ пресѣкши ему путь поскакалЪ на него сЪ такою скоростію, что легко могЪ дать знать, что онЪ его непріятель; и

и какъ подъѣхалъ онъ къ нему столь блиско, что слова его можно было слышать, то говорилъ ему такъ: Султанъ, познай Сагеда защитника такого Государя, котораго ты безъ всякой причины притѣснять ищешь; ты мой плѣнникъ, потому что съ малымъ числомъ солдатъ, которые съ тобой идутъ, не можешь ты мнѣ безъ дерзости сопротивляться: весь твой лагерь раззоренъ нами, и войско мое уже овладѣло Гомрономъ. бальзорскій Султанъ смутился видя себя въ таковомъ состояніи; и будучи исполненъ жесточайшею яростію, видя толь скорую и нечаянную премѣну своей судьбины, хотѣлъ лутче лишиться жизни, нежели прежить свое злополучіе; и приближась къ Принцу какъ разпаленный гнѣвомъ левъ напалъ на него съ такимъ мужествомъ, что побу-

дилъ

дилъ его къ настоящей оборонѣ: никогда еще не находилъ Котбединъ толь достойнаго храбрости своей непріятеля; но на конецъ побѣду получилъ Принцъ; Абдармонъ палъ съ лошади, и такъ былъ израненъ, что спустя по томъ съ минуту и умеръ. Есьли офицеры его взирали на кончину его съ ужасомъ, то оный умножился еще болѣе, видя что никакой не остается имъ надежды къ отмщенію оной; напротивъ того Гомронскіе жители, которые принуждены были претерпѣть всякіе насильствіи дерзостнаго побѣдителя, соединясь съ солдатами Принца, всѣхъ ихъ порубили; и менѣе нежели въ полчаса, не взирая на повѣленіи Котбединовы, для прекращенія кровопролитія, спаслись только тѣ, которые успѣли сѣвъ на иные корабли въ

гавани

гавани стоящіе, отрезать канаты и пуститься вЪ море.

УспѢхЪ сей почти невѢроятной побѢды былЪ толь скорЪ, что СултанЪ Ормуцій, который вЪ ГомронѢ сидѢлЪ плѢнникомЪ, не могЪ еще о томЪ получить извѢстія. КотбединЪ хотя его привесть вЪ удивлѢніе, далЪ такіе повѢленіи, которые сЪ точностію исполнены были. ВѢлелЪ отворить себѢ двери вЪ его комнату; и представЪ предЪ КацанЪ-Кана, привелЪ несчастнаго сего Государя вЪ такое смущеніе, что онЪ не зналЪ какимЪ образомЪ могло бы то случиться; ревнивость его столь сильно возобновилась, что плѢнЪ его показался ему тѢмЪ еще несноснѢе. Увы! вскричалЪ онЪ; есьли подданные мои отворили твою темницу, то для чего пришелЪ ты ко мнѢ смѢяться моимЪ плѢномЪ.

ВЕЧЕРЪ XIII.

Продолженіе исторіи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Котбединъ, продолжала Принцесса, давъ Кацанъ-Кану время нѣсколько успокоиться, говорилъ ему такъ: есьли бы я остался въ крѣпости Гитчѣ, то бы Кацанъ-Канъ былъ еще въ оковахъ, и судбина его зависила бы отъ бальзорскаго Султана: но сего Государя уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, я сразилъ его моей рукою; всѣ твои непріятели или погибли или обращены въ бѣгство; и я пришелъ сюда, объявить тебѣ Государь, что ты въ сихъ мѣстахъ уже не плѣнникъ, но самовластный повелитель. Сія толь нечаянная перемѣна тебя удивляетъ; но сколь ни невѣроятною она тебѣ кажется, однако все изреченное мною истинно.

Сія

Сія неожидаемая вѣдомость тронула Султана столь сильно, что долгое время стоялъ онъ, потупя глаза въ землю; потомъ властно возбудясь отъ глубокаго сна, я вижу, сказалъ онъ ему, храбрый Сагедъ, что я рожденъ только для того, что бы самые жесточайшіе сносить приключеніи, и чтобъ всегда быть тебѣ неизмѣримымъ образомъ обязанну; сколь много долженъ я стыдиться, что уже два раза явилъ себя въ разсужденіи тебя неблагодарнымъ? когда же Небо меня защищаетъ, то въ награду за толикіе твои услуги прими отъ меня Принцессу Канцадею: только требую отъ тебя того, что бы ты сочетался съ ней въ своемъ государствѣ, понеже вчера объявилъ мнѣ, что ты Царской крови. Ахъ! государь, вскричалъ Сагедъ, обнимая Кацанъ-Кана, сколь много доволенъ я симъ договоромъ,

ромъ, несомнѣвайся, что бы Султанъ Висапурскій, мой родитель, непоставлялъ себѣ за честь, быть въ родствѣ съ тобою; сей Государь меня чрезмѣрно любитъ, и потому ни что неможетъ побудить его сопротивляться моему удовольствію. Изрядно же, Висапурскій Принцъ, сказалъ Кацанъ-Канъ, поди въ Гитчи, и возми тамъ сестру мою; выбери тамъ въ гавани такой корабль, который хочешъ, отправляйся скорѣе въ Индїю; позволь только, что бы Принцесса прїѣхала въ твои земли съ пристойною состоянїю ее свитою.

Принцъ принялъ сїе предложенїе съ особливымъ удовольствїемъ: ахъ! Государь, сказалъ онъ моему брату, я всегда сомнѣвался, что бы добродѣтель твоя могла побѣдить такую страсть.... престань о томъ говорить вскричалъ Кацанъ-Канъ отъѣжжай

отъ

отъ сюда, есьли можно, завтре исъ Канцадѣю которой я не хочу болѣе видѣть; я не нахожу въ себѣ столько силы, что бы могъ проститься съ ней на вѣки, поди немѣшкая объявить ей такую вѣсть, которая возхититъ ея отъ радости, и которая меня горчайшею печалїю поражаетъ; я велю прїуготовить все къ твоему отъѣзду.

Котбединъ сѣлъ тотъ часъ на лошадь, прискакалъ ко мнѣ съ объявленїемъ толь благополучной перемѣны; и на другой же день прїуготовя совсемъ корабль, выѣхали мы изъ Гомронской гавани, и отправились въ Яску, гдѣ взявъ Карабагу, Гуль-Эндаму и Альбаерта, которыхъ братъ мой тамъ оставилъ съ своимъ кораблемъ, и выѣхавъ изъ Ормуцкаго залива, взошли въ Арабское море.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Читалъ — — 785 год

Читалъ — 799 году

